Дарит В. К. Поржезинский
от автора

На правахъ литографированнаго курса лекцій.

КРАТКОЕ ПОСОБІЕ

КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

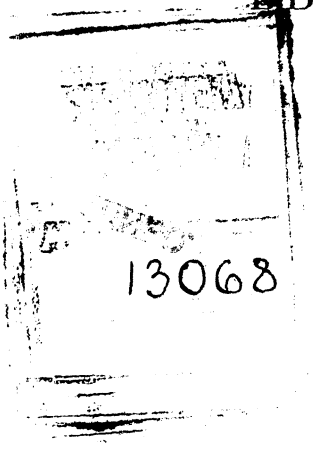
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКѢ

РУССКАГО ЯЗЫКА,

читаемымъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ
проф. **В. К. Поржезинскимъ.**

X

ВВЕДЕНІЕ и ФОНЕТИКА.



1 и

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1911.

Предварительныя замѣчанія.

Историческая грамматика русскаго языка имѣетъ своею задачею раскрытіе, съ возможною для насъ полнотою, прошлаго русскаго языка съ момента его выдѣленія изъ состава общеславянскаго языка вплоть до современной, переживаемой нами эпохи. При этомъ нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что научное изслѣдованіе исторіи языка имѣетъ дѣло не только съ литературнымъ нарѣчіемъ, но и со всею совокупностью живыхъ говоровъ, составляющихъ данный языкъ. Источникомъ, откуда наука заимствуетъ нужный ей матеріалъ, является, во-первыхъ, обширная область письменныхъ памятниковъ, начиная съ древнѣйшихъ доступныхъ намъ временъ, а, во-вторыхъ, она пользуется показаніями живыхъ, современныхъ изслѣдователю говоровъ. Данныя этого послѣдняго рода комбинируются въ свою очередь съ показаніями письменности, поскольку въ этой послѣдней находили отраженіе факты живого произношенія даннаго мѣстнаго говора. Такимъ образомъ мы имѣемъ возможность слѣдить за діалектическими явленіями въ преемственной связи частью и по письменнымъ памятникамъ.

Терминъ историческая грамматика имѣетъ два значенія: съ одной стороны, подъ этимъ названіемъ понимаютъ такую грамматику, которая въ отличіе отъ описательной (дескриптивной грамматики), предназначенной для удовлетворенія непосредственной практической потребности, слѣдитъ за измѣненіями въ составѣ даннаго языка по письменнымъ памятникамъ въ ихъ преемственной связи, а, съ другой стороны, съ болѣе широкой точки зрѣнія историческая грамматика есть исторія соотвѣтственной области фактовъ даннаго языка съ момента его отдѣльнаго существованія, т.-е. обыкновенно съ момента его выдѣленія изъ состава общаго ему съ другими родственными языками предка. Само собою разумѣется, что историческая грамматика въ первомъ смыслѣ этого термина является лишь составною частью общей исторіи языка, такой частью, которая къ тому же не допускаетъ механическаго выдѣленія. Всякое изслѣдованіе, вращающееся въ предѣлахъ письменной традиціи, неизбѣжно выходитъ изъ этихъ предѣловъ, неизбѣжно требуетъ освѣщенія добытыхъ данныхъ широкимъ примѣненіемъ сравнительнаго метода, иначе это будетъ лишь черновая подготовительная работа, лишенная признаковъ законченнаго научнаго изслѣдованія. Вѣдь путемъ комбинаціи данныхъ современнаго состоянія языка съ показаніями его письменности мы только и получаемъ возможность освѣтить эти послѣднія. Такое изслѣдованіе вскрываетъ намъ многіе факты, иначе оставшіеся бы непонятными, наконецъ, восполняетъ пробѣлы письменной традиціи. Само собою разумѣется, что, переходя къ сопоставленію даннаго языка съ фактами родственныхъ языковъ, для того, чтобы вскрыть ихъ общаго предка, мы обыкновенно вступаемъ уже въ область такихъ явленій, которыя совсѣмъ не отразились на письмѣ за глубокой ихъ древностью. Очень рѣдокъ такой фактъ, какъ налич-

ность латинскаго языка въ показаніяхъ письменной традиціи, открываемаго, съ другой стороны, путемъ сравнительноисторическаго изслѣдованія его потомковъ, романскихъ языковъ. Къ тому же это послѣднее даетъ важныя дополненія для самого латинскаго языка, такъ какъ онъ извѣстенъ намъ вообще въ видѣ литературнаго языка, при чемъ о явленіяхъ народныхъ говоровъ (вульгарная латынь) мы знаемъ лишь очень мало. Историческая грамматика романскихъ языковъ вскрываетъ намъ какъ разъ эту народную латынь, живые народные говоры, предки теперешнихъ романскихъ языковъ.

Терминъ грамматика имѣетъ два значенія. Во-первыхъ, подъ этимъ словомъ мы понимаемъ тотъ отдѣлъ науки о языкѣ, который изучаетъ формы языка (морфологія—формы отдѣльныхъ словъ, синтаксисъ—формы словосочетаній); во-вторыхъ, слѣдуя школьной терминологіи, грамматикой называютъ не только ученіе о формахъ языка, но и о его звукахъ, т.-е. то, что составляетъ предметъ фонетики, какъ исторіи звуковъ языка. Замѣчу еще, что подъ словомъ «этимологія» мы понимаемъ согласно значенію этого термина, взятаго изъ греческаго языка, изслѣдованіе происхожденія словъ языка.

Историческая грамматика языка имѣетъ самостоятельное значеніе, какъ особый предметъ научнаго изслѣдованія, а кромѣ того, несомнѣнно, важная роль принадлежитъ ей, какъ прикладной наукѣ для историка, изучающаго всю совокупность культурной жизни даннаго народа. Очень многіе факты этой послѣдней исчезли, не оставивъ намъ о себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ слѣдовъ въ языкѣ. Однако для того, чтобы правильно пользоваться показаніями этого послѣдняго, нужна предварительная подготовка, предварительная школа, иначе историкъ рискуетъ оказаться въ ложномъ положеніи. Само собою разумѣется, что историческая грамматика—необходимый составной элементъ и научнаго образованія, и практическаго примѣненія въ средней школѣ. Нельзя разумно преподавать языкъ, не будучи знакомымъ съ его исторіей, не имѣя правильнаго взгляда на соотношеніе его фактовъ, на связь между живымъ произношеніемъ и письменной его передачей. Не смущаясь трудностями, стоящими на пути сознательнаго усвоенія выводовъ науки объ исторіи русскаго языка, всякій, кто проходитъ высшую школу, долженъ идти бодро впередъ по указанному пути, помня о томъ, что онъ работаетъ не только для себя, но и для блага будущихъ поколѣній. Вѣдь очистить школьное преподаваніе отъ загромождающаго его сора, накопленнаго столѣтіями, не сможетъ, хотя бы и въ скромной долѣ, тотъ, кто не владѣетъ научнымъ знаніемъ въ достаточномъ для этого объемѣ.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

1. Составъ славянской вѣтви индоевропейской семьи языковъ.

Русскій языкъ является однимъ изъ языковъ славянской вѣтви индоевропейской семьи языковъ.

Славянская вѣтвь распадается на 3 группы: а) южную, б) восточную, или русскую, и с) западную.

Представителями южной группы являются слѣдующіе языки: 1) тотъ древній славянскій языкъ, на который въ IX вѣкѣ было переведено Священное Писаніе св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Этотъ славянскій языкъ мы должны называть старославянскимъ, а не церковнославянскимъ, какъ это нерѣдко дѣлаютъ. Дѣло въ томъ, что не надо смѣшивать старославянскій языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ въ древнѣйшихъ текстахъ, съ позднѣйшимъ церковнымъ языкомъ, представляющимъ видоизмѣненіе этого древняго языка подъ вліяніемъ живыхъ славянскихъ языковъ. Удерживая за этимъ позднѣйшимъ языкомъ названіе церковнославянскаго, мы будемъ называть языкъ первоучителей старославянскимъ: что касается предлагаемыхъ нѣкоторыми учеными терминовъ древнецерковнославянскій или староцерковный языкъ, то они неудобны, такъ какъ могутъ быть легко смѣшиваемы съ терминомъ церковнославянскій языкъ. 2) Къ южной группѣ принадлежатъ языки: болгарскій, сербохорватскій и словинскій, существующіе и въ настоящее время. Относительно болгарскаго языка нужно замѣтить слѣдующее: послѣ цѣлаго ряда колебаній наука въ результатѣ пришла къ выводу, что старославянскій языкъ принадлежитъ къ болгарской группѣ говоровъ, являясь однимъ изъ древнеболгарскихъ нарѣчій. Въ виду этого нѣкоторые ученые называютъ этотъ языкъ прямо древнеболгарскимъ, но это не вполнѣ точно, такъ какъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ мы находимъ цѣлый рядъ говоровъ, являющихся потомками другихъ древнеболгарскихъ говоровъ сравнительно съ тѣмъ, который является въ старославянскомъ языкѣ. Далѣе, до сихъ поръ еще не найдено въ болгарской группѣ прямого потомка этого языка, и очень можетъ быть, что діалекты, лежащіе въ его основаніи, имѣли особую судьбу, исчезнувъ тѣмъ или другимъ образомъ. Памятники старославянскаго языка дошли до насъ въ глаголическихъ и кирилловскихъ рукописяхъ. Древнѣйшимъ датированнымъ кирилловскимъ текстомъ (а есть и недатированные, напр., Саввина кн.) является Остромирово Евангеліе (1056—1057 гг.), представляющее старославянскій текстъ въ рукописи русской редакціи. Древнѣйшіе глаголическіе тексты, дошедшіе до насъ (Зографское и Маріинское Ев.), относятся, можетъ быть, къ концу X вѣка. Недавно открыта надпись царя Самуила 993 года. Древнѣйшіе памятники болгарскаго и сербскаго языковъ относятся къ XII в., а наиболѣе старымъ памятникомъ словинскаго языка являются фрейзингенскіе отрывки X—XI вв.

Восточная, или русская, группа представлена языками: великорусскимъ въ его двухъ нарѣчіяхъ, сѣверномъ (окающемъ) и южномъ (акающемъ), бѣлорусскимъ и малорусскимъ.

Древнѣйшими памятниками русскаго языка являются славянскіе тексты русской редакціи XI в. и коротенькія надписи на монетахъ, а также коротенькая надпись на Тмутараканскомъ камнѣ.

Западную группу составляютъ языки: чешскій и близкій къ нему языкъ словацкій, польскій и близкій къ нему кашубскій; два лужицкихъ языка—верхній и нижній; наконецъ, не существующій теперь языкъ полабскій, языкъ полабскихъ славянъ. Этотъ языкъ окончательно вымеръ, повидимому, въ XVIII столѣтіи, хотя, можетъ быть, еще въ началѣ XIX вѣка отдѣльныя лица еще помнили кое-что изъ языка своихъ предковъ. Памятниками его служатъ словари и нѣкоторыя записи, сдѣланныя въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Древнѣйшій памятникъ чешскаго языка относится къ XIII вѣку; древнѣйшій памятникъ польскаго языка относится къ XIV вѣку, а до этого времени какъ чешскій языкъ, такъ и польскій извѣстны по глоссамъ, отдѣльнымъ словамъ и собственнымъ именамъ.

Для нижнелужицкаго языка древнѣйшимъ памятникомъ является переводъ Новаго Завѣта Якубицы, который, не изданный, хранится въ Берлинѣ, въ Королевской библіотекѣ, въ рукописи XVI вѣка; къ концу XVI в. относится древнѣйшій памятникъ верхнелужицкаго языка—катихизисъ Ворѣхи.

Кромѣ языковъ славянской вѣтви, къ индоевропейской семьѣ языковъ принадлежатъ: 1) Балтійская вѣтвь (языки литовскій, латышскій и вымершій уже прусскій языкъ), ближайшимъ образомъ родственная съ славянскою вѣтвью, такъ что было нѣкогда время, когда по отдѣленіи отъ прочихъ сородичей языки праславянскій и прабалтійскій составляли одно цѣлое, языкъ балтійскославянскій; 2) Германская вѣтвь; 3) Кельтская вѣтвь; 4) Италійская вѣтвь; 5) Греческая вѣтвь; 6) Албанская вѣтвь; 7) Армянская вѣтвь; 8) Иранская вѣтвь; 9) Индійская вѣтвь. Иранская и индійская вѣтви находятся между собой въ ближайшемъ родствѣ.

Всѣ отдѣльныя вѣтви индоевропейской семьи языковъ произошли отъ одного общаго праязыка, такъ называемаго общаго индоевропейскаго праязыка, который пересталъ существовать, распавшись на рядъ потомковъ.

Этотъ индоевропейскій праязыкъ возстановляетъ наука путемъ сравнительноисторическаго изученія его потомковъ.

Точно такъ же путемъ сравнительноисторическаго изученія славянскихъ языковъ мы открываемъ общеславянскій праязыкъ. Сопоставляя его съ общебалтійскимъ праязыкомъ, возстанавливаемымъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ языковъ балтійской вѣтви, мы опредѣляемъ факты балтійскославянскаго языка эпохи его распаденія.

Съ другой стороны, сравнительноисторическимъ изученіемъ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ нами открывается тотъ общій фондъ, который лежитъ въ основаніи дальнѣйшаго развитія отдѣльныхъ вѣтвей, другими словами—индоевропейскій праязыкъ, уже не существующій, переставшій существовать съ распаденіемъ на отдѣльныя свои вѣтви.

Итакъ, эпоха балтійскославянская получаетъ освѣщеніе съ двухъ сторонъ: 1) мы знаемъ исходный пунктъ балтійскославянскаго праязыка, языкъ общеиндоевропейскій, 2) мы знаемъ конечный фазисъ его существованія, непосредственно предшествовавшій его распаденію на общебалтійскій и общеславянскій праязыки.

Аналогичнымъ образомъ мы подходимъ съ двухъ пунктовъ и къ эпохѣ общеславянской.

Далѣе, эпоха общерусская, предшествовавшая распаденію восточной вѣтви сла-

вянскихъ языковъ на отдѣльныя единицы, открывается нами 1) сравнительнымъ изученіемъ всѣхъ славянскихъ языковъ и 2) сравнительнымъ изученіемъ языковъ восточнославянской группы.

Необходимо при этомъ не упускать изъ виду того обстоятельства, что, несмотря на большіе успѣхи, достигнутые научнымъ языкознаніемъ, мы далеко не всегда имѣемъ возможность вполнѣ точно разграничить всѣ отмѣченныя выше эпохи по отношенію ко всѣмъ отдѣльнымъ явленіямъ исторіи данныхъ языковъ. Далѣе, мы знаемъ въ общемъ, какимъ образомъ происходитъ процессъ распаденія языка на отдѣльныя нарѣчія, и какимъ образомъ отдѣльныя нарѣчія превращаются въ языки. Однако въ примѣненіи къ отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ мы далеко не всегда можемъ опредѣлить всю совокупность причинъ, дѣйствовавшихъ при этомъ.

Отсылая за подробностями къ общему курсу языковѣдѣнія, я замѣчу, что превращеніе отдѣльныхъ нарѣчій въ самостоятельные языки находится въ тѣсной связи съ ослабленіемъ или полнымъ прекращеніемъ непосредственныхъ связей между соотвѣтственными частями даннаго народа, а само распаденіе языка на нарѣчія находится въ свою очередь въ зависимости отъ распаденія, дробленія самого общества, которому принадлежитъ данный языкъ, на тѣ или другія части.

Наконецъ, я долженъ вспомнить еще и о томъ важномъ обстоятельствѣ, что отъ родства языковъ нельзя заключать непосредственно къ родству данныхъ народовъ, которымъ принадлежатъ эти языки. Вѣдь языкъ можетъ передаваться отъ одного народа къ другому на ряду съ другими фактами духовной и матеріальной культуры. Такимъ образомъ, вы видите, насколько трудны и сложны проблемы, касающіяся самаго процесса распаденія не только общаго индоевропейскаго праязыка, но и языка общеславянскаго и далѣе общерусскаго языка.

Послѣднимъ, доступнымъ нашему взору пунктомъ, въ которомъ славяне по отдѣленіи отъ прочихъ сородичей, какъ бы оно ни произошло, жили еще совмѣстной жизнью, были склоны Карпатъ у верхней Вислы. Отсюда началось движеніе восточной ихъ отрасли, которое привело къ тому, что въ IX—X вв. въ бассейнахъ Днѣпра, Днѣстра, Западной Двины, Западнаго Буга, озера Ильменя и верхняго теченія Оки мы находимъ рядъ племенъ, перечисленныхъ начальною лѣтописью.

Прежде всего передъ нами возникаетъ вопросъ, въ какомъ соотношеніи находятся эти древнія восточнославянскія племена съ современными намъ великоруссами, бѣлоруссами и малороссами, а также въ какой генетической связи стоятъ нарѣчія древнерусскихъ племенъ съ извѣстными намъ великорусскими, бѣлорусскими и малорусскими нарѣчіями.

Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу еще, что терминъ русскій имѣетъ два значенія: въ болѣе широкомъ значеніи этотъ терминъ является синонимомъ термина «восточнославянскій», въ болѣе узкомъ—онъ равнозначащъ съ терминомъ «великорусскій». Литературный языкъ, являющійся общимъ литературнымъ языкомъ для великоруссовъ, бѣлоруссовъ и части малороссовъ, называется съ полнымъ правомъ просто русскимъ литературнымъ языкомъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ примѣнять терминъ «русскій» только въ его первомъ значеніи, а имѣя въ виду явленія народнаго великорусскаго языка, мы будемъ говорить всегда объ этомъ послѣднемъ; явленія общаго литературнаго языка, согласно съ вышесказаннымъ, мы будемъ называть русскими. Имѣя въ виду эту общность, а также совмѣстную жизнь бѣлоруссовъ и значительной части малороссовъ съ великоруссами, мы можемъ говорить также о нарѣчіяхъ великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ.

2. Древнерусскія нарѣчія и современныя намъ нарѣчія великорусскія, бѣлорусскія и малорусскія.

Итакъ, восточная вѣтвь славянской семьи языковъ, выдѣлившись изъ этой послѣдней, существовала въ IX—X вв. въ указанныхъ мною выше предѣлахъ въ западной части восточно-европейской равнины.

Въ это время восточные славяне распадались на рядъ племенныхъ группъ, названія которыхъ сохранила намъ первоначальная лѣтопись, и въ связи съ этимъ языкъ распадался на рядъ діалектовъ, распредѣлявшихся на три большія группы: сѣверную, среднюю и южную. Указанія на древнѣйшее діалектическое дѣленіе русскаго языка мы почерпаемъ изъ данныхъ древнѣйшихъ памятниковъ, отразившихъ діалектическія черты, въ связи съ показаніями современныхъ намъ говоровъ.

На протяженіи ряда вѣковъ, отдѣляющихъ описываемую эпоху отъ современной намъ дѣйствительности, произошли, понятно, крупныя подчасъ передвиженія въ составѣ русскаго народа, отразившіяся и на судьбѣ его языка.

Такъ, вмѣсто ряда племенъ, которыя застаетъ исторія въ IX—X вв., мы въ настоящее время находимъ три крупныя народности: великорусскую, въ двухъ разновидностяхъ (сѣверной и южной), малорусскую и бѣлорусскую съ ихъ языками, распадающимися на рядъ діалектовъ.

Возникаетъ, слѣдовательно, вопросъ, каковъ генезисъ этихъ народностей и языковъ, каково ихъ отношеніе къ древнерусскимъ племенамъ и нарѣчіямъ.

Отвѣтъ намъ даетъ исторія народа и исторія его языка.

Великорусскій языкъ распадается на двѣ большія группы говоровъ: сѣверновеликорусскую (окающую) и южновеликорусскую (акающую).

Сѣверновеликорусское нарѣчіе въ его разновидностяхъ существуетъ въ областяхъ, занятыхъ древними новгородскими славянами, кривичами, или ими колонизованныхъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, уступками въ пользу сосѣднихъ говоровъ.

Всецѣло принадлежатъ сюда губерніи Европейской Россіи: Новгородская, С.-Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Костромская, Ярославская, почти вся Владимірская, Вятская, Пермская, поскольку, понятно, мы не имѣемъ въ виду иноплеменныхъ группъ, сохранившихся въ извѣстныхъ частяхъ указанной обширной территоріи, и поскольку мы отвлекаемся отъ образованныхъ классовъ, говорящихъ на литературномъ языкѣ, о составѣ и происхожденіи котораго я скажу въ свое время.

Въ Псковской, Тверской и Московской губ. мы находимъ сѣверновеликорусское нарѣчіе только въ извѣстныхъ частяхъ. Псковская губернія принадлежитъ сюда только своею сѣверною частью, при чемъ мы здѣсь находимъ и смѣшанные говоры, отразившіе сѣвернорусскія и среднерусскія особенности. Южные уѣзды имѣютъ типичныя черты бѣлорусскаго языка и нѣкоторыя сѣвернорусскія особенности (г-г, а не звонкая фрикативная согласная, существующая въ литературномъ языкѣ, напримѣръ, въ словѣ «Бога» и являющаяся въ бѣлорусскомъ и южновеликорусскомъ вмѣсто взрывнаго г).

Такой пестрый составъ говоровъ Псковской губерніи находитъ себѣ объясненіе въ ея исторіи: здѣсь какъ разъ была область, гдѣ соперничали новгородское вліяніе и вліяніе литовскорусскаго государства, въ составѣ котораго, какъ мы увидимъ, образовалась бѣлорусская народность.

Въ Тверской губерніи сѣверные и восточные уѣзды (Калязинскій, Корчевскій, Кашинскій) принадлежатъ къ области сѣверновеликорусскаго нарѣчія, сѣверозападные (Вышневолоцкій, Осташковскій, Старицкій, Тверской)—акаютъ, а югозападные (Зуб-

цовскій и Ржевскій) имѣютъ рядъ бѣлорусскихъ особенностей (между прочимъ «дзеканіе»). Въ Московской губерніи издавна проходила діалектическая граница, но въ настоящее время среднерусскіе акающіе говоры значительно расширились на счетъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей; акаютъ, напримѣръ, въ Волоколамскѣ, старой Новгородской колоніи; можно думать, что здѣсь мы имѣемъ тѣ же элементы, которые потѣснили сѣвернорусовъ въ сосѣдней Тверской губерніи; на памяти поколѣнія середины прошлаго вѣка исчезло оканье къ сѣверу отъ Москвы, напримѣръ, по Ярославскому шоссе.

Въ Москвѣ, являвшейся издавна пунктомъ, въ которомъ сходились сѣвернорусскіе и среднерусскіе элементы, въ результатѣ образовалось особое нарѣчіе, въ которомъ соединились особенности тѣхъ и другихъ нарѣчій; въ Москвѣ мы находимъ умѣренное аканье, но **г** взрывное и не мягкое, а твердое **т** въ окончаніи 3-го лица глаголовъ.

Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь типичный великорусскій говоръ, о которомъ можно сказать, что онъ великорусскій, но не сѣверный, не южный; это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что политическая роль Москвы состояла въ объединеніи сѣверной и восточной части среднерусскихъ племенъ, въ созданіи изъ нихъ одной великорусской народности. Можно думать, что сѣвернорусскія поселенія простирались нѣкогда дальше на югъ, что границей между сѣверной и среднерусской колонизаціей была Ока: Муромскій уѣздъ и сейчасъ принадлежитъ къ сѣвернорусскому нарѣчію, въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, въ заокской его части, въ Спасскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ найдены сѣверновеликорусскіе, по своему происхожденію, говоры, измѣнившіеся подъ вліяніемъ южновеликорусскихъ; явленія языка отражаютъ здѣсь расширеніе областей южновеликорусской колонизаціи. Такъ какъ среднее Поволжье, т.-е. губ. Нижегородская, Казанская, Симбирская, были колонизованы сначала подъ охраной Владиміра, а затѣмъ подъ охраной Москвы, то составъ населенія былъ пестрый, чѣмъ объясняется и существованіе здѣсь смѣшанныхъ говоровъ: есть сѣверные, окающіе говоры, есть южные акающіе, есть, наконецъ, смѣшанные (аканье, **г**, **т** твердое въ окончаніи 3-го лица глаголовъ).

Такою же пестротою отличается населеніе Пензенской, Саратовской и сосѣднихъ съ ними восточныхъ губерній.

Вообще надо замѣтить, что граница между сѣвернымъ и южнымъ великорусскими нарѣчіями не является въ видѣ рѣзко выраженной черты, такъ какъ въ пунктахъ соприкосновенія обоихъ главныхъ типовъ великорусскаго языка образовались смѣшанные говоры, отражающіе оссбенности частью сѣверныхъ, частью южныхъ діалектовъ; ср. сказанное о московскомъ говорѣ. Есть, далѣе, смѣшанные говоры и иныхъ типовъ сравнительно съ московскимъ; ср. въ нѣкоторыхъ частяхъ Тверской губерніи (въ Тверскомъ, Корчевскомъ, Калязинскомъ, Кашинскомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ) оканье въ слогѣ непосредственно передъ ударсніемъ и во второмъ отъ ударенія, если дальше идетъ тоже **о** (дорогой), а въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ аканье. Смѣшанные говоры образовывались и не на границѣ двухъ нарѣчій, а путемъ колонизаціи (ср. Поволжье).

Южновеликорусское нарѣчіе слышится въ настоящее время въ губерніяхъ: Рязанской, Тамбовской, Тульской, Орловской, Калужской, въ частяхъ Курской, Смоленской и Черниговской, Московской и Тверской, а также въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были колонизованы южновеликоруссами (Сибирь была колонизована по преимуществу изъ сѣверной и восточной Россіи, слѣдовательно, областей сѣверновеликорусскихъ, но южныя окраины были колонизованы южновеликоруссами). Въ Воронежской губерніи, въ Области Войска Донского, въ Новороссіи мы встрѣчаемъ южновеликорусскіе говоры.

Труднѣе всего опредѣлить западную границу южновеликорусскаго нарѣчія, такъ какъ здѣсь оно соприкасается съ бѣлорусскими говорами, имѣющими тоже аканье.

Главнымъ критеріемъ являются только дзеканье и отвердѣвшее «**р**» (напримѣръ, пры-при), характеризующія бѣлорусскій языкъ, но помимо этого на границѣ есть говоры смѣшанные. Она проходитъ приблизительно по границѣ Сычевскаго и Бѣльскаго, Вяземскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ Смоленской губ., далѣе по границѣ Калужской и Смоленской губ., еще далѣе по Деснѣ.

Рязанская земля, заселенная уже въ XI в., является удѣломъ младшей линіи черниговскихъ князей, и можно думать, что колонизована она была врядъ ли одними вятичами, которымъ въ древности принадлежала большая часть теперешней Тульской губ. (за исключеніемъ южныхъ уѣздовъ), Калужская губ. и сѣверная часть Орловской. Въ Черниговской, Курской и части Орловской губ. сидѣли сѣверяне. Вопросъ о сѣверянахъ и ихъ роли въ образованіи русскихъ народностей еще не вполнѣ разрѣшенъ.

Въ Смоленской губерніи сходились въ прежнее время сѣверноруссвія и среднерусскія поселенія; въ лѣтописи Смоленскъ—городъ кривичей, да и понынѣ сѣверные уѣзды Смоленской губерніи (Порѣчскій, Бѣльскій, Духовщинскій) сохранили цоканье (мѣна **ц** и **ч**), сѣверноруссвую особенность, тогда какъ въ западной ея части сохранились типичныя бѣлорусскія черты, дзеканье и твердое **р**.

Бѣлорусскій языкъ въ своемъ современномъ составѣ представляетъ несомнѣнно результатъ очень сложнаго процесса претворенія въ одно цѣлое различныхъ элементовъ. На сѣверо-западѣ бѣлорусской территоріи мы встрѣчаемъ такую типичную сѣверновеликорускую особенность, какъ цоканье. На югѣ мы видимъ, съ другой стороны, въ южныхъ уѣздахъ Минской и частью въ Могилевской губерніи малорусскія особенности (дифтонги, см. ниже въ отдѣлѣ о звукахъ **е, о**). Припомнимъ еще, что характерная черта бѣлорусскаго языка—дзеканье, т.-е. переходъ **t** и **d** мягкихъ въ **с** и **dz** мягкія, напоминаетъ объ аналогичномъ явленіи польскаго языка, гдѣ мы находимъ тоже **с** и **dz** изъ старыхъ **t** и **d** мягкихъ, хотя польскіе звуки произносятся не вполнѣ такъ, какъ бѣлорусскіе; въ польскомъ языкѣ мы находимъ въ нихъ шипящій оттѣнокъ.

До сихъ поръ еще не разрѣшенъ окончательно вопросъ о томъ пути, какимъ шло образованіе бѣлорусскаго языка. Прежде всего не выяснено еще вполнѣ, какъ нужно смотрѣть на лѣтописное преданіе о приходѣ радимичей, сидѣвшихъ между Днѣпромъ и Сожемъ, съ запада: «Быша же Радимичи отъ рода ляховъ; пришедъше ту ся вселиша и платятъ дань Руси». Можетъ быть, дѣйствительно это по происхожденію восточная отрасль польскаго племени, переселившаяся въ мѣста, занятыя русскими племенами, отхлынувшими оттуда. Этимъ объяснилось бы бѣлорусское дзеканье, какъ черта, принесенныя съ прежней родины. Конечно, о времени до XI в., когда совершилось это переселеніе, нельзя говорить еще о вполнѣ развившемся дзеканьи въ польскомъ языкѣ, а можно думать, что только особенность въ произношеніи мягкихъ **t** и **d**, приведшая къ ихъ переходу въ слитныя согласныя, могла быть принесена съ запада; въ дальнѣйшемъ дзеканье развилось самостоятельнои у поляковъ, и у бѣлоруссовъ, чѣмъ и объяснялось бы различіе въ произношеніи мягкихъ **с** и **dz** въ одной и въ другой области (см. выше).

Сѣверныя особенности на сѣверѣ и признаки южнорусскіе на югѣ бѣлорусской территоріи могли бы найти себѣ объясненіе въ томъ, что это говоры, такъ сказать, обѣлоруссившіеся. Но что же такое, наконецъ, сами бѣлоруссы? Новѣйшая теорія ак. Шахматова, изложенная имъ въ курсѣ лекцій по исторіи русскаго языка въ Пе-

тербургскомъ университетѣ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: сѣвернорусскія племена (кривичи) и ляшскіе выходцы подверглись сильному воздѣйствію южнорусскихъ племенъ, которыя передали имъ рядъ своихъ особенностей, но затѣмъ наступило поступательное движеніе среднеруссовъ, которые спаяли въ одно цѣлое пестрый конгломератъ, передавъ ему свои особенности *). Главная черта этого происхожденія—это аканье. Раньше ак. Шахматовъ считалъ дреговичей и радимичей западною отраслью среднерусскихъ племенъ. Въ настоящее время онъ склоняется въ пользу признанія радимичей выходцами изъ Польши, а дреговичей южнорусскимъ племенемъ, подобно сидѣвшимъ далѣе къ югу по Припяти древлянамъ. Среднерусскія племена въ новомъ пониманіи ихъ состава получаютъ у него названіе восточноруссовъ. Мы сохраняемъ прежнее названіе, понимая подъ нимъ однако, только предковъ южновеликоруссовъ.

Бѣлорусская область въ настоящее время ограничивается слѣдующими приблизительными линіями. къ югу отъ линіи, идущей по южнымъ частямъ Опочецкаго, Великолуцкаго и Торопецкаго уѣздовъ Псковской губ., далѣе по южнымъ частямъ Осташковскаго, Ржевскаго и Зубцовскаго уѣздовъ Тверской губ. сидятъ бѣлоруссы; затѣмъ они сидятъ на западѣ отъ линіи, проходящей приблизительно по границѣ Сычевскаго и Бѣльскаго, Вяземскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ Смоленской губ.; далѣе эта линія идетъ приблизительно по границѣ Калужской и Смоленской губ., направляясь къ Деснѣ. Къ сѣверу и востоку отъ указанныхъ границъ живутъ великоруссы. Граница между бѣлоруссами и малоруссами идетъ по Бѣльскому уѣзду Гродненской губ., по р. Нареву, проходитъ по Пружанскому уѣзду къ р. Шарѣ и идетъ далѣе къ Припяти почти по границѣ Слуцкаго и Пинскаго уѣздовъ Минской губ. Далѣе границею служитъ Припять отъ устья Цны до ея впаденія въ Днѣпръ, при чемъ только въ юго-западной части Рѣчицкаго уѣзда бѣлоруссы зашли за Припять.

Малорусскій языкъ—потомокъ говоровъ, принадлежавшихъ южнорусскимъ племенамъ (поляне, древляне, дулѣбы, волыняне, тиверцы, уличи). Рядъ передвиженій и смѣшеній южнорусскихъ племенъ, въ результатѣ котораго сложилась малорусская народность, отразился и на судьбѣ языка: говоры малорусскаго языка въ большинствѣ случаевъ представляютъ продуктъ взаимодѣйствія двухъ основныхъ типовъ южнорусскихъ говоровъ въ ихъ различныхъ разновидностяхъ.

Первый толчокъ былъ данъ движеніемъ южной вѣтви южноруссовъ въ область, занимаемую сѣверною ихъ вѣтвью, о чемъ сохранила память лѣтопись, упоминающая о движеніи волынянъ въ область дулѣбовъ. Сѣверные малоруссы подались къ сѣверу и заняли Подляшье (части Сѣдлецкой и Гродненской губ.), и перешли Припять. Западная ихъ вѣтвь была отодвинута еще дальше на западъ, и можно думать, что такъ называемая Угорская русь представляетъ ея остатки (ср. измѣненіе **о** долгаго не въ **і**, какъ въ южномалорусскомъ, но въ **у**).

Нарѣчія галицкое, подольскохолмское и западноукраинское имѣютъ черты, заимствованныя изъ сѣверномалорусскихъ говоровъ (въ зап. укр., напримѣръ, находимъ отвердѣніе **р, т** твердое въ 3 лицѣ глагола, измѣненіе **и** въ **ы**), чѣмъ они отличаются отъ восточноукраинскаго нарѣчія на лѣвомъ берегу Днѣпра и далѣе на востокѣ, не имѣвшаго вліянія со стороны сѣверномалорусскихъ говоровъ, за исключеніемъ сѣв.-зап. части нынѣшней Полтавской губ. и южной части Черниговской, куда проникли сѣверные малороссы сравнительно поздно и гдѣ образовалось подъ ихъ вліяніемъ сѣверноукраинское или нѣжинскопереяславское поднарѣчье.

*) Движеніе это было вызвано отливомъ населенія изъ Приднѣпровья послѣ татарскаго погрома; этотъ отливъ далъ толчокъ сѣверовосточному населенію, подавшемуся на западъ и колонизовавшему дальше востокъ.

Западноукраинское нарѣчіе обнимаетъ область къ востоку отъ галицкаго и подольскохолмскаго нарѣчій до Днѣпра; на востокъ отъ Днѣпра въ Полтавской, Харьковской, Воронежской губ. и Новороссіи мы находимъ чистое восточноукраинское нарѣчіе, а сѣверномалорусское нарѣчіе въ настоящее время занимаетъ: 1) такъ называемое Подляшье (подляшское поднарѣчье), 2) сѣверныя части Кіевскаго и Радомыслскаго уѣзда, Овручскій уѣздъ Волынской губ. и прилегающія части сосѣднихъ уѣздовъ (полѣшское поднарѣчье). Нѣкогда оно простиралось здѣсь южнѣе, и Кіевская земля стала «Украйной» вслѣдствіе движенія южномалорусскихъ элементовъ на сѣверъ, подъ вліяніемъ опустошенія отъ татарскихъ погромовъ, открывшихъ имъ путь и на востокъ за Днѣпръ.

Современныя границы малорусской рѣчи опредѣляются приблизительно, съ одной стороны, линіей, отграничивающей ее отъ бѣлорусскихъ говоровъ, а, съ другой стороны, слѣдующей чертой, отдѣляющей ее отъ великорусскаго языка: эта приблизительная линія проходитъ по Новгородъ-Сѣверскому и Глуховскому уѣздамъ Черниговской губ., по Рыльскому и Суджинскому и далѣе по границѣ Обоянскаго и Грайворонскаго уѣздовъ Курской губ.; еще далѣе по границѣ Бѣлгородскаго уѣзда Курской губ. и Волчанскаго уѣзда Харьковской губ., Корочанскаго и Новооскольскаго, Тимскаго и Старооскольскаго уѣздовъ Курской губ.; въ Воронежской губ. малороссы живутъ въ южной части Бирюченскаго уѣзда, въ Валуйскомъ, Коротоякскомъ, Острогожскомъ и Богучарскомъ уѣздахъ; на востокѣ граница идетъ по Дону, далѣе по границѣ Области Войска Донского и Харьковской губ., а около Славяносербска по теченію Сѣвернаго Донца.

3. Русскій литературный языкъ.

Познакомившись въ общихъ чертахъ съ образованіемъ трехъ русскихъ языковъ: великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго, сложившихся на почвѣ древнерусскихъ нарѣчій, мы должны обратиться теперь къ общему обзору судебъ литературнаго русскаго языка, являющагося въ настоящее время языкомъ литературы и образованныхъ классовъ не только въ Великороссіи, но и въ Бѣлороссіи, имѣвшей нѣкогда, какъ мы вскорѣ увидимъ, свой особый литературный языкъ, а также въ очень значительной степени въ тѣхъ областяхъ, которыя заняты малорусскимъ племенъ въ предѣлахъ Россіи, гдѣ малорусскій языкъ начинаетъ вновь получать нѣкоторыя права гражданства лишь на нашихъ глазахъ, послѣ почти полувѣкового вынужденнаго молчанія; въ Галиціи малорусскій языкъ существуетъ въ литературномъ употребленіи въ очень обширныхъ размѣрахъ, являясь, между прочимъ, языкомъ преподаванія на извѣстныхъ каѳедрахъ въ Львовскомъ университетѣ.

Первыя основанія литературному языку на Руси были положены съ принятіемъ христіанства, вмѣстѣ съ которымъ появились и церковныя книги, писанныя на южнославянскомъ, старославянскомъ языкѣ. До этого времени христіанскій элементъ на Руси былъ представленъ, между прочимъ, варягами, часть которыхъ во время набѣговъ на Византію познакомилась тамъ съ новымъ вѣроученіемъ и съ высшей культурой; изъ своей среды, оставшейся въ общей массѣ языческой, они перенесли проповѣдь и на окружавшихъ ихъ славянъ; нѣкоторые изъ нихъ, по свидѣтельству лѣтописи, поплатились за это мученичествомъ.

Итакъ, на Руси въ качествѣ языка церкви и духовной письменности появился съ принятіемъ христіанства старославянскій языкъ, и древнѣйшіе тексты русской письменности представляютъ собою копіи южнославянскихъ оригиналовъ.

Этотъ языкъ былъ въ то время очень близокъ къ русскому языку, а при чтеніи его написаній на русскій ладъ эта близость еще болѣе увеличивалась.

Такимъ образомъ основнымъ факторомъ въ исторіи русской письменности и русскаго литературнаго языка является появленіе книгъ на близкомъ и понятномъ языкѣ, а этимъ объясняется отсутствіе на Руси борьбы за право національнаго языка, которую пришлось вести западнымъ славянамъ.

Далѣе понятнымъ становится намъ и тотъ фактъ, что живой русскій языкъ оказалъ вліяніе на книжный языкъ, получивъ отъ него въ свою очередь немало элементовъ.

Уже въ древнѣйшихъ текстахъ южнославянскаго происхожденія, переписанныхъ въ Россіи, мы находимъ русскія особенности, внесенныя писцами подъ вліяніемъ живой рѣчи. Сюда относится, напримѣръ, смѣшеніе буквъ **ѫ** и **оу**, **ѭ** и **ю**, **ѧ** и **ѩ** съ **а** (послѣ шипящихъ и **ц**) и **ѫ**, **ѣ** и **е**, полногласныя формы вмѣсто старославянскихъ **ра, рѣ, ла, лѣ**; ср., напримѣръ, въ О. Ев. **вѣроу** вм. **вѣрѫ**, **исцѣлю** вм. **исцѣлѭ**, **кѫплѭ** вм. **коуплѭ, любити** вм. **любити; морѫ** вм. **морѫ; лицѧ** вм. **лица; изгънаша** вм. **изгънашѧ**; **несть** вм. **нѣсть; володимироу, новѣгородѣ** въ послѣсловіи и т. д. О вліяніи южнославянскаго языка церковныхъ книгъ на устную народную рѣчь, я буду говорить въ другой связи, ср., напримѣръ, въ былинахъ — младъ, злато-серебро (первое—церковнославянское, второе русское слово), хощетъ и хочетъ.

То обстоятельство, что церковнославянскій языкъ (а такъ мы называемъ старославянскій языкъ, подвергшійся вліянію русскаго языка на Руси, сербскаго въ Сербіи и т. д.), попалъ прежде всего на югъ Руси, отражается въ условномъ церковномъ произношеніи и понынѣ, несмотря на то, что центромъ русской духовной и политической жизни стали вскорѣ Владиміръ, а затѣмъ Москва, именно, мы до сихъ поръ произносимъ, напримѣръ, Господь съ звонкомъ фрикативнымъ **г** (условное обозначеніе, греческая буква **γ** или **г** съ точкой на верху), чуждымъ сѣверновеликорусскому и московскому нарѣчіямъ.

Однако простого факта передвиженія центра изъ южной Руси въ сѣверную было бы еще недостаточно для объясненія того, почему въ церковнославянскомъ произношеніи слѣдовъ южнаго нарѣчія сохранилось такъ немного.

Слѣдуетъ принять во вниманіе и тотъ фактъ, что въ самомъ Кіевѣ, бывшемъ въ то время центромъ общерусскимъ, несомнѣнно, создался смѣшанный типъ въ языкѣ, отразившій на себѣ составъ самого населенія политическаго центра.

Отсюда становится понятнымъ, почему древніе памятники кіевскаго происхожденія не представляютъ ярко выраженныхъ діалектическихъ особенностей въ противоположность памятникамъ, относящимся къ другимъ областямъ.

Если бы Кіевъ удержалъ за собой значеніе и положеніе общерусскаго центра, то, несомнѣнно, начавшій въ немъ складываться общерусскій языкъ имѣлъ бы то мѣсто въ русской жизни, какое занялъ впослѣдствіи общерусскій языкъ, создавшійся въ Москвѣ.

Вліяніе русскаго языка на церковнославянскій, проявившееся въ такой значительной степени уже въ древнѣйшихъ памятникахъ XI в., съ еще большей силой сказалось въ послѣдующіе XII—XIII вв., когда большинство текстовъ переписывалось не съ южнославянскихъ подлинниковъ, а съ обрусѣвшей въ предшествовавшее время редакціи. Въ этотъ періодъ большіе юсы встрѣчаются рѣдко, малый йотированный (**ѩ**) также изгнанъ, малый нейотированный (**ѧ**), сохраняется на ряду и въ значеніи **ѧ**, церковнославянскія сочетанія **ръ, рь, лъ, ль** (напр., въ словахъ плънъ, врьхъ) передаются

въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имъ соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ сочетанія съ обратнымъ порядкомъ звуковъ, правильно, согласно съ русской фонетикой (пълнъ, вьрхъ). Живой русскій языкъ въ теченіе упомянутаго времени измѣнился въ своихъ фактахъ, и въ памятникахъ XIV в. мы находимъ уже отраженіе иной стадіи въ его развитіи сравнительно съ древнѣйшими текстами.

Древніе русскіе говоры въ своихъ особенностяхъ выступаютъ для насъ довольно опредѣленно, въ такъ называемыхъ руссизмахъ церковнославянскихъ текстовъ и въ памятникахъ свѣтской письменности (грамоты, договоры и т. п.).

Такъ, въ говорахъ новгородскихъ славянъ и кривичей мы находимъ мѣну **ц** и **ч** (ср., напримѣръ, въ новгородской Минеѣ 1095 г. црево, владыциче, чвѣтъ; въ Псковскомъ Апостолѣ 1307 г. нацальника, старци, рьци, въ Полоцкой грамотѣ 1230 г. нѣмьчиць; въ Полоцкой грамотѣ начала XV в. немечьки, вм. нѣмецькии и т. д., далѣе ср. мѣну **ц** и **ч** современныхъ сѣверноруссскихъ говоровъ. Новгородскій и Псковскій говоръ имѣли, далѣе, **жг** вмѣсто современнаго литературнаго **жж** и церковнославянскаго **жд**, ср. въ новгородской Минеѣ 1095 г. дъжгь, въ Минеѣ 1096 г. пригважгаема; въ псковскомъ Апостолѣ 1307 г. дожгь, пригвожгьше и т. д. Въ полоцкихъ и смоленскихъ памятникахъ этой черты мы не находимъ. Въ новгородскихъ памятникахъ мы находимъ замѣну буквы **ѣ** буквою **и**, и, наоборотъ, особенно въ словахъ передъ мягкими согласными; ср. въ Минеѣ 1096 г. лицемирьствовавъ, тьрьпиние, невидѣнія вм. невѣдѣнія и т. д.; ср. въ современныхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ свича, медвидь. Въ Полоцкомъ и Смоленскомъ говорахъ этой особенности повидимому не было. Въ Новгородскихъ памятникахъ, какъ и въ Псковскихъ, мы не находимъ иногда **в** передъ мягкимъ **л**; въ договорѣ Новгорода съ Тверью 1280 г.: присталивати; въ Новгородской лѣтописи: на ярослали дворѣ, ис Переяслаля, въ спискахъ Псковской лѣтописи: осталяша, запсколяне; ср. отмѣченныя въ современныхъ сѣверноруссскихъ говорахъ осталять (Новгородскій уѣздъ), засталять (Ладожскій уз.), кроля (подъ Изборскомъ). И этой особенности мы не найдемъ въ полоцкихъ и смоленскихъ памятникахъ. Псковскіе говоры отъ другихъ кривичскихъ говоровъ отличаются мѣною мягкихъ **ж** и **з, ш** и **с**: Апостолъ 1307 г.: здати, зѣланіе, смѣшилъ (смѣсилъ), въ спискѣ Псковской 1-й лѣтописи: кажну вшю (казну всю), перши (перси) и т. д.

Въ галицковолынскихъ памятникахъ XII в. мы уже находимъ изображеніе съ большею или меньшею послѣдовательностью посредствомъ буквы **ѣ** совпавшаго съ нимъ по качеству звука стараго долгаго **е**, получившагося въ закрытыхъ слогахъ, которые образовались вслѣдствіе исчезновенія **ъ** и **ь**; въ современномъ украинскомъ нарѣчіи мы находимъ отсюда **і**: ср. шѣсть, сѣдмъ, матѣрь. Въ тѣхъ же памятникахъ мы найдемъ **жч** вм. литературнаго великорусскаго **жж** (новгородскаго **жг**); дъжчь; бездожьчье; ср. современное малорусское дощь, эта послѣдняя особенность является и въ говорахъ дреговичей, ср. въ грамотахъ литовскихъ князей: наѣждчати, пріѣждчалъ и современныя бѣлорусскія дощикъ, дошчикъ.

Вполнѣ естественнымъ является то обстоятельство, что въ памятникахъ не церковныхъ, именно, въ памятникахъ свѣтской литературы (въ лѣтописяхъ), и особенно въ государственныхъ и юридическихъ актахъ мы найдемъ русскихъ особенностей больше, чѣмъ въ книгахъ церковныхъ и произведеніяхъ духовной литературы. Памятники этого рода отражаютъ въ XIV в. значительное разнообразіе діалектическихъ особенностей Руси восточной; двинскія, новгородскія и т. д. грамоты даютъ богатый матеріалъ для историка языка, который, однако, долженъ извлекать его съ надлежащею осторож-

ностью, не смѣшивая факты письма съ фактами самого языка и считаясь съ извѣстною традиціонностью языка грамотъ, тогда какъ такіе памятники литовскорусскаго государства представляютъ особый, искусственный языкъ, которымъ говорили при дворѣ литовскихъ князей и въ ихъ канцеляріяхъ, и который составился изъ бѣлорусскихъ и южнорусскихъ говоровъ, объединенныхъ совмѣстной жизнью въ предѣлахъ литовскорусскаго государства.

Этотъ западнорусскій языкъ, какъ его называютъ, языкъ Литовскаго Статута, перешелъ границы этнографическія и былъ перенесенъ въ отдаленную Молдавію и Валахію, какъ языкъ православный, народный, языкъ славянъ, или подчиненныхъ Полыпѣ, или зависимыхъ отъ нея.

Вы видите, такимъ образомъ, какъ отразились историческія судьбы русскихъ народностей на литературномъ языкѣ. общерусскій языкъ началъ складываться въ Кіевѣ; этотъ процессъ рано былъ прерванъ тѣми событіями, которыя лишили Кіевъ роли общерусскаго центра, созданіе литовско-русскаго государства дало почву для возникновенія литературнаго языка для тѣхъ областей, которыя оно объединило, тогда какъ на востокѣ до возникновенія новаго прочнаго центра, объединившаго среднерусскія и всѣ сѣверноруссвія племена и создавшаго великорусскую народность, не было условій, которыя могли бы создать нормировку языка. Только въ XV в. московское нарѣчіе, языкъ Москвы, государственнаго центра, лучше сказать, тотъ языкъ, которымъ говорили въ московскихъ приказахъ, сталъ офиціальнымъ языкомъ восточной Руси. Съ возникновеніемъ новаго государственнаго центра онъ получилъ въ наслѣдіе и богатое литературное достояніе Кіевской Руси, а рука московскаго писца и грамотея стерла съ него древній діалектическій обликъ, придавъ ему ту же внѣшность, какую имѣли документы и произведенія, писанныя въ самой Москвѣ. Языкъ церкви, болѣе консервативный по самому существу дѣла, продолжалъ однако сохраняться вообще въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ существовалъ на югѣ (ср., напримѣръ, современное намъ произношеніе: Господи, Бога съ звонкимъ фрикативнымъ согласнымъ), и это былъ также языкъ обширной и богатой духовной литературы.

Мало того, дѣятельность южныхъ славянъ, начавшихъ стекаться въ Москву въ тревожное для Балканскаго полуострова время (въ XIV в.), вызванное нашествіемъ турокъ, и селившихся здѣсь въ качествѣ ученыхъ, получавшихъ иногда духовный санъ и вообще вновь ожившія сношенія съ славянскимъ югомъ повели къ тому, что русскіе элементы, проникшіе, какъ мы видѣли, въ церковнославянскій языкъ, снова уступили мѣсто южнославянскимъ; были снова введены почти забытыя буквы (напримѣръ, ѧ), южнославянскія черты, какъ смѣшеніе **ы** и **и** по образцу сербскаго письма и т. д., и на языкъ церковныхъ текстовъ легла мертвая рука однообразія, заставившая отказаться отъ дальнѣйшаго сближенія языка церкви съ живымъ народнымъ языкомъ.

Судьба церковнославянскаго языка въ предѣлахъ польсколитовскаго государства была иная, хотя и схожая въ результатахъ. Вамъ извѣстны изъ исторіи тѣ условія, которыя вызвали въ Кіевѣ, Львовѣ и Вильнѣ обширную религіознополитическую литературу, направленную въ защиту православія отъ католицизма. Однако и по своимъ пріемамъ и по языку она стоитъ въ тѣсной зависимости отъ польсколитовской образованности; чистоту преданія въ церковнославянскомъ языкѣ соблюсти было, понятно, трудно, такъ какъ послѣ паденія южнаго славянства политическія условія и особенности строя внутренней жизни московскаго государства не допускали съ нимъ сближенія. Отсюда становится понятнымъ широкій притокъ польсколатинскихъ элементовъ въ

языкъ тогдашней религіознонравственной литературы юго-западной Руси, при чемъ тогдашними учеными старательно изгонялось изъ языка «все кметское, або посполитое», т.-е. все народное.

Итакъ, возвращаясь къ Московской Руси, мы видимъ здѣсь ко времени перехода государственной жизни въ Петербургскій періодъ два литературныхъ языка, одинъ церковный, другой приказный по своему происхожденію и главной сферѣ примѣненія.

Эпоха преобразованій Петра Великаго, коснувшаяся, какъ мы вскорѣ увидимъ, между прочимъ, правописанія и надѣлившая русскій языкъ большимъ количествомъ заимствованныхъ съ Запада словъ, въ тоже время не разрѣшила окончательно задачи созданія единаго литературнаго языка.

Лишь постепенный ростъ свѣтской литературы и постепенное расширеніе сферы примѣненія московскаго литературнаго языка привели въ XVIII вѣкѣ къ слиянію обоихъ типовъ книжнаго языка въ одинъ.

Трудно было справиться на первыхъ порахъ съ цѣлою массою славянизмовъ и варваризмовъ, трудно было очистить языкъ отъ излишняго балласта, явившагося при упомянутомъ сліяніи, и лишь во второй половинѣ XVIII в. онъ разрѣшилъ эту задачу, благодаря дѣятельности Тредьяковскаго, Ломоносова и др. представителей тогдашней литературы.

Съ эпохи Карамзина начинается новый періодъ жизни и развитія русскаго языка, ознаменовавшійся освобожденіемъ отъ многаго, что уже обветшало, и введеніемъ многаго изъ языка старины, раскрывшейся подъ перомъ Карамзина, и изъ живой разговорной рѣчи. Съ той поры, не прекращаясь, идетъ быстрыми шагами эволюція въ сторону сближенія письменной и живой рѣчи, достигшая высшаго своего развитія въ поэзіи и прозѣ Пушкина.

Въ настоящее время языкъ литературы является вмѣстѣ съ тѣмъ и разговорнымъ языкомъ образованныхъ классовъ.

Исторія церковнославянскаго языка на Руси объясняетъ намъ, какъ мы видимъ, то значительное количество заимствованій изъ этого послѣдняго не только въ книжной рѣчи, въ языкѣ образованныхъ классовъ, но также и наличность славянизмовъ въ народной рѣчи простолюдина.

Присмотрѣвшись ближе къ составу литературнаго языка, мы найдемъ въ немъ церковнославянскій элементъ не только въ отдѣльныхъ словахъ, но и въ цѣлыхъ оборотахъ и въ строеніи предложеній. Ср., напр., слова съ **жд** и **щ** вмѣсто соотвѣтственныхъ чисто-русскихъ словъ съ **ж** и **ч** (нужда, др. р. ноужа. Житіе Ѳеод. XII в., современное народное нужа; вождь, др. р. вожь, Холмское Ев. XIII—XIV вв.; одежда, ср. др. одежа, Житіе Ѳеод., современное народное одежа; общій, др. р., сопча, соопча, современное народное опчій; пещера, др. р. печера; вещь, хищный и мн. др.). Ср. далѣе слова съ церковнославянскимъ порядкомъ звуковъ вмѣсто русскаго полногласія: храбрый (въ былинахъ хоробрый, Ипат. лѣтоп. хороборъ), врагъ (Ипат. лѣт. ворогъ), плѣнъ (др. р. полонъ, Изб. Св. 1073 г.), время (Ипат. лѣт. веремя), церковнославянск. власть и русское волость различаются у насъ по значенію (второе «территоріальная единица», первое—въ отвлеченномъ значеніи); цѣлый рядъ дублетовъ конкретныхъ словъ различается по значенію тѣмъ, что церковнославянское слово имѣетъ болѣе широкое значеніе; ср. гражданинъ и горожанинъ, стражъ и сторожъ, ограда и огородъ, краткій и короткій, оградить и огородить; глава отличается отъ голова сферою употребленія въ иномъ отношеніи, ср. церковное слово въ такихъ сочетаніяхъ, какъ глава государства, церкви, глава книги, но русское слово для обозна-

ченія части тѣла и напр.: въ выраженіи «городской голова»; иной разъ церковное слово сохранилось въ опредѣленномъ сочетаніи, напр., «въ пухъ и прахъ» (= порохъ); въ области церковной терминологіи русскихъ словъ почти нѣтъ: храмъ (хоромы въ другомъ значеніи), праздникъ (но еще XIII в. мы встрѣчаемъ пороздникъ), странникъ, власяница, треба, среда (при середа) и т. д. Сравнимъ далѣе слова съ церковнославянскимъ **е** вмѣсто русскаго **о**: небо (нёбо — въ литер. яз. — съ другимъ значеніемъ), мятежъ, падежъ (падежъ съ другимъ значеніемъ) и др. Причастія на ущій-ющій, ащій-ящій являются заимствованными изъ церковнославянскаго языка, они чужды народному языку, сохраняющему (часто вмѣстѣ съ литературнымъ) старыя причастія въ значеніи прилагательныхъ: горючій, шипучій, текучій, сидячій, стоячій, ходячій. Сами обороты чужды народному языку и рѣдки въ древнерусскомъ языкѣ. Въ другихъ случаяхъ церковнославянскія слова, не отличаясь по значенію отъ соотвѣтствующихъ русскихъ словъ, отличаются отъ нихъ по своему употребленію, являясь принадлежностью такъ называемаго высокаго стиля; ср., напр., у Пушкина: возстань, пророкъ, и внѣмли.

Итакъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ, какъ мы видѣли, русскій литературный языкъ знаетъ дублеты—свое и церковнославянское слово, есть случаи, гдѣ онъ имѣетъ только одно заимствованное слово, ср. нужда, вождь (ср. старыя нужа, вожь), треба и т. д. Литературнымъ нужда, одежда, надежда соотвѣтствуютъ въ народныхъ говорахъ свои нужа, одежа, надежа.

4. Важнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго правописанія.

Прослѣдивъ общій ходъ развитія русскаго литературнаго языка, мы должны теперь остановиться на важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи правописанія, являющагося въ русскомъ языкѣ въ своихъ основахъ этимологическимъ.

Правописаніе по самому существу дѣла является вообще довольно консервативнымъ, такъ какъ въ этой области всегда сильна традиція, что частью объясняется внутренними, частью внѣшними причинами.

Именно, съ одной стороны, зрительные образы воспоминанія, источникомъ которыхъ являются начертанія словъ и ихъ сочетаній, служатъ такими же знаками нашей мысли, какими являются представленія звуковой стороны слова, и путемъ упражненія, привычки создается между ними очень прочная связь по ассоціаціи, въ которую входятъ и представленія мускульнодвигательныхъ ощущеній отъ движеній, главнымъ образомъ, руки при писаніи. Отсюда становится понятнымъ, что мы можемъ писать не вполнѣ такъ, какъ писали бы, если бы передавали каждый звукъ дѣйствительной рѣчи соотвѣтственнымъ, присвоеннымъ ему знакомъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ слышится. Несоотвѣтствіе это—результатъ процессовъ, происходящихъ въ языкѣ и измѣняющихъ его звуковой составъ; звуковая сторона языка измѣняется, тогда какъ въ область сложившейся уже письменности начертанія переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію въ неизмѣнномъ или почти неизмѣнномъ видѣ.

Колебанія въ написаніи, иногда весьма значительныя, мы наблюдаемъ обыкновенно лишь въ періоды, когда слагается, вырабатывается традиція, особенно, если данный народъ получаетъ письменность не на своемъ, а на другомъ, хотя бы и близко родственномъ, языкѣ, какъ это имѣло мѣсто въ древнее время на Руси.

Причина болѣе внутренняго характера, создающая враждебное отношеніе къ попыткамъ реформировать правописаніе,—это то, что грамотное (т.-е. согласное съ обще-

принятою нормою) письмо играетъ слишкомъ большую роль и въ школѣ, и въ жизни, а это сплошь да рядомъ заслоняетъ истинное его значеніе и дѣлаетъ его въ глазахъ людей даже умныхъ и ученыхъ, но не имѣющихъ надлежащаго лингвистическаго образованія (или слишкомъ зараженныхъ предразсудками) какимъ-то палладіумомъ, какой-то несокрушимой святыней, неприкосновеннымъ національнымъ достояніемъ.

Стыдно вспомнить о томъ, какъ рукою палача около вѣка тому назадъ были сожжены писанія Караджича, произведшаго основательную реформу сербскаго письма, впослѣдствіи принятую и узаконенную. Смѣшно вспомнить о тѣхъ нападкахъ, которыя позволяли себѣ нѣкоторые публицисты и ученые противъ скромныхъ попытокъ московскаго педагогическаго общества, предпринятыхъ къ тому же въ полномъ вооруженіи знанія и практики и направленныхъ къ устраненію излишнихъ буквъ и не-русскихъ начертаній, внесенныхъ, какъ увидимъ, даже довольно поздно юго-славянскими учеными, прибывшими въ Москву въ XIV—XV вв.; кромѣ того имѣлись въ виду устраненіе нѣкоторыхъ пунктовъ, нарушающихъ послѣдовательное проведеніе принципа этимологическаго письма (см. ниже). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что тамъ, гдѣ правописаніе не разошлось окончательно съ живой рѣчью, какъ въ англійскомъ языкѣ, время отъ времени необходимъ пересмотръ его основаній, и въ результатѣ его должно явиться устраненіе тѣхъ элементовъ, которые не находятъ себѣ достаточнаго оправданія съ точки зрѣнія общихъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе даннаго письма. Такъ поступаютъ нѣмцы, которые уже не разъ созывали представителей всѣхъ культурныхъ странъ, гдѣ живетъ нѣмецкая рѣчь, и узаконяли тѣ или другія измѣненія традиціонной орѳографіи.

Уже изъ предшествующаго мы знаемъ, каковы были начала письменнаго языка на Руси, и легко можете поэтому представить себѣ общій ходъ развитія русскаго правописанія. Мы уже видѣли, что на общемъ фонѣ чуждой, хотя и близко родственной, фонетики съ самаго начала пробиваются особенности языка, которымъ говорилъ самъ писецъ или переписчикъ.

Если въ текстахъ церковныхъ нѣкоторымъ сдерживающимъ началомъ явилось уваженіе и благоговѣніе благочестиваго грамотея, обыкновенно монаха, то зато въ свѣтскихъ памятникахъ (государственныхъ и юридическихъ актахъ) особенности живого языка проявлялись съ тѣмъ большей полнотой, чѣмъ болѣе сближалось начертаніе, въ своей основѣ южнославянское, съ требованіями русскаго языка.

Выше я указывалъ на то, что въ древній періодъ наибольшая степень сближенія письма съ живой рѣчью достигнута была въ XIII—XIV вв., но далѣе естественно развившійся процессъ былъ пріостановленъ, и правописаніе получило тотъ во многихъ случаяхъ уродливый характеръ, который оно бережно хранитъ и до сихъ поръ.

Это уклоненіе въ сторону мы замѣчаемъ съ конца XIV в., но съ особенной силой оно проявляется въ послѣдующіе вѣка (XV—XVII).

Этимъ русская письменность обязана прежде всего дѣятельности южныхъ славянъ (сербовъ и болгаръ), прибывшихъ въ Москву съ Балканскаго полуострова съ различными цѣлями послѣ того, какъ къ Москвѣ, казалось, перешла роль Византіи («Москва—третій Римъ»). Подъ вліяніемъ ихъ книгъ, ихъ учености въ русскія рукописи проникли чуждыя, не національныя черты, надолго остановившія всякое разумное совершенствованіе въ этой области и обогатившія ее сербизмами и болгаризмами.

Рукописи этихъ вѣковъ наполнены невозможными съ точки зрѣнія русскаго языка удареніями, ненужными надстрочными знаками; буквы **ъ** и **ь**, получившія уже значеніе знаковъ твердости и мягкости, стали смѣшиваться, такъ что **ъ** замѣняло **ь** по

образцу сербскаго письма; **ѧ** и вновь введенный **ѫ** стали смѣшиваться по образцу письма болгарскаго; **и** уступило мѣсто **і** не только въ словѣ **ісъ, ійс, іис** и въ концѣ строки, гдѣ оно писалось и раньше въ видѣ экономіи мѣста, но и передъ гласными, въ чемъ сказалось вліяніе греческаго письма, гдѣ буква Н, обозначавшая въ византійское время уже звукъ **и**, совпавши такимъ образомъ съ теченіемъ времени со старымъ **и**, писавшимся **і**, почти не приходилась передъ гласной; была вновь введена почти забытая буква **ѡ**, которую стали писать не только въ началѣ словъ, но и въ нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаніяхъ; начальное **о** въ око стало очнымъ (⊙), которое встрѣчаемъ, впрочемъ, уже въ XIII в. Въ оба и очи двойнымъ, въ словѣ окресгъ (крестнымъ (✠)); если такія странности со временемъ и были почти устранены, то зато крѣпко сохранялись окончательно введенныя южными славянами написанія нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаній, писавшихся ранѣе болѣе или менѣе послѣдовательно согласно съ русской фонетикой; такъ, изгоняется **о** изъ окончанія **ого** въ род. ед. и замѣняется чуждымъ русскому языку **а**; вводится написаніе **ѧ, ѫ, ѧ** вмѣсто русскаго **ѣ** въ окончаніяхъ родительнаго ед. женск. рода и въ именительномъ и винительномъ мн. ч. ж. рода и винительн. мн. ч. муж. род. мягкихъ основъ, смѣнившагося въ самомъ языкѣ окончаніемъ **и**, заимствованнымъ въ род. ед. ж. р. изъ соотвѣтственнаго окончанія твердыхъ основъ, а въ вин. мн. окончаніемъ им. мн. на **и** у неодушевленныхъ и род. мн. у одушевленныхъ именъ (русск. душа, др. р. доушѣ, церковн. сл. **доушѧ**, но народное—**е**, гдѣ **ѣ** въ окончаніи р. ед. женскихъ именъ перенесено и въ твердыя основы (кумѣ), др. р. вин. мн. конѣ, ключѣ; въ настоящее время сохраняется въ принятой орѳографіи не русское написаніе—**ыя** въ им. вин. множественнаго числа прилагательныхъ, въ отличіе, совершенно искусственное, формъ женск. и средн. рода отъ формы на **ые** муж. рода (въ живомъ языкѣ мы имѣемъ или—**ые** или—**ыи** съ различіями по діалектамъ, см. ниже въ отдѣлѣ о носовыхъ гласныхъ); любопытно, что уже Ломоносовъ понималъ отсутствіе различія по родамъ между **ые** и **ыя**, но находилъ первое болѣе приличнымъ для мужского рода, второе для женскаго и средняго; отмѣтимъ, что тогда же было введено всюду написаніе **ыи** въ им. ед. м. р. вмѣсто проникшаго въ письмо живого окончанія **ой**. Къ счастью, положеніе, созданное южными славянами не оказалось вполнѣ безнадежнымъ.

Древній уставъ былъ замѣненъ полууставомъ и далѣе къ концу XV в. скорописью полууставною, которая въ XVI в. уступаетъ мѣсто скорописи гражданской, осложненной массой сокращеній, вызванныхъ до извѣстной степени желаніемъ экономить довольно дорогой матеріалъ для письма. Буквы выносятся подъ строку, замѣняются надстрочными знаками и т. д.

Въ результатѣ получилось почти стенографическое письмо, утратившее отчетливость въ изображеніи звуковъ, чѣмъ и воспользовался Петръ, произведя реформу азбуки, сблизившую начертаніе кирилловскихъ буквъ съ латинскимъ шрифтомъ; онъ исключилъ всѣ ненужные надстрочные знаки и лишнія буквы между прочимъ и **ѵ**, оставивъ только рядомъ **ѣ** и **е**, **ф** и **ѳ** и сохранивъ **ѯ** и **щ**.

Въ послѣдующее время (1716 г.) вновь была введена буква **и**, при чемъ современное намъ разграниченіе сферъ употребленія этихъ буквъ опредѣлилось не сразу: «Россійское собраніе» писало **і** не только передъ гласными, но и въ иностранныхъ словахъ, Ломоносовъ же вообще видѣлъ значеніе въ различіи между **и** и **і** только въ томъ, чтобы частое сочетаніе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно и въ чтеніи запинаться не принуждало. Далѣе, **ѯ** (кси) съ теченіемъ времени исключили, вмѣсто петровскаго **ѕ** (зѣло) стали писать **з**, вновь ввели **ѵ**, **э** и **й**. Не

останавливаясь на подробностяхъ, замѣчу, что не мало было колебаній и въ начертаніи отдѣльныхъ словъ, пока, наконецъ, не были введены обязательныя для насъ въ настоящее время нормы. При изложеніи исторіи звуковъ русскаго языка мы попутно познакомимся съ цѣлымъ рядомъ ошибочныхъ написаній, существующихъ вопреки исторіи языка.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ ороографіи, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ въ защиту разумнаго примѣненія этимологическаго принципа противъ односторонняго увлеченія фонетическимъ письмомъ, задача котораго сводится къ тому, чтобы передавать слова на письмѣ всецѣло такъ, какъ они произносятся.

Всякое письмо, предназначенное для удовлетворенія практическихъ требованій, не можетъ, понятно, состоять изъ очень сложной системы знаковъ и значковъ, необходимыхъ для болѣе или менѣе точной передачи всѣхъ оттѣнковъ въ звукахъ рѣчи. Поэтому, при обычной системѣ передачи звуковъ рѣчи письменными знаками, мы выхватываемъ изъ ряда звуковъ, составляющихъ данное слово, только основные для нашего сознанія элементы, оставляя необозначенными всѣ промежуточные между ними.

Итакъ, фонетическое письмо, не имѣющее въ виду научныхъ цѣлей, всегда будетъ лишь весьма приблизительнымъ, тѣмъ болѣе, что послѣдовательное примѣненіе строго фонетическаго письма должно было бы считаться съ неизбѣжностью съ индивидуальными и діалектическими различіями даже въ общепринятомъ литературномъ языкѣ, а поэтому сомнительна польза его введенія сравнительно съ письмомъ этимологическимъ, основаннымъ, понятно, не на ученомъ анализѣ словъ и словосочетаній, а на тѣхъ данныхъ, которыя безъ труда извлекаются всякимъ изъ современнаго ему состоянія языка. Напримѣръ, произнося лоп, нофь и т. д., мы нисколько не затрудняемся написаніями лобъ, новь, сопоставляя данныя слова со словами лба, лбу, нови и т. д.

Понятно, что правильнѣе съ нашей точки зрѣнія было бы писать приставку из, низ, воз, раз всюду черезъ **з** (какъ без), не такъ, какъ мы пишемъ сейчасъ, нарушая этимологическій принципъ въ угоду фонетическому.

Однако, разумное этимологическое письмо не можетъ допустить существованія такихъ различій, которыхъ нѣтъ въ языкѣ; напр., сравните произвольное различіе между **ые, ыя**, о которомъ я говорилъ выше; различіе между **ѣ** и **е**, совпавшими въ литературномъ языкѣ и различающимися къ тому же современнымъ письмомъ неправильно въ цѣломъ рядѣ случаевъ, на которые я укажу своевременно; различіе между **и** и **і**; сюда же относится и сохраненіе на письмѣ буквъ, не обозначающихся уже звуками живой рѣчи: **ъ**, который сталъ уже давно только письменнымъ знакомъ, положительно слѣдуетъ устранить; **ь** можно сохранить для обозначенія мягкости предшествующей согласной, гдѣ это требуется, для того, чтобы не вводить какого-либо новаго знака (напримѣръ **j**) (йотъ).

Наконецъ, должны быть устранены и такія несообразности, какъ не-русское окончаніе **аго**; написаніе **и** послѣ давно уже отвердѣвшихъ **ж** и **ш** (ср. шить, жить и быть). Желающимъ подробно ознакомиться съ тѣми измѣненіями, которыя могли бы быть сдѣланы въ русскомъ правописаніи для приданія ему большей цѣльности и послѣдовательности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для облегченія отъ ненужнаго балласта, я могу указать на «Докладъ Педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ у-тѣ, по вопросу объ упрощеніи русской орѳографіи», см. Труды этого Общества, на вызванную этимъ докладомъ полемику и на работы орѳографической комиссіи при Ак. Наукъ, опубликовавшей предварительное сообщеніе о своей работѣ. По исторіи вопроса о реформѣ русскаго правописанія я могу указать на работу Чернышова «Письма о старой и новой орѳографіи», Спб., 1904 года.

5. Важнѣйшіе моменты въ исторіи науки о русскомъ языкѣ.

Познакомившись съ общимъ ходомъ процессовъ, создавшихъ современный русскій языкъ и его литературное нарѣчіе въ частности, мы должны теперь остановиться на вопросѣ о томъ, какъ постепенно слагалась наука о русскомъ языкѣ.

Въ исторіи науки о языкѣ мы должны вообще различать два періода: одинъ, простирающійся до возникновенія научнаго языкознанія, основаннаго въ первой четверти прошлаго вѣка дѣятельностью Фр. Боппа, Як. Гримма и Вильгельма фонъ-Гумбольдта; другой, начинающійся съ этого времени и простирающійся до нашихъ дней.

Въ теченіе перваго, до-научнаго въ строгомъ смыслѣ этого термина, періода отсутствовало вообще пониманіе исторіи языка. Хотя уже и тогда многими понималась наличность связи между отдѣльными языками и ихъ группами, но самое пониманіе этого отношенія было неправильно; невозможность правильной постановки вопроса о родственныхъ отношеніяхъ языковъ обусловливалась между прочимъ тѣмъ, что въ то время 1) не отличали своихъ словъ даннаго языка отъ заимствованныхъ, а провести между этими двумя категоріями фактовъ строгое различіе стало возможно не раньше, чѣмъ были разъяснены важнѣйшія явленія въ исторіи звуковъ данныхъ языковъ; 2) далѣе, не различались періоды въ жизни языка, а на необходимость изученія древнѣйшихъ доступныхъ намъ стадій въ жизни языка указывалъ уже Лейбницъ; 3) наконецъ, основной ошибкой было отправленіе отъ сходства въ отдѣльныхъ словахъ, которое не могло бы быть само по себѣ доказательнымъ въ виду многихъ заимствованій, если бы не оказалось, что сходство между данными языками касалось всего ихъ строя. Съ возникновеніемъ научнаго языкознанія произошелъ коренной переворотъ въ отношеніи къ языку.

Конечно, нельзя представлять себѣ дѣла такъ, будто научное отношеніе къ языку создалось сразу, только геніемъ упомянутыхъ мною лицъ. Нѣтъ, его возникновеніе подготовлялось въ теченіе всего предшествующаго періода, нужныя для этого условія накоплялись очень долго, пока, наконецъ, все это не нашло себѣ должнаго выраженія.

Въ этомъ процессѣ постепеннаго хода подготовки почвы для научнаго языкознанія и заключается для насъ громадный интересъ перваго, донаучнаго періода въ исторіи нашей науки, тѣмъ болѣе, что много его обломковъ сохранилось и до сихъ поръ въ традиціонномъ школьномъ преподаваніи, куда до сихъ поръ еще не проникъ основной принципъ науки, требующій изученія научнаго объекта, представляющаго послѣдовательную, закономѣрную смѣну явленій, въ его исторіи; описать современное состояніе языка мы можемъ, но правильно понять и освѣтить соотношеніе между его фактами и связь современнаго намъ его состоянія съ его прошлымъ, мы можемъ только при изученіи его фактовъ въ ихъ преемственной связи.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ выясненію нѣкоторыхъ подробностей. Славяне, получившіе христіанство черезъ посредство Византіи, получили вмѣстѣ съ тѣмъ въ наслѣдіе и богатую грамматическую литературу. Эта послѣдняя ведетъ свое начало отъ трудовъ александрійскихъ ученыхъ, занявшихся грамматическими вопросами, тогда какъ въ предшествующее время интересъ грековъ въ области языка сосредоточивался преимущественно на болѣе общихъ вопросахъ о происхожденіи языка, о соотношеніи языка и мышленія и т. д. Условія, которыя заставили александрійцевъ заняться разработкой грамматическихъ схемъ, состояли въ слѣдующемъ: въ послѣдніе вѣка передъ Р. Хр. была довольно значительная пропасть между языкомъ поэмъ Гомера и живымъ разговорнымъ языкомъ, такъ что пониманіе этихъ произведеній не было уже непосредственно доступно во всѣхъ ихъ частяхъ; понятно, что потребо-

валась ученая работа, направленная на комментированіе, объясненіе текста съ внѣшней его стороны, на составленіе словариковъ и т. д.; притомъ нужно было озаботиться сохраненіемъ въ надлежащей чистотѣ рукописнаго преданія и очищеніемъ его отъ порчи и искаженій, которыхъ накопилось не мало. Все это вмѣстѣ взятое и привело тогдашнихъ ученыхъ къ установленію грамматическихъ схемъ и категорій, при чемъ они по отношенію къ нимъ воспользовались и тѣмъ, что было сдѣлано раньше философами различныхъ школъ и направленій. Остовъ грамматики былъ затѣмъ перенесенъ на римскую почву и примѣненъ съ незначительными измѣненіями къ латинскому языку, откуда онъ перешелъ впослѣдствіи и въ языки новой Европы.

Римляне опредѣлили междометіе въ качествѣ особой части рѣчи, и этимъ дополненіемъ они только испортили греческую схему, такъ какъ междометіе, если оно произносится намѣренно, есть во всякомъ случаѣ знакъ чувства, а не знакъ предмета мысли, а греческія части рѣчи представляли именно классы знаковъ предметовъ мысли, хотя и не вполнѣ послѣдовательно и правильно разграниченные. Далѣе, въ Римѣ къ греческимъ 5 падежамъ былъ добавленъ шестой, за которымъ утвердилось въ концѣ-концовъ названіе ablativus (отложительный).

Славяне восточнаго обряда, какъ я уже отмѣтилъ выше, получили грамматическую традицію непосредственно отъ грековъ вмѣстѣ съ духовнымъ просвѣщеніемъ. Вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ она была перенесена отъ южныхъ славянъ и на Русь. Лишь впослѣдствіи сказалось вліяніе въ этомъ отношеніи Запада на грамматическія ученія, которыя ведутъ, какъ я уже сказалъ, свое начало отъ грековъ. Далѣе на Руси особыя условія созданы были заимствованіемъ не только грамоты, но и самаго языка у южныхъ славянъ.

Понятна поэтому та роль, какую игралъ церковнославянскій языкъ и въ исторіи русской грамматики.

Работы этого рода, точкою отправленія которымъ послужили произведенія южнославянской письменности, сосредоточивались долгое время на церковнославянскомъ языкѣ русской редакціи. При отсутствіи правильнаго пониманія взаимнаго отношенія другъ къ другу книжной и живой народной рѣчи не могло быть мѣста для самостоятельной разработки грамматики этой послѣдней, такъ какъ долгое время смотрѣли на ея явленія, какъ на уклоненія отъ нормы, ея искаженія. Неудивительно поэтому, что въ головѣ ученаго хорвата Крижанича (XVII вѣка) могла зародиться мысль о созданіи общеславянской грамматики, грамматики особаго общеславянскаго языка, созданнаго самимъ авторомъ изъ различныхъ элементовъ; по мысли Крижанича, носившагося съ идеей объединенія славянъ въ различныхъ отношеніяхъ, этотъ языкъ долженъ былъ стать языкомъ общеславянскимъ, но само предпріятіе Крижанича было лишено надлежащей почвы, какъ по причинамъ внутреннимъ (искусственность самого языка), такъ и по внѣшнимъ условіямъ тогдашней русской жизни, враждебной смѣлымъ замысламъ ученаго славянина. Въ основу ихъ онъ положилъ церковнославянскій яз. именно русской редакціи, отличая его отъ языка первоначальныхъ переводчиковъ Св. Писанія. Въ своихъ двухъ дошедшихъ до насъ грамматическихъ трудахъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о живомъ русскомъ языкѣ, дѣлаетъ далѣе сопоставленія главныхъ отличій русскаго отъ хорватскаго и сербскаго и далѣе отличій бѣлорусской и ляшской рѣчи.

Итакъ, въ основѣ русской грамматической традиціи лежатъ греческія схемы въ ихъ примѣненіи первоначально чисто механическомъ къ церковнославянскому языку съ извѣстными слѣдами вліянія Запада.

Не входя въ детали, замѣчу, что въ рукописяхъ дошелъ до насъ рядъ грамматическихъ трактатовъ, толкованій риторическихъ терминовъ (уже въ Изборникѣ Святослава 1073 г. статья «о образѣхъ»), и словариковъ малопонятныхъ и иностранныхъ словъ съ азбуками и образцами языковъ. Не всѣ произведенія этого рода составлены были на Руси, часть ихъ перешла съ славянскаго юга; таковъ напр., трактатъ о восьми частяхъ слова, составленный, вѣроятно, въ XIV в. въ Сербіи, перешедшій далѣе къ болгарамъ и черезъ посредство молдавовалахскихъ списковъ попавшій на Русь (русскія рукописи XVI—XVII вв.). Въ 1586 г. въ Вильнѣ эта статья была напечатана подъ заглавіемъ «Кграмматыка словеньска языка». Въ ней мы находимъ терминологію, лежащую въ основаніи современной намъ: имя (общее и собное, т.-е. собственное); рѣчь (т.-е. глаголъ); причастіе; различіе (т.-е. членъ, котораго въ церковнослав. яз. нѣтъ и которымъ здѣсь считается мѣстоименіе, **иже, ижє, іеже**; мѣстоименіе; предлогъ; нарѣчіе; союзъ; имя бываетъ мужское, женское и среднее), имѣетъ паденія или падежи, (правый, родный, виновный, дательный, звательный), числа: едино, двойно, множно; рѣчь, глаголъ, имѣетъ разныя супружества (спряженія), времена (настоящее, будущее, мимошедшее, протяженное, непредѣльное и т. д.), лица, залоги (дѣйствительный и страдательный).

Изъ оригинальныхъ работъ слѣдуетъ отмѣтить произведенія Максима Грека, ученаго грека, расширившаго свое филологическое образованіе въ Италіи и вызваннаго въ XVI в. въ Москву для исправленія книгъ, т.-е. богослужебныхъ текстовъ, испорченныхъ въ теченіе продолжительной передачи рукописнымъ путемъ. Хотя онъ и не оставилъ трудовъ собственно грамматическихъ, такъ какъ главною его цѣлью была не разработка грамматики, какъ самостоятельной отрасли знанія, а лишь такое изслѣдованіе отдѣльныхъ пунктовъ, какое требовалось спеціальными условіями его работы по очищенію текста церковныхъ книгъ, тѣмъ не менѣе онъ пріобрѣлъ авторитетъ лучшаго знатока грамматическихъ вопросовъ. Не только переписывались (а впослѣдствіи частью и печатались) принадлежавшія ему замѣтки въ большомъ количествѣ экземпляровъ, съ его именемъ ходило по рукамъ много произведеній, ему не принадлежавшихъ и лишь ему приписанныхъ, какъ признанному знатоку и авторитету.

Въ XVI в. благодаря сношеніямъ съ Европой, попалъ на Русь новой источникъ грамматическаго знанія, передѣлка латинской грамматики Доната.

Донатъ, грамматикъ IV в. по Р. Х., пользовался настолько большою извѣстностью, что имя его стало нарицательнымъ, и учебниковъ, носившихъ его имя было очень много, при чемъ всѣмъ тогдашнимъ передѣлкамъ свойственна діалогическая форма. Одну изъ такихъ передѣлокъ и перевелъ извѣстный толмачъ Димитрій Герасимовъ, ѣздившій съ посольствомъ Василья IV въ Западную Европу. Дошла она въ позднѣйшихъ рукописяхъ XVI в.

Были на Руси и другія передѣлки Доната. Особый интересъ представляетъ для насъ списокъ библіотеки Казанскаго у-та, представляющій принадлежащую неизвѣстному автору передѣлку перевода Доната. Здѣсь мы находимъ уже термины: имя собственное или сущее, общее или нарицательное, три степени прилаганія, положительная, «прилагательная» и «надприлагательная», или превышняя; паденій шесть: именовательное или правое по гречески, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное (ablativus); глаголъ здѣсь называется словомъ (лат. verbum).

Въ концѣ XVI в. появляются печатаныя грамматики, именно въ 1586 г. въ Вильнѣ напечатана упомянутая уже выше статья о восьми частяхъ слова подъ заглавіемъ «Кграмматыка словеньска языка», а въ 1591 г. въ Львовѣ вышла грамматика

греческая «Адельфотисъ», имѣющая для насъ значеніе своей терминологіей, еще болѣе приближающейся къ современной ходячей. Здѣсь являются термины гласныя и согласныя письмена; склоняемыя и несклоняемыя части рѣчи и т. д. Первою же славянскою грамматикою была грамматика Лаврентія Зизанія, напечатанная въ Вильнѣ въ 1596 году; въ ней мы находимъ дальнѣйшіе шаги на пути приспособленія греческой теоріи къ славянскому языку: такъ, число падежей увеличено творительнымъ; много, однако, осталось, напр., различіе, т.-е. членъ, котораго въ сущности нѣтъ въ церковнославянскомъ языкѣ и отъ котораго, въ качествѣ особой грамматической категоріи не хотѣли отказаться въ угоду греческой традиціи (а въ греческомъ яз. членъ дѣйствительно существуетъ). Наконецъ, въ 1619 г. въ Евье близъ Вильны вышла въ свѣтъ грамматика Мелетія Смотрицкаго, переиздававшаяся и передѣлывавшаяся нѣсколько разъ впослѣдствіи. Въ Москвѣ въ 1648 г. вышла передѣлка этой грамматики уже безъ имени автора, въ которой вставлены многія русскія формы, (напр., вмѣсто дат. сносѣ—сноховѣ), акцентуація сближена съ великорусской. Между прочимъ въ оригиналѣ у Смотрицкаго въ числѣ частей рѣчи отсутствуетъ «различіе», но зато является «междометіе»; московская передѣлка, держась греческой традиціи, выбросила это послѣднее и ввела снова первое.

Въ области глагола грамматика Смотрицкаго интересна первою самостоятельною попыткою разобраться въ системѣ спряженія славянскаго глагола, отличающагося отъ греческихъ схемъ, механически перенесенныхъ на славянскую почву. Путаясь въ классификаціи группъ времени, среди которыхъ являются нѣкоторыя несуществующія въ языкѣ и лишь созданныя въ угоду схемѣ, онъ замѣтилъ различіе видовыхъ значеній (первообразный или совершенный: чту, стою, и производный, раздѣляющійся на начинательный (каменѣю, трезвѣю), учащательный (бѣгаю, читаю). Однако этотъ зародышъ здравой мысли впослѣдствіи заглохъ, и съ большимъ трудомъ пробило себѣ дорогу ученіе о видахъ, хотя и неудовлетворяющее научнымъ требованіямъ, сквозь чуждую языку схему, основанную только на различіи въ формахъ времени, являющуюся, между прочимъ, еще въ грамматикѣ Ломоносова.

Изъ дальнѣйшихъ движеній въ интересующей насъ области научной мысли мы должны отмѣтить, что эпоха Петра Великаго не дала существенныхъ результатовъ, несмотря на вліяніе Лейбница, живо интересовавшагося языкознаніемъ и предлагавшаго Петру рядъ мѣръ. Это объясняется общимъ характеромъ потребностей того времени, требовавшаго прежде всего развитія точныхъ и прикладныхъ знаній. Первая русская, не церковнославянская грамматика является на нѣмецкомъ языкѣ въ нѣмецко-латинско-русскомъ словарѣ Вейсмана изд. Ак. Наукъ въ 1731 году безъ имени автора. Этотъ трудъ, приписываемый студенту Ададурову, по отзыву Ломоносова, грамматика весьма несовершенная и во многихъ мѣстахъ неисправная, является передѣлкой и сокращеніемъ грамматики Смотрицкаго, при чемъ отдѣлъ о глаголѣ, не удовлетворявшій Ададурова въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ у его первоисточника, изложенъ очень кратко и не полно, такъ какъ самъ авторъ, очевидно, не могъ предложить ничего лучшаго.

Между тѣмъ все болѣе и болѣе чувствовалась настоятельная необходимость появленія на русскомъ языкѣ русской грамматики, такъ какъ прежнія славяно-россійскія грамматики уже не могли удовлетворять потребности при все болѣе расширявшейся сферѣ примѣненія русскаго языка, а о значеніи XVIII в. въ исторіи развитія литературнаго языка я уже говорилъ въ свое время. Отвѣтомъ на требованіе времени, сказавшееся, напр., въ указаніи Посошкова, что «Его Императорскому Величеству надлежитъ постараться о грамматикѣ», и въ опредѣленіи одною изъ задачъ учрежденнаго

въ 1735 г. «Россійскаго Собранія», составленіе «грамматики доброй и исправной», явилась вышедшая въ 1755 году первымъ изданіемъ «Россійская Грамматика» Ломоносова. Матеріалъ для нея онъ началъ собирать съ сороковыхъ годовъ, а черновые его наброски свидѣтельствуютъ о добросовѣтной подготовительной работѣ. Пользуясь грамматиками Смотрицкаго и Ададурова, Ломоносовъ сдѣлалъ крупные шаги впередъ не только въ отдѣльныхъ пунктахъ, но и вообще въ дѣлѣ пониманія состава литературнаго языка, который онъ разложилъ на элементы, идущіе изъ «просторѣчія», т.-е. изъ живыхъ говоровъ, и элементы, взятые изъ церковныхъ книгъ, изъ языка церковнославянскаго; (впрочемъ, эти вопросы были уже затронуты Тредьяковскимъ). Въ этомъ помогло ему хорошее знаніе цѣлаго ряда живыхъ говоровъ, начиная съ родного ему холмогорскаго говора и кончая украинскимъ діалектомъ, съ которымъ онъ познакомился въ Кіевѣ. Изъ всѣхъ живыхъ говоровъ онъ вполнѣ вѣрно отдавалъ предпочтеніе московскому, не только для важности столичнаго города, но и для его «отмѣнной красоты», т.-е. онъ подмѣтилъ, что основой литературнаго языка является именно московское нарѣчіе.

Широкое общенаучное образованіе предохранило Ломоносова и отъ излишняго увлеченія грамматической теоріей; не сочиняя небывалыхъ формъ, онъ вообще стремился принять за норму языка «разсудительное его употребленіе». Въ вопросахъ правописанія онъ, въ противоположность Тредьяковскому, предлагавшему писать «по звону», т.-е. фонетически, выдвигалъ этимологическій принципъ. Не со всѣми положеніями Ломоносова въ вопросахъ правописанія мы можемъ согласиться, но нельзя забывать того что не мало труда стоило разобраться въ пестрой путаницѣ, унаслѣдованной отъ московской старины, а сверхъ того не все могло быть имъ правильно опредѣлено безъ достаточнаго знанія исторіи языка. Въ грамматической схемѣ шагомъ назадъ является построеніе системы десяти временъ для того, чтобы какъ-нибудь распредѣлить формы глагола; эта искусственно построенная схема обязана своимъ происхожденіемъ отсутствію яснаго пониманія формъ вида и ихъ отношенія къ формамъ времени, а мы уже видѣли, что зародыши правильнаго отношенія къ этимъ категоріямъ были уже у Смотрицкаго. Какъ бы то ни было, труды Ломоносова заложили прочное основаніе для дальнѣйшей разработки русской грамматики. Не останавливаясь на отдѣльныхъ подробностяхъ, я укажу вкратцѣ главнѣйшіе моменты.

Возникновеніе научнаго языкознанія на Западѣ отразилось на изученіи славянскихъ языковъ вообще и русскаго въ частности хотя и вскорѣ, но не въ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ дилеттантское отношеніе къ языку, исходящее изъ глубокаго убѣжденія въ томъ, что всякій разсудительный человѣкъ, владѣющій языкомъ, и безъ особой подготовки можетъ быть компетентнымъ въ вопросахъ грамматики, орѳографіи и т. п., къ сожалѣнію, находитъ себѣ не мало сторонниковъ даже и въ наше время. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ этого являются наши школьные учебники, восходящіе въ большинствѣ случаевъ вообще къ трудамъ Буслаева и повторяющіе, нерѣдко въ искаженномъ видѣ, такія опредѣленія и положенія, которыя были возможны въ половинѣ XIX в., теперь же являются пережитками минувшей эпохи. Чтобы не быть голословнымъ, укажу, напр., на постоянное смѣшеніе буквы, письменнаго знака, съ звукомъ, которому нѣтъ мѣста у Буслаева, на опредѣленіе **ъ** и **ь**, въ современномъ русскомъ яз. какъ полугласныхъ; на самомъ дѣлѣ въ современномъ русскомъ языкѣ это просто письменные знаки, а нѣкогда они обозначали гласныя, которыя отличались огъ другихъ гласныхъ своею меньшею длительностью сравнительно съ нормальными краткими гласными; такими онѣ были и въ старославянскомъ языкѣ; по отношенію къ этому послѣд-

нему Буслаевъ называетъ **ъ** и **ь** полугласными, подчеркивая, что въ современномъ русскомъ языкѣ это только письменные знаки твердости и мягкости; во-вторыхъ, сошлюсь на ученіе о соотвѣтствіи мягкихъ и твердыхъ гласныхъ, гдѣ «**е**» соотвѣтствуетъ **о**, «**ы**»—«**и**», ни того ни другого нѣтъ у Буслаева, который правильнѣе строилъ свою таблицу твердыхъ или чистыхъ гласныхъ звуковъ (**а, е, у**) и облеченныхъ звукомъ «іотъ» (**j**), или мягкихъ (**я, ѥ, ю**); наконецъ, укажу на ученіе объ усиленіи и ослабленіи гласныхъ звуковъ, восходящее въ своихъ основаніяхъ къ Буслаеву, повторявшему общепринятыя въ то время представленія, не имѣющія теперь научнаго значенія.

Итакъ, возвращаясь къ началу XIX в., мы должны отмѣтить, что результаты новаго метода въ изученіи языка, давшаго столь плодотворные результаты въ Германіи, проникли и въ Россію, но здѣсь они сказались первоначально въ отдѣльныхъ пунктахъ и подробностяхъ и съ большей полнотой отразились лишь въ половинѣ XIX в. прежде всего въ ученыхъ трудахъ Ѳ. И. Буслаева, бывшаго профессора Московскаго университета, впослѣдствіи академика. Обладая выдающимися способностями, увлеченный быстрыми успѣхами на Западѣ сравнительноисторическаго метода въ его приложеніи къ изслѣдованію языка народнаго творчества вообще, имѣя уже до нѣкоторой степени расчищенную почву, главнымъ образомъ, дѣятельностью Востокова, онъ въ 1844 году выпустилъ въ видѣ второй части своего труда «О преподаваніи отечественнаго языка» свои матеріалы для русской грамматики и стилистики, знаменующіе начало новаго періода въ исторіи изученія русскаго языка. Эти матеріалы легли въ основаніе его «Исторической грамматики», вышедшей первымъ изданіемъ въ 1858 г.

Я указалъ выше тѣ три фактора, которыми обусловлена была научная дѣятельность Буслаева.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о третьемъ изъ нихъ, именно о дѣятельности Востокова. Этому талантливому изслѣдователю, бывшему въ сущности самоучкой, наука обязана болѣе точнымъ опредѣленіемъ фактовъ старославянскаго языка, чѣмъ то было сдѣлано Несторомъ славянской филологіи, чешскимъ аббатомъ Добровскимъ выпустившимъ въ 1822 г. церковнославянскую грамматику на латинскомъ яз. Выдѣленіемъ изъ церковнославянскихъ текстовъ русскихъ, болгарскихъ и сербскихъ особенностей, и важными изданіями памятниковъ, рукописей, онъ положилъ прочное начало научной разработкѣ славянской грамматики и славянорусской палеографіи. Однако у Востокова не хватало того воодушевленія, которое является необходимымъ условіемъ научнаго творчества въ широко раздвинутыхъ рамкахъ, съ широкой постановкой вопросовъ и задачъ изслѣдованія. Этимъ свойствомъ обладалъ Буслаевъ, который примыкалъ къ западной наукѣ и, слѣдуя, главнымъ образомъ, Гримму, далъ первый опытъ цѣльной исторической грамматики русскаго языка, отдѣльныя части которой устарѣли, но который въ области синтаксиса и до сихъ поръ еще не замѣненъ вполнѣ трудомъ, соотвѣтствующимъ современному научному уровню. Широкое пониманіе исторіи языка, постоянное освѣщеніе ея данными исторіей духовной культуры, постепенно увлекло Буслаева въ сторону отъ первоначальной его задачи и заставило его съ теченіемъ времени сосредоточиться почти исключительно на народномъ творчествѣ въ области поэзіи и искусства.

Этимъ отчасти объясняется малая продуктивность семидесятыхъ годовъ въ области науки исторіи русскаго языка послѣ блестящихъ страницъ въ ея исторіи въ предшествующее время. Изъ современниковъ Буслаева нужно отмѣтить профессора и академика И. И. Срезневскаго, издавшаго въ 1849-50 гг. «Мысли объ исторіи русскаго языка», въ которыхъ онъ опредѣлилъ связь русскаго языка съ разными славянскими

языками и правильно положилъ въ основаніе исторіи русскаго языка мысль о томъ, что въ ея составѣ нужно отличать исторію книжнаго языка отъ исторіи языка народнаго. Однако, какъ и Буслаевъ, Срезевскій ушелъ скоро въ сторону, именно отдался изданію и палеографическому изслѣдованію древнихъ памятниковъ.

Важное значеніе для изученія живыхъ русскихъ нарѣчій имѣли труды Вл. И. Даля: «О нарѣчіяхъ русскаго языка» (1857) и «Словарь живого великорусскаго языка» (1862 г.). Вышедшія затѣмъ вторымъ посмертнымъ и послѣ третьимъ изданіемъ, эти работы, несмотря на ихъ недостатки, происходившіе отъ того, что Даль въ области языкознанія былъ дилеттантомъ, имѣютъ основное, капитальное значеніе, являясь точкой отправленія для послѣдующей дѣятельности въ этой области.

Научное движеніе въ области разработки исторіи русскаго языка сосредоточивалось въ семидесятые и въ началѣ 80-хъ годовъ почти исключительно въ Харьковѣ, если не считать Петербурга, гдѣ въ началѣ 80-хъ годовъ преподавалъ русскій языкъ академикъ И. В. Ягичъ. Въ Харьковѣ дѣйствовалъ профессоръ Потебня, давшій цѣнные труды какъ въ области исторіи звуковъ, такъ преимущественно и въ области синтаксиса, который онъ пытался перестроить премѣнительно къ требованіямъ новой науки. Что касается исторіи языка то Потебня не имѣлъ подъ рукою богатыхъ хранилищъ рукописей, и поэтому онъ принужденъ былъ пользоваться только печатными изданіями. Болѣе систематически обработалъ данныя исторіи языка по этимъ послѣднимъ, не отличавшимся, къ сожалѣнію, достаточной исправностью рано умершій Колосовъ, выпустившій «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. съ XI къ XVI в.». Ему же принадлежатъ «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народной рѣчи» и «Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи Новгородской, Олонецкой и др. губерній».

Семидесятые и восьмидесятые годы, однако, не прошли безслѣдно. Въ эту эпоху сложилась и приняла прочныя формы лигвистическая школа моего учителя, московскаго профессора, нынѣ академика Ф. Ѳ. Фортунатова. Своею преподавательскою и научною дѣятельностью этотъ наиболѣе видный представитель сравнительнаго языкознанія въ Россіи способствовалъ прочному укрѣпленію методовъ и пріемовъ изслѣдованія помимо того, что, благодаря своимъ исключительнымъ дарованіямъ, онъ двинулъ впередъ науку, между прочимъ, и въ области, имѣющей ближайшее отношеніе къ исторической грамматикѣ русскаго языка, давъ яркое освѣщеніе общеславянской эпохѣ, при чемъ ему удалось опредѣлить рядъ явленій, ускользавшихъ отъ вниманія другихъ изслѣдователей. Результаты этого не замедлили сказаться, и рядъ учениковъ Фортунатова, посвятившихъ себя спеціально изученію славянскихъ языковъ и русскаго языка въ частности, далъ, начиная съ 80-хъ годовъ, не мало важныхъ трудовъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ настоящее время почти всѣ работники въ области русскаго языкознанія въ разныхъ сферахъ, особенно въ сферѣ славянорусской филологіи, находятся или подъ прямымъ или подъ косвеннымъ вліяніемъ Фортунатова. Другая лингвистическая школа, основанная въ Казани И. А. Бодуэномъ де Куртенэ и примыкающая точно такъ же къ западной наукѣ, не получила столъ широкаго значенія, какъ школа Фортунатова. Изъ учениковъ И. А. Бодуэна де Куртенэ я назову проф. Богородицкаго, занимающагося особенно усердно физіологической стороной языка. Ему же принадлежитъ «Общій курсъ русской грамматики»; дополненіемъ къ 2-му изданію этого труда служитъ «Краткій очеркъ діалектологіи и исторіи русскаго языка».

Какъ бы то ни было, въ настоящее время научное движеніе въ области русскаго языка находится въ рѣзкомъ контрастѣ съ отсталостью и ненаучностью элементарной школьной грамматики. Попытка казанскаго проф. Будде дать пособіе къ изученію этой

послѣдней, не стоящее въ разладѣ съ наукою, не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, такъ какъ и ему не удалось избѣжать нѣкоторыхъ подводныхъ камней какъ въ опредѣленіи самихъ фактовъ, такъ и въ смѣшеніи исторической точки зрѣнія на языкъ съ анализомъ его данныхъ въ ихъ современномъ состояніи.

Въ области научной дѣятельности я, не входя въ подробности библіографіи, долженъ отмѣтить «Лекціи по исторіи русскаго языка» профессора и академика А. И. Соболевскаго, ученика Ф. Ѳ. Фортунатова. Этотъ трудъ, послѣдовавшій за его «Очерками изъ исторіи русскаго языка», даетъ обильный фактическій матеріалъ и въ общемъ достаточное его освѣщеніе въ предѣлахъ письменной традиціи (4-ое изданіе, 1907 г.) *). Болѣе слабыми являются отдѣлы, касающіеся тѣхъ явленій въ жизни русскаго языка, которыя предшествовали письменности. Его общій обзоръ всѣхъ предшествующихъ работъ по русской діалектологіи, печатавшійся въ 90-хъ годахъ въ журналѣ «Живая Старина» и вышедшій отдѣльно въ части, посвященной великорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ (Опытъ русской діалекдологіи, СПБ. 1897), имѣетъ характеръ свода, указывающаго, что́ уже сдѣлано, и что́ еще предстоитъ сдѣлать. Важное значеніе имѣютъ матеріалы по діалектологіи, присланные въ отвѣтъ на программу, составленную Отд. русск. язык. и слов. И. Ак. Н. — частью они напечатаны въ систематизированномъ видѣ въ Изв. Отд. руск. яз. и слов. Ак. Н. Шахматовъ, талантливѣйшій изъ учениковъ Фортунатова (съ одинаковымъ успѣхомъ работающій какъ въ области исторической традиціи русскаго языка, такъ и въ области его діалектологіи и тѣхъ стадій въ его жизни, которыя предшествовали возникновенію письменности), обогатилъ науку цѣлымъ рядомъ трудовъ, изъ числа которыхъ я пока назову: 1) его конспективный очеркъ исторіи русскаго языка въ статьѣ «Россія» въ составѣ экциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона, кое въ чемъ уже устарѣвшій, и 2) литографированное изданіе лекцій по исторіи русскаго языка, читанныхъ въ Петербургскомъ университетѣ, цѣнныхъ обиліемъ матеріала и мастерскимъ его освѣщеніемъ.

Для изученія бѣлорусскаго языка важное значеніе имѣютъ труды Карскаго, хотя и несвободные отъ недостатковъ съ точки зрѣнія послѣдовательнаго и строгаго лингвиста. (Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Бѣлоруссы т. I и II).

По малорусскому языку можно отмѣтить труды Потебни и Огоновскаго (работа послѣдняго на нѣмецкомъ языкѣ Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache).

Что касается словарей, то этимологическій словарь Горяева (2-ое изд. 1896 года) очень плохъ, представляя изъ себя некритическій сводъ матеріаловъ, взятыхъ изъ источниковъ очень неравнаго достоинства. Гораздо лучше выходящій нынѣ словарь А. Г. Преображенскаго (пока 4 вып. до слова «карамель»). Общій этимологическій словарь славянскихъ языковъ Миклошича устарѣлъ. Основнымъ пособіемъ является въ настоящее время выходящій на нѣмецкомъ яз. словарь Бернекера (Slavisches Etymologisches Wörterbuch, пока 6 вып.).

Для изученія живого языка, кромѣ словаря Даля, слѣдуетъ отмѣтить рядъ спеціальныхъ словарей: Архангельскій—Подвысоцкаго, Олонецкій—Куликовскаго, матеріалы, изданные Ак. Н. Для древняго русскаго языка мы имѣемъ пока еще не вполнѣ оконченный печатаніемъ словарь Срезневскаго. Что касается бѣлорусскаго языка, то словарь Носовича, изданный Ак. Н. довольно плохъ. Достаточно полнаго и хорошаго словаря

*) „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка“ проф. Р. Ѳ. Брандта (въ печатномъ изданіи только фонатика) ставятъ своею главною задачею дать отвѣтъ на вопросъ о соотношеніи фактовъ русскаго языка и фактовъ языка общеславянскаго, преимущественно въ томъ ихъ видѣ, какой они имѣютъ въ старославянскомъ языкѣ.

малорусскаго языка нѣтъ, такъ какъ малорусскомъ. словаря Желеховскаго уже давно не существуетъ въ продажѣ (Ruthenisch-deutches Worterbuch), а словарь Гринченка (4 тома) не свободенъ онъ недостатковъ.

6. Измѣненіе звуковой стороны языка.

Прежде чѣмъ перейти къ исторіи звуковъ русскаго языка, мы должны остановить наше вниманіе на общихъ вопросахъ, относящихся къ данной сферѣ явленій языка. Хотя объ этомъ я говорю подробно въ своемъ общемъ курсѣ языковѣдѣнія, тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ вообще напомнить самое существовенное и въ этомъ спеціальномъ курсѣ.

Мы знаемъ, что звуки языка измѣняются въ теченіе его жизни. Въ прежнее время, когда еще только слагалось научное отношеніе къ исторіи языка, когда еще плохо была извѣстна ея фактическая сторона, въ измѣненіяхъ звуковой стороны языка видѣли нерѣдко игру случая, не поддающуюся точному учету и опредѣленію. Самъ основатель сравнительноисторической грамматики индоевропейскихъ языковъ Фр. Боппъ думалъ, что законы языка въ этомъ отношеніи не болѣе устойчивы, чѣмъ берега морей и рѣкъ. Однако съ теченіемъ времени такое пониманіе уступило мѣсто инымъ взглядамъ, которые сложились, съ одной стороны, подъ вліяніемъ успѣховъ въ области исторической фонетики индоевропейскихъ языковъ, которые раскрыли истинную суть многихъ казавшихся загадочными явленій и фактовъ, съ другой стороны, подъ вліяніемъ прогресса въ области изслѣдованія общихъ вопросовъ, касающихся жизни и развитія языка, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, былъ обусловленъ успѣхомъ психологіи, какъ положительной, реальной области знанія, имѣющей дѣло съ явленіями душевной жизни, не съ метафизическимъ истолкованіемъ ея природы, а также въ значительной степени болѣе внимательнымъ изученіемъ живыхъ языковъ.

Переломъ въ отношеніи лингвистовъ къ интересующей насъ категоріи явленій произошелъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. Какъ бываетъ нерѣдко при проведеніи новыхъ точекъ зрѣнія, до начала 80-хъ годовъ многіе ученые слишкомъ злоупотребляли при изслѣдованіи конкретныхъ фактовъ исторіи звуковъ принципомъ такъ называемой аналогіи, т.-е. слишкомъ поспѣшнымъ сведеніемъ къ результатамъ дѣйствія психическихъ ассоціацій такихъ измѣненій звуковъ, которыя при ближайшемъ изслѣдованіи оказывались звуковыми явленіями, вызванными измѣненіями въ условіяхъ образованія самихъ звуковъ рѣчи. Это дало до нѣкоторой степени сильное оружіе въ руки противниковъ новаго направленія, различавшаго измѣненія звуковъ самихъ по себѣ, въ условіяхъ ихъ образованія, не допускающія никакихъ исключеній, отъ тѣхъ явленій, которыя объясняются, какъ отраженія въ языкѣ дѣйствія психическихъ ассоціацій; эти различія съ теченіемъ времени сгладились, и въ настоящее время всѣ здравые лингвисты сходятся въ общихъ точкахъ зрѣнія на измѣненіе звуковой стороны языка.

Итакъ, мы должны различать тѣ измѣненія, которыя вызываются измѣненіями въ самихъ условіяхъ образованія данныхъ звуковъ, отъ тѣхъ явленій, которыя являются отраженіемъ психическихъ процессовъ и состоятъ въ замѣнѣ одного звука другимъ подъ вліяніемъ ассоціаціи. Напр., въ русскомъ яз. измѣненіе стараго звукового сочетанія **ie** (**ѣ**) въ великорусское **е**, въ малорусское **і**, смягчающее предшествующую согласную (вѣра, віра), явилось вслѣдствіе измѣненія въ условіяхъ образованія самого звукового сочетанія **ie**, тогда какъ, напр., современныя русскія землёю, семьёю объясняются, какъ измѣненіе старыхъ землею, семьею, подъ вліяніемъ женою, горою, ср. сохраненіе **е** въ

своею, ею, и т. п., гдѣ не было непосредственнаго вліянія образованій твердыхъ основъ на—**ою**; именно, изъ наблюденій надъ судьбою стараго звука **е** мы знаемъ, что эта гласная въ русскомъ яз. въ литературномъ нарѣчіи въ результатѣ перешла въ гласную **о** съ сохраненіемъ предшествующей смягченной согласной въ положеніи подъ удареніемъ, если дальше не слѣдовало мягкаго звука (ср. озеро—озёра, ведёмъ, несемъ, конёмъ, но, напр., шесть, платьемъ, такъ какъ **ц** была нѣкогда мягкою согласною и отвердѣла лишь впослѣдствіи, то имѣемъ правильно отецъ, купецъ). Равнымъ образомъ новообразованіями по аналогіи мы должны признать: ведете, несёте (подъ вліяніемъ несемъ, ведёмъ), шестъ, щелка (при народномъ діалектич. щелка) подъ вліяніемъ шестикъ, щель; тётя подъ вліяніемъ тетка.

Измѣненія звуковъ перваго рода, совершающіяся вслѣдствіе измѣненія условій ихъ образованія, мы будемъ называть фонетическими въ отличіе отъ явленій второго рода, вызываемыхъ дѣйствіемъ психическихъ ассоціацій, къ которымъ мы можемъ приложить терминъ нефонетическія измѣненія звуковъ.

Далѣе, изъ наблюденій надъ жизнью языка оказывается, что случаи перваго рода въ свою очередь представляютъ извѣстныя различія и распадаются на двѣ категоріи, именно, съ одной стороны, звуки языка измѣняются внѣ зависимости отъ какихъ-либо спеціальныхъ условій фонетическаго характера (вліянія ударенія, положенія звука въ словѣ въ сочетаніи или въ сосѣдствѣ съ другими звуками, начала или конца слова, темпа рѣчи и т. п.), съ другой стороны, ихъ измѣненія обусловлены какъ разъ особыми фонетическими условіями указаннаго типа. Исторія звуковъ **ж**, **ш**, бывшихъ нѣкогда мягкими и отвердѣвшихъ въ литературномъ языкѣ, всецѣло принадлежитъ къ случаямъ перваго рода, гдѣ данный звукъ является измѣненнымъ даннымъ образомъ всюду, гдѣ онъ встрѣчается, поскольку этому не препятствуетъ дѣйствіе психической ассоціаціи; что же касается измѣненія **е** въ **о**, то мы находимъ ясныя указанія на вліяніе фонетическихъ факторовъ: зависимость отъ положенія подъ удареніемъ и отъ положенія не передъ мягкимъ звукомъ.

Итакъ, дѣйствіе звуковыхъ законовъ само по себѣ не допускаетъ исключенія. То, что можетъ казаться исключеніемъ, объясняется, какъ мы видѣли, во-первыхъ, вліяніемъ психическихъ ассоціацій: къ приведеннымъ выше примѣрамъ я присоединю еще одинъ: мы имѣемъ гнѣзда, гдѣ **ё** изъ **е**, получившагося изъ стараго **ѣ**, а такое **е** не подлежало измѣненію въ **о** по той причинѣ, что въ ту эпоху, когда начался процессъ, приведшій въ результатѣ къ измѣненію **е** въ **о**, **ѣ** въ русскомъ языкѣ еще отличалось отъ **е**, совпавъ съ нимъ лишь впослѣдствіи; очевидно, гнёзда, равно какъ и звёзды явились вслѣдствіе вліянія такихъ случаевъ, какъ весло—вёсла; жена—жёны; сестра—сёстры. Приведенный примѣръ показываетъ, съ какою осторожностью нужно обращаться съ фактами при установленіи звуковыхъ законовъ, учитывая всѣ явленія, объясняющіяся дѣйствіемъ аналогіи, и далѣе всѣ возможности по принципу, что измѣненіе даннаго звука даннымъ образомъ въ данную эпоху ничего не предрѣшаетъ о его судьбѣ въ послѣдующія эпохи. Такимъ образомъ кажущіяся исключенія могутъ находить себѣ объясненіе, во-вторыхъ, въ томъ фактѣ, что въ различныя эпохи жизни языка дѣйствуютъ различные законы; какъ мы только что видѣли, старое **е** измѣнилось фонетически въ **о** при извѣстныхъ условіяхъ, тогда какъ **е** изъ **ѣ** фонетически такому измѣненію не подлежало по той простой причинѣ, что появилось оно въ языкѣ позже того времени, когда начался упомянутый процессъ. Третья категорія случаевъ, которые являются кажущимися исключеніями, это слова, заимствованныя изъ другихъ языковъ; такъ, напр., объясняется русское небо, взятое изъ церковнославянскаго языка гдѣ не было

закона объ измѣненіи **е** въ **о**, при нёбо въ значеніи извѣстной части полости рта; народному языку не чуждо нёбо и въ первомъ значеніи: «небесный сводъ». Само собою разумѣется, что слова заимствованныя, съ другой стороны, могутъ подлежать дѣйствію звуковыхъ законовъ даннаго языка, поскольку они не закончили своего дѣйствія ко времени принятія даннаго слова, и какъ скоро они не сохранятъ въ неприкосновенности своего иноземнаго облика подъ вліяніемъ особыхъ условій: напр., въ небо мы произносимъ мягкое **н**, какъ произносимъ вообще мягкими согласныя церковнославянскаго языка въ положеніи передъ мягкими гласными согласно съ закономъ русскаго языка, хотя въ самомъ старославянскомъ языкѣ согласныя въ такомъ положеніи не были мягкими, далѣе, мы произносимъ, если говоримъ нормально, безъ аффектаціи, профессоръ, университетъ, а не профэссоръ и не универэрситэтъ. Изслѣдованіе звуковой стороны заимствованныхъ словъ можетъ дать важныя указанія на хронологическія даты въ исторіи звуковъ языка, какъ скоро намъ извѣстна эпоха, въ которую данное слово вошло въ данный языкъ, и какъ скоро мы находимъ въ немъ отраженія звуковыхъ явленій даннаго языка.

Итакъ, мы видимъ, въ какихъ рамкахъ принимаемые нами звуковые законы не допускаютъ сами по себѣ исключеній; именно, данный звукъ, измѣняющійся извѣстнымъ образомъ въ данномъ языкѣ въ данную эпоху его существованія вслѣдствіе измѣненія условій своего образованія, долженъ подлежать этому измѣненію всюду, гдѣ есть налицо всѣ нужныя условія, и, наоборотъ, нѣтъ условій препятствующихъ; закономѣрность въ разсматриваемой области нарушается дѣйствіемъ законовъ психической ассоціаціи. Далѣе, нельзя забывать, что мы должны при этомъ строго разграничивать эпохи въ жизни языка и выдѣлять въ особую категорію слова заимствованныя не только изъ чужого языка, но также и изъ другихъ діалектовъ даннаго языка, поскольку между діалектами существуетъ въ этомъ отношеніи извѣстное различіе.

Теперь для насъ должно быть понятнымъ, что такъ называемые звуковые законы говорятъ намъ лишь о томъ, какую судьбу имѣлъ данный звукъ въ данномъ языкѣ въ данную эпоху его существованія, ничего не предрѣшая относительно прошлаго и будущаго, тѣмъ менѣе относительно аналогичныхъ звуковъ другихъ языковъ,

Если мы обратимся къ конкретнымъ фактамъ исторіи звуковъ любого языка, то не можемъ не признать, что далеко не всѣ ея явленія для насъ ясны, что далеко не всѣ случаи мы можемъ объяснить, но это, однако, касается только нашего знанія, несовершеннаго въ той или другой мѣрѣ, и не можетъ подать повода думать, будто и сами факты въ дѣйствительности не допускаютъ объясненія. То обстоятельство, что при современномъ состояніи науки мы не въ состояніи доказать съ математической точностью положенія о недопустимости дѣйствительныхъ исключеній изъ звуковыхъ законовъ путемъ разбора всей совокупности фактовъ исторіи даннаго языка, не должно насъ приводить къ мысли объ отсутствіи закономѣрности въ данной области и на самомъ дѣлѣ. Наше пониманіе звуковыхъ законовъ съ очевидностью диктуется намъ всею совокупностью нашихъ свѣдѣній о языкѣ вообще и, быть можетъ, наука никогда и не будетъ въ состояніи объяснить все безъ остатка въ исторіи звуковъ того или другого языка за тотъ или другой періодъ его существованія,—препятствіемъ для этого будетъ служить недостаточность абсолютной полноты въ матеріалѣ. Что касается нефонетическихъ измѣненій звуковой стороны языка, т.-е. тѣхъ измѣненій, которыя вызываются дѣйствіемъ психическихъ ассоціацій, то и они, понятно, происходятъ съ извѣстной закономѣрностью, при чемъ, однако, не легко ее установить по отношенію къ отдѣльнымъ опредѣленнымъ группамъ фактовъ, такъ какъ намъ въ большинствѣ слу-

чаевъ не хватаетъ знаній многихъ важныхъ подробностей, оказавшихъ рѣшающее вліяніе на возникновеніе той или другой ассоціаціи.

Если явленія нефонетическія всецѣло обязаны своимъ существованіемъ дѣйствію психическихъ факторовъ, то по отношенію къ явленіямъ фонетическимъ вопросъ о причинахъ, ихъ вызывающихъ, рѣшается далеко не такъ просто. Не мало было предпринято попытокъ, имѣвшихъ своею цѣлью дать опредѣленный отвѣтъ на эту проблему, но прочныхъ результатовъ до сихъ поръ не найдено за исключеніемъ того вывода, что. повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ кумуляціей цѣлаго ряда факторовъ психическихъ и физическихъ.

По отношенію къ опредѣленнымъ конкретнымъ случаямъ намъ трудно установить роль каждаго фактора въ отдѣльности, мало того, намъ трудно установить даже въ общихъ чертахъ всю совокупность психическихъ и физическихъ условій, опредѣлившихъ и опредѣляющихъ направленіе тѣхъ или другихъ явленій въ области исторіи звуковъ. Во всякомъ случаѣ нельзя при современномъ положеніи знанія успокоиться на сравнительно простомъ рѣшеніи вопроса, ссылаясь на тотъ или другой отдѣльный факторъ или даже на нѣкоторые отдѣльные факторы, а потому и остается попрежнему открытой вся проблема какъ въ общей ея постановкѣ, такъ и въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что рѣчь идетъ здѣсь не о тѣхъ фонетическихъ условіяхъ, вліяющихъ на измѣненіе звуковъ рѣчи, о которыхъ мы говорили выше, а о тѣхъ конечныхъ причинахъ, которыми вообще обусловлено измѣненіе звукового состава языка. Фонетическія условія—лишь извѣстная обстановка, въ предѣлахъ которой совершается то или другое явленіе, а мы видѣли, что есть и такія фонетическія явленія, которыя происходятъ при всякой обстановкѣ, имѣютъ мѣсто по отношенію къ данному звуку всюду, гдѣ онъ встрѣчается.

7. Звуковой составъ русскаго языка.

Теперь мнѣ предстоитъ напомнить въ общихъ чертахъ основныя положенія физіологіи звуковъ рѣчи, о которыхъ я говорю подробно въ своемъ общемъ курсѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что какъ разъ въ опредѣленіи природы звуковъ рѣчи и ихъ классификаціи школьная элементарная грамматика не идетъ далѣе пестрой амальгамы изъ донаучныхъ взглядовъ, кое-какихъ обрывковъ научныхъ теорій и собственныхъ измышленій, смѣшивая къ тому же постоянно звукъ рѣчи съ его письменнымъ знакомъ, буквою, служащею для передачи его на письмѣ. Напр., до сихъ поръ въ учебникахъ русской грамматики фигурируютъ полугласныя **ъ** и **ь**, которыя сама же грамматика называетъ твердымъ и мягкимъ знаками и которыя въ современномъ русскомъ письмѣ являются именно только знаками, буквами, отнюдь не обозначеніемъ дѣйствительно звуковъ рѣчи. Далѣе, напр., буквы **я**, **ю**, **е**, имѣющія два различныхъ значенія (съ одной стороны, въ началѣ слова—буквы, передающей гласную, и тогда онѣ обозначаютъ сочетанія **ja**, **jy**, **je** или сочетанія **ia**, **iy**, **ie** съ **i** неслоговымъ, съ другой стороны, послѣ согласныхъ онѣ—буквы, обозначающія гласныя **a**, **y**, **e** съ предшествующей смягченной согласной), не различаются соотвѣтственно съ различнымъ ихъ значеніемъ и разсматриваются, какъ мягкіе звуки къ твердымъ звукамъ **a**, **y**, **o**; по отношенію къ послѣдней парѣ **e**, **o** элементарная грамматика повторяетъ въ искаженномъ видѣ вѣрное положеніе исторической грамматики, указывающей, что еще въ общеславянскомъ языкѣ **o** въ положеніи послѣ мягкаго неслоговаго звука измѣнилось въ **e** (отсюда объясняется соотвѣтствіе между столомъ и конемъ, окно и море).

То обстоятельство, что на одну доску съ **я**: **а**, **ю**. **у** поставлено и **е**: **о**, объясняется, надо думать, отчасти особенностью правописанія, передающаго современное **о** съ предшествующей мягкой согласной (само **о** здѣсь изъ стараго **е**) буквою **е** въ огромномъ большинствѣ случаевъ, а отчасти тѣмъ, что въ общеславянскомъ языкѣ **о** перешло въ **е** послѣ мягкой согласной, поэтому мы имѣемъ, напр., зерно, но поле, рабомъ, но конемъ и т. д.

Изъ области согласныхъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ: неточное названіе заднепебныхъ **к**, **г** и **х** гортанными, отсутствіе упоминанія о средненебныхъ смягченныхъ **к**, **г** и **х** (напримѣръ, въ сочетаніяхъ **ки**, **ги**, **хи**), классификація согласныхъ, то считающаяся съ различіями по мѣсту образованія (заднепебныя, губныя), то съ различіемъ въ акустическомъ впечатлѣніи (свистящія, шипящія), путаница съ плавными и носовыми, которыя большинство авторовъ не знаетъ куда помѣстить, и, наконецъ, смѣшеніе простыхъ согласныхъ съ слитными (**ч**, **ц**, а также **щ** обозначаютъ не простыя согласныя, а являются знаками: **ч** и **ц** для слитныхъ сочетаній **тш**, **тс** и **щ** для сочетанія **тч** или въ другомъ произношеніи двойного **ш** мягкаго).

Итакъ, напомню что различіе между гласными и согласными состоитъ не въ томъ, въ чемъ видитъ его элементарная грамматика, смѣшивающая то различіе, о которомъ идетъ рѣчь, съ различіемъ между слоговыми и неслоговыми звуками и думающая даже, будто бы согласный звукъ безъ гласной не можетъ быть произнесенъ: различіе между гласными и согласными заключается въ томъ, что при образованіи гласныхъ, голосъ на пути своемъ изъ гортани, гдѣ онъ образуется колебаніемъ голосовыхъ связокъ подъ напоромъ выдыхаемаго воздуха, не встрѣчаетъ нигдѣ такихъ препятствій, преодолѣніе которыхъ вызывало бы шумъ; наоборотъ, при образованіи шумныхъ согласныхъ, согласныхъ съ наиболѣе ясно выраженнымъ типомъ, образуется преграда или въ видѣ тѣсно сомкнутыхъ или сближенныхъ между собою органовъ рѣчи, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ между ними остается узкая щель, о края которой выдыхаемый воздухъ подвергается тренію.

Первый типъ шумныхъ согласныхъ это согласныя шумныя—взрывныя или, по акустическому впечатлѣнію, мгновенныя, второй типъ—согласныя шумныя фрикативныя или, по акустическому впечатлѣнію, длительныя. Далѣе, между шумными согласными какъ взрывными, такъ и фрикативными есть согласныя, образующіяся при участіи голоса, и есть согласныя, образующіяся безъ его участія, при чемъ шумъ отъ разрыва тѣсно сомкнутыхъ органовъ рѣчи или отъ тренія воздуха о стѣнки узкаго прохода между сближенными органами рѣчи составляетъ весь признакъ такой согласной. Согласныя шумныя, образующіяся при участіи голоса, называются звонкими (напр., взрывная **д** и фрикативная **з**), а согласныя шумныя, образуемыя безъ голоса, носятъ названіе глухихъ (напр., глухая взрывная **т** и глухая фрикативная **с**).

Промежуточное мѣсто между гласными и шумными согласными занимаютъ сонорныя согласныя, т.-е. такъ называемыя плавныя и носовыя. Хотя при образованіи сонорныхъ согласныхъ кромѣ **р** и образуется преграда для выдыхаемаго воздуха, но въ то же время остается открытымъ и свободнымъ проходъ въ той или другой части органовъ рѣчи, а при образованіи звука **р** нѣтъ ни узкой щели, ни полной преграды; такъ, при образованіи носовыхъ согласныхъ въ полости рта образуется преграда въ видѣ тѣсно сомкнутыхъ органовъ рѣчи, какъ и при образованіи взрывныхъ шумныхъ согласныхъ, но при этомъ остается открытымъ проходъ въ полость носа, вообще закрытую отросткомъ мягкаго неба, какъ скоро образуются звуки не носовые (согласные и гласные); при образованіи плавной согласной **л** остаются открытыми или одинъ, или

оба боковыхъ прохода, образуемыхъ отдѣленіемъ языка отъ боковыхъ зубовъ, между тѣмъ какъ въ передней части полости рта происходитъ полное соприкосновеніе органовъ рѣчи, принимающихъ участіе въ образованіи даннаго звука; при образованіи звуковъ **р** нѣтъ полнаго соприкосновенія образующихъ ихъ органовъ рѣчи, въ то же время не образуется и узкой щели, о края которой подвергался бы треню выдыхаемый воздухъ.

Такимъ образомъ, при обычныхъ нормальныхъ условіяхъ образованія сонорныхъ согласныхъ голосъ получаетъ такое преобладающее значеніе надъ шумомъ, какого онъ не имѣетъ въ шумныхъ согласныхъ звонкихъ, но, съ другой стороны, сонорныя согласныя отличаются и отъ гласныхъ, гдѣ мы находимъ только голосъ, получающій ту или другую окраску въ полости рта.

По мѣсту образованія въ полости рта согласныя бываютъ задненебныя, средненебныя, небнозубныя и губныя, при чемъ шумныя согласныя, а изъ сонорныхъ—носовыя допускаютъ всѣ четыре основныя категоріи различій по мѣсту образованія, звуки **л** принадлежатъ къ небнозубному классу, а звуки **р** въ большинствѣ языковъ также являются небнозубными хотя извѣстны и **р** задненебное, а также рѣдкое **р** губное.

Простыя согласныя могутъ быть несмягченными и смягченными, нелабіализованными и лабіализованными. Смягченныя согласныя образуются въ тѣхъ случаяхъ, когда ко всѣмъ прочимъ условіямъ, необходимымъ для образованія даннаго звука, присоединяется еще положеніе языка, занимаемое имъ при образованіи небныхъ гласныхъ; наибольшая степень смягченія получается при положеніи языка, нужномъ для образованія звука **і**.

Лабіализація согласныхъ аналогична смягченію (палатализаціи), только здѣсь присоединяется къ обычнымъ условіямъ образованія даннаго согласнаго звука и положеніе губъ, которое они получаютъ при образованіи гласныхъ лабіализованныхъ, при чемъ и здѣсь наибольшая степень лабіализаціи бываетъ при положеніи губъ, занимаемомъ ими при произнесеніи гласной **у**. Изъ того, что сказано о смягченіи согласныхъ, слѣдуетъ невозможность существованія смягченныхъ задненебныхъ согласныхъ, такъ какъ нельзя одновременно приподнимать переднюю часть верхней спинки языка къ переднему небу и приближать или примыкать заднюю ея часть къ заднему небу. Понятно поэтому, почему вмѣсто задненебныхъ смягченныхъ согласныхъ получаются въ языкѣ средненебныя смягченныя.

Перейдемъ теперь къ обзору согласныхъ звуковъ русскаго литературнаго языка. Задненебными согласными являются: взрывная **к** (глухая) и **г** (звонкая), напр., к о р а, г о р а; фрикативныя: **х** (глухая), напримѣръ, въ словѣ хорошъ, и **г** (звонкая), являющееся въ литературномъ языкѣ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ, напр., Бога, Господь, и не отличающееся на письмѣ отъ **г**. Въ южновеликорусскомъ нарѣчіи всякое **г** есть фрикативная согласная. При точной передачѣ звуковъ русскаго языка такое **г** можно писать буквой **г** съ точкой вверху. При образовании задненебныхъ согласныхъ приближается къ заднему небу задняя часть верхней спинки языка въ томъ случаѣ, если образуются фрикативныя **х** и **г**, если же образуются взрывныя **к** и **г**, то происходитъ полное соприкосновеніе названныхъ органовъ. Къ классу средненебныхъ, образующихся при сближеніи (фрикативныя) или полномъ соприкосновеніи (взрывныя) передняго (твердаго) неба и средней части верхней спинки языка, принадлежатъ русскія **ќ**, **ѓ** (взрывныя, глухая и звонкая) и **х** (фрикативная глухая), являющіяся смягченными и не отличающіяся на письмѣ ничѣмъ отъ соотвѣтственныхъ задненебныхъ; ср. русскія слова кинуть, гибнуть, хитрый. О средненебномъ звонкомъ фрикативномъ звукѣ **j** см. ниже.

Условно мы можемъ обозначать такія средненебныя смягченныя **к**, **г**, **х** написаніями **ќ**, **ѓ**, **х́**, такъ какъ написаніемъ знака съ правой стороны буквы (вверху) обозначается вообще смягченная согласная, соотвѣтствующая той твердой, которая обозначается данной буквой. Звонкая фрикативная средненебная согласная **j** (іотъ) не имѣетъ въ русскомъ письмѣ особаго обозначенія, такъ какъ сочетанія **j**+послѣдующая гласная **а**. **у**, **э** передаются здѣсь особыми буквами **я**, **ю**, **е**.

Къ классу небнозубныхъ принадлежатъ въ русскомъ языкѣ взрывныя **т** и **д** (глухая и звонкая), являющіяся несмягченными и смягченными (ср. тотъ, домъ, тетя, деньги) и фрикативныя **с** и **з** (глухая и звонкая), **ш** и **ж** (глухая и звонкая), при чемъ **с** и **з** извѣстны также, какъ несмягченныя и смягченныя (ср. самъ, залъ и семь, земля; но шаръ, жаръ и ширь, жиръ, хочешь, являются съ одинаково твердыми **ш** и **ж**; впослѣдствіи мы узнаемъ, что **ш** и **ж** были нѣкогда дѣйствительно смягченными). Русскія **т**, **д**. **с**. **з** и **ш**, **ж** принадлежатъ къ тому разряду собственно—зубныхъ, которыя образуются при сближеніи или соприкосновеніи передняго кончика языка съ передними верхними зубами (верхнимъ ихъ краемъ). Кромѣ перечисленныхъ шумныхъ согласныхъ къ небнозубному классу принадлежатъ въ русскомъ языкѣ и плавныя **р**, **л**, а также носовая **н**, являющіяся какъ несмягченными, такъ и смягченными (ср. работа, лапоть, но рябой, лямка, няня). Всѣ они являются зубными, при чемъ при образованіи звука **л** твердаго (напр., въ сочетаніи **ла**) нѣсколько приближается задняя доля спинки языка къ заднему небу.

Наконецъ, къ классу губныхъ согласныхъ, получающихся при сближеніи или полномъ соприкосновеніи верхней и нижней губъ (чисто губныя согласныя) или при сближеніи или полномъ соприкосновеніи верхнихъ переднихъ зубовъ и нижней губы (зубногубныя согласныя) принадлежатъ: взрывныя—глухая **п** и звонкая **б** (несмягченныя и смягченныя, напр., въ словахъ: пара, баба и прядь, бѣлый), фрикативныя **ф** и **в** (зубногубныя глухая и звонкая) несмягченныя и смягченныя, напр., ср. форма, воронъ и филинъ, вить; въ русскомъ языкѣ звукъ **ф** обозначается буквами **ф** и **ѳ**; такая двойственность объясняется тѣмъ, что въ славянскій алфавитъ были введены двѣ буквы съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ въ подражаніе греческому письму: съ звукомъ **ф**, обозначавшимся буквою, послужившею прототипомъ для славянскаго **ф**, совпалъ въ передачѣ у славянъ другой звукъ, обозначавшійся буквою, начертаніе которой мы воспроизводимъ въ буквѣ **ѳ** (опта), самими греками произносившейся послѣ Р. Хр., какъ англійское **t h**, напр., въ словѣ think, но первоначально отъ него отличавшійся и бывшій нѣкогда **t** придыхательнымъ; многія греческія слова вошли въ латинскій языкъ въ ту эпоху, когда въ греческомъ языкѣ существовалъ звукъ **th**, передававшійся въ латинскомъ языкѣ начертаніемъ **th**, а изъ латинскаго языка эти слова перешли въ новые европейскіе языки, между прочимъ и въ русскій: этимъ объясняются въ русскомъ языкѣ такіе варіанты, какъ театръ и старинное ѳеатръ (второе слово непосредственно изъ греческаго), Агатонъ и Агаѳонъ, а также русское **ф**, которое обыкновенно писалось черезъ **ѳ** въ такихъ словахъ, какъ каѳедра, Мараѳонъ, Ѳедоръ, при соотвѣтствующихъ имъ словахъ западноевроп. языковъ съ **th**.

Само собою разумѣется, что различіе между **ф** и **ѳ** можетъ быть сохранено исключительно искусственнымъ путемъ, такъ какъ въ самомъ языкѣ не различаются два какихъ-либо отдѣльныхъ звука, а потому и буква **ѳ**, какъ болѣе рѣдкая, должна быть устранена изъ правописанія.

Изъ числа сонорныхъ согласныхъ къ губнымъ, именно къ чисто губнымъ, принадлежитъ въ русскомъ языкѣ губная носовая **м** несмягченная и смягченная (напр., море и миръ).

Согласныхъ лабіализованныхъ (а о томъ, что такое лабіализація согласныхъ, см. выше) въ современномъ литературномъ произношеніи нѣтъ, нѣкоторые изслѣдователи отмѣчаютъ такія согласныя въ извѣстныхъ народныхъ говорахъ, напр., тотемскомъ.

Кромѣ согласныхъ простыхъ, существуютъ въ языкахъ и согласныя слитныя. Къ слитнымъ согласнымъ принадлежатъ такъ называемыя аффрикаты, представляющія слитное сочетаніе взрывной шумной согласной съ послѣдующей фрикативной того же мѣста образованія и тѣхъ же условій образованія: какъ и простыя согласныя, аффрикаты могутъ быть несмягченными и смягченными. Изъ аффрикатъ въ русскомъ языкѣ извѣстны слѣдующія аффрикаты небнозубного класса, передаваемыя на письмѣ особыми буквами. глухая твердая аффриката **ц** (цапля, цинкъ), представляющая слитное сочетаніе **тс**, глухая аффриката **ч**, всюду смягченная (читать, часто), представляющая слитное сочетаніе **тш**; буква **щ** обозначаетъ въ литературномъ произношеніи двойное **ш** мягкое или звукъ **ш**+аффриката **ч**. Звонкія аффрикаты **дз͡** и **дж͡** существуютъ въ русскомъ языкѣ только какъ звонкіе эквиваленты глухихъ **ц** и **ч** при положеніи ихъ передъ слѣдующею звонкою согласною, ср. произношеніе въ сочетаніяхъ отецъ былъ, дочь была и отецъ пилъ, дочь пила, въ 1-мъ случаѣ слышатся звонкія аффрикаты, во 2-мъ глухія. Историческія судьбы русскаго правописанія разъясняютъ намъ, почему мы пишемъ, напр., цинкъ, цифра, хотя **ц** твердая аффриката: нѣкогда, какъ мы узнаемъ впослѣдствіи, **ц** было мягкой аффрикатой; далѣе, мы пишемъ часто, чудо, хотя **ч** смягченная аффриката (а послѣ предшествующей смягченной согласной мы ждали бы **я** для обозначенія звука **а**); ср. тотъ фактъ, что еще въ старослав. письменности нѣкогда писались послѣ **ж**, **ч**, **ш**, **щ**, буквы **а**, **у**, **е** неіотированныя, такъ какъ первоначально въ славянской азбукѣ написаніе передъ буквою, обозначающею гласную, іота обозначало звукъ іотъ или близкій къ нему, а не служило для передачи, какъ это было послѣ, смягченія предшествующей согласной. Однако употребленіе буквъ **а** и **у** послѣ **ч** можетъ быть удержано, такъ какъ **ч** всюду мягко, а потому и нѣтъ надобности обозначать его написаніемъ буквъ **я** и **ю**: что касается буквы **щ**, то она усвоена для обозначенія русскихъ звуковъ **шч** въ соотвѣтствіи церковнославянскимъ, по русскому произношенію, **шч**, замѣнившимъ старославянское **шт** (сама буква **щ**, церковнославянское **щ** есть по происхожденію лигатура изъ **шт**).

Кромѣ согласныхъ, образующихся въ полости рта (частью при участіи и полости носа), есть въ языкахъ и согласныя, образуемыя въ гортани, гортанныя въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ этого термина. Такихъ согласныхъ, къ которымъ принадлежитъ, напримѣръ, такъ называемое придыханіе нѣкоторыхъ западноевропейскихъ яз., въ литературномъ русскомъ языкѣ нѣтъ.

Кромѣ описанныхъ выше типовъ русскихъ взрывныхъ шумныхъ согласныхъ, существуютъ еще въ сочетаніяхъ взрывной согласной съ слѣдующимъ **л** (напр. **тл**) согласныя, гдѣ обычный разрывъ замѣняется разрывомъ, состоящимъ въ отдѣленіи языка отъ боковыхъ зубовъ. Равнымъ образомъ при переходѣ отъ шумной согласной къ слѣдующей носовой (напр. **тн**) получается характерный шумъ отъ опусканія внизъ подвижного неба, который особенно ясно воспринимается нами при сочетаніи съ носовой предшествующей взрывной.

Относительно всѣхъ звонкихъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ нужно замѣтить, что при положеніи въ концѣ слова и внутри слова въ положеніи передъ глухою согласною старыя звонкія согласныя измѣнились въ глухія, и, если на письмѣ сохраняются въ такихъ условіяхъ написанія, обозначающія сами по себѣ звонкія согласныя, то это дѣлается для того, чтобы не разрывать прочныхъ ассоціацій зрительныхъ образовъ

данныхъ написаній и написаній родственныхъ образованій, гдѣ данный звукъ сохраняется звонкимъ, находясь въ другой фонетической обстановкѣ; напримѣръ, городъ, городской мы пишемъ съ **д**, когда произносимъ здѣсь **т**, имѣя въ виду такія образованія, какъ города, городу, городовъ и т. д. Или, напр., когда пишется ложка, ножка, то изъ род. мн. ложекъ, ножекъ ясно видно этимологическое значеніе буквы **ж** въ им. ед., гдѣ въ живомъ произношеніи существуетъ **ш**.

Подобный переходъ звонкихъ въ глухія и глухихъ въ звонкія, не отразившійся на письмѣ, находимъ и при тѣсномъ соединеніи словъ въ рѣчи; напр., ср., ф т о д д о м (= в ъ т о т ъ д о м ъ), п а т т и б я (= п о д ъ т е б я); слово, оканчивающееся въ живомъ языкѣ на **ц**, передъ звонкою согласною въ началѣ слѣдующаго слова имѣетъ уже слитное сочетаніе **д͡з**, ср. а т е д͡з б ы л (= о т е ц ъ б ы л ъ); равнымъ образомъ **ч** при такихъ же условіяхъ переходитъ въ **д͡ж**, ср. д о д ж б ы л ъ (= д о ч ь б ы л а) и т. д.

Отъ общаго принципа писать въ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ не по современному произношенію, а согласно съ этимологіей, русское правописаніе отступаетъ 1) по отношенію къ предлогамъ и з ъ, н и з ъ, в о з ъ, р а з ъ (но не б е з ъ), гдѣ передъ **к, п, т, х, ш, щ, ц, ч** пишется **с**, но передъ **с** на письмѣ **з**, какъ извѣстно, сохраняется, ср., напр., р а з с ѣ я т ь; 2) въ отдѣльныхъ словахъ, напр. с в а д ь б а ср. с в а т ъ (этимологически здѣсь **т**), г д ѣ (древнее к ъ д ѣ; здѣсь корень тотъ же, что и въ к т о изъ к ъ т о, а суффиксъ **дѣ**, ср. вездѣ, гдѣ **з** тоже не соотвѣтствуетъ этимологіи, такъ какъ корневая часть здѣсь та же, что и въ древнемъ в ь с ь = в е с ь).

Разъ мы подошли къ вопросу о расхожденіи современной орѳографіи съ живымъ произношеніемъ, то небезполезно будетъ остановиться и на другихъ, наиболѣе существенныхъ случаяхъ, причемъ въ дальнѣйшемъ, изображая звуками русскаго алфавита живое произношеніе, я для объясненія написаній гласныхъ отсылаю къ слѣдующему за этимъ обзоромъ очерку гласныхъ звуковъ.

Буквы **ф** и **ѳ** (послѣдняя до сихъ поръ еще не устранена, несмотря на многочисленныя попытки) обозначаютъ одинъ и тотъ же звукъ **ф**, и различіе между ними объясняется тѣмъ, что **ѳ**, взятое изъ греческаго письма въ кирилловское, произносилось какъ **ф**, между тѣмъ въ латинскій и изъ него въ другіе западные языки соотвѣтственныя слова греческаго языка перешли такъ, что звукъ греческаго языка, обозначавшійся буквой, о которой идетъ рѣчь, передавали написаніемъ **th**; произносится же теперь простое **t**. Такъ объясняется старое русское ѳ е а т р ъ и новое т е а т р ъ, Ѳ е о д о р ъ и Т е о д о р ъ и т. д. (театръ и Теодоръ новыя заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ).

Звукъ **к** передъ **к, т** и **ч** перешелъ въ **х**, а мы продолжаемъ писать **к**, частью **г**; напр. х к а м у (к ъ к о м у), х т и б е (к ъ т е б ѣ), х ч и м у (к ъ ч е м у), м я х к ъ (= м я г к о), н о х т ь (н о г т и) и т. д.

Сочетаніе буквъ **сч** передаетъ на самомъ дѣлѣ то сочетаніе, которое пишется какъ **щ**: ср. щемъ (съ чѣмъ), щастльф (счастливъ); понятно, что и б е з ъ ч е с т и, б е з ъ щ е т к и въ живомъ языкѣ звучитъ какъ б е щ е с т ь, б е щ о т к ь и т. д.

Живое двойное (правильнѣе долгое) **ж** мягкое на письмѣ передается буквами **зж** (ср. у ѣ з ж а т ь, м о з ж е ч е к ъ) подъ вліяніемъ образованій отъ того же корня съ **з** (ѣ з д и ш ь, м о з г ъ); въ словѣ в о ж ж и въ послѣднее время принято писать **жж**. При соединеніи одного слова, оканчивающагося на **з**, и другого, начинающагося съ **ж**, въ живомъ произношеніи получается двойное **ж** твердое (ср. п ж ж о г ъ = п з ж о г а, ж ж ы т ь = с ж и т ь). Аналогично мы слышимъ двойное **ш** твердое, гдѣ пишемъ **сш** или **зш**, напр., ш ш у м ъ м = с ъ ш у м о м ъ, и ш ш у п = и з ъ ш у б ъ.

Слово что произносится, какъ што или безъ самостоятельнаго ударенія какъ штъ; произношеніе что, чтобы съ **ч** книжнаго происхожденія подъ вліяніемъ орѳографіи.

На письмѣ существуютъ согласныя, которыя не произносятся. Сюда относятся слѣдующіе случаи, гдѣ продолжаютъ писать по этимологіи: а) въ сочетаніяхъ **стн, стл, стк (здк)** звукъ **т** уже не произносится, ср. свиснулъ = свистнулъ, лесьницъ = = лѣстница (и далѣе новообразованіе лесьникъ = лѣсника), наслать = = постлать, извѣскъ = известка, поѣскъ = поѣздка и т. д.; б) **д** въ группѣ **здн** исчезло въ живомъ произношеніи, ср. безнъ = бездна, познъ = поздно; в) согласная **с** въ **сскій, сство** произносится уже какъ простое, не двойное (или долгое **с**), ср. рускъй = русскій, искуствъ = искусство, г) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ сохраняются этимологическія группы согласныхъ, уже упростившіяся въ произношеніи, ср. сонцъ = солнце, серцъ = сердце, чюствъ = чувство.

Окончаніе род. ед. **го** пишется съ **г**, тогда какъ въ литературномъ произношеніи здѣсь согласная **в**; это объясняется вліяніемъ церковнославянской орѳографіи, о чемъ будетъ сказано подробнѣе впослѣдствіи.

Мягкость согласныхъ въ русскомъ правописаніи обозначается въ томъ случаѣ, если она зависитъ отъ положенія согласнаго передъ мягкою гласною, т.-е. передъ гласною передняго ряда, написаніемъ особой буквы для обозначенія этого гласнаго звука, ср. **те** и **тэ, тя** и **та, тю** и **ту;** этотъ способъ примѣняется, очевидно, тамъ, гдѣ существуютъ передъ гласною и твердыя, и мягкія согласныя, но напр. передъ **и** согласныя мягкія, передъ **ы** согласныя твердыя (см. ниже). Во-вторыхъ, мягкость согласной обозначается написаніемъ буквы **ь** въ концѣ словъ и частью внутри словъ, въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно тамъ, гдѣ дѣйствительно было нѣкогда **ь**, а буква **ь**, какъ мы увидимъ дальше, была нѣкогда не только письменнымъ знакомъ, а соотвѣтствовала живой гласной, впослѣдствіи утраченной; эта гласная была мягкой гласной, чѣмъ и объясняется мягкость предшествующей согласной. Ср. конь, кость, судьба, борьба, сильный и т. д. Не обозначается мягкость согласной передъ слѣдующей мягкой согласной, за исключеніемъ, понятно, такихъ случаевъ, какъ борьбѣ, сильнѣе, гдѣ пишется **ь**, такъ какъ въ формахъ этихъ словъ, служащихъ отправными пунктами для правописанія, мягкая согласная приходится передъ слѣдующей твердой (см. выше).

При разсматриваемомъ положеніи губныя согласныя (**б, п, в, ф**) имѣютъ полное смягченіе только передъ мягкими губными же и передъ мягкими средненебными **к, г, х**, ср. напр. любви, вбить, лапки и т. п. съ лопнешь, дешевле и т. п., гдѣ губныя (въ данномъ случаѣ **п** и **в**) имѣютъ лишь слабую степень мягкости. Точно такъ же не вполнѣ мягкими являются губныя и зубныя согласныя передъ **j**, ср. пью, бью, объявить; этими объясняется колебаніе въ орѳографіи (въ однихъ случаяхъ пишется **ь**, въ другихъ **ъ**).

На особомъ положеніи согласныя **ж, ш** и слитныя согласныя **ц** и **ч**. Первыя три (**ж, ш, ц**) всюду твердыя, а **ч** всюду мягкое. Различіе, напр., между мечъ и ночь только орѳографическое, вызванное тѣмъ, что въ первомъ случаѣ слово мужескаго рода. Если послѣ **ж** и **ш** мы пишемъ всюду **и**, а послѣ **ц**, какъ извѣстно, существуетъ колебаніе (цикорій, цыфра и цифра, цыновка), то это опять графическое явленіе, объясняющееся историческимъ характеромъ правописанія. Тѣмъ, что **ч** мягкое, объясняется отсутствіе написанія **ь** въ такихъ случаяхъ, какъ дочка, ручка, точно, ср. Ванька, сильно и т. п.

Что касается гласныхъ, то, какъ я разъясняю подробно въ общемъ курсѣ языковѣдѣнія, данные звуки рѣчи раздѣляются на три класса въ зависимости отъ различій въ частяхъ неба, по направленію къ которому приподнимается соотвѣтственная часть спинки языка, а измѣненіями взаимнаго положенія этихъ органовъ и достигается измѣненіе въ общемъ видѣ резонирующей поверхности, каковою при образовании гласныхъ и является полость рта. частью полость носа; послѣдняя принимаетъ участіе въ томъ случаѣ, когда въ нее открытъ свободный проходъ для выдыхаемаго воздуха, гласныя при этомъ послѣднемъ условии являются носовыми; таковы, напримѣръ, гласныя носовыя польскаго и французскаго языка.

Итакъ, гласныя бываютъ или задними, или средними, или передними. смотря по тому, какая часть спинки языка приподнимается по направленію къ соотвѣтственной части неба. Каждый изъ этихъ рядовъ гласныхъ звуковъ бываетъ или нелабіализованнымъ, или лабіализованнымъ, а лабіализованныя гласныя получаются, когда кромѣ языка активное участіе въ образовании гласныхъ принимаютъ и губы, которыя болѣе или менѣе выдвигаются впередъ, принимая болѣе или менѣе кругообразную форму. Кромѣ этого, надо замѣтить, губы имѣютъ активную роль и при образованіи гласныхъ передняго ряда. принимая видъ болѣе или менѣе узко растянутой щели, но это ихъ участіе не кладется въ основаніе классификаціи, такъ какъ оно играетъ роль дополнительнаго условія при образованіи одного класса гласныхъ. Далѣе, по степени поднятія языка гласныя бываютъ или нижними, или средними, или верхними, а по различію въ напряженіи языка широкими, при отсутствіи напряженія, и узкими, при его наличности, (напр. русскій звукъ **е**, изображаемый буквою **ѣ**, въ словѣ «вѣра» является широкимъ. а въ словѣ «вѣрѣ» является узкимъ).

Понятно, что сверхъ того существуютъ еще гласныя промежуточныя по условіямъ образованія и гласныя неполнаго образованія (редуцированныя) по отношенію къ участію голоса, когда же мы говоримъ шопотомъ, то голосъ и совсѣмъ не образуется.

Къ гласнымъ задняго нелабіализованнаго ряда принадлежатъ различные звуки **а**, близкіе другъ другу въ акустическомъ отношеніи. Звукъ **а**, являющійся въ русскомъ яз. нижнимъ и широкимъ, обозначается въ русскомъ языкѣ буквою **а**, а въ сочетаніи съ **j** или въ положеніи послѣ предшествующей смягченной согласной буквой **я**.

Къ гласнымъ задняго лабіализованнаго ряда принадлежатъ верхняя гласная **у**, средняя гласная **о**, обѣ широкія; въ современномъ правописаніи звукъ **у** въ сочетаніи съ **j** или въ положеніи послѣ предшествующей смягченной согласной обозначается буквою **ю**, напр. югъ, лѣплю; гласныя **у** и **о** въ русск. яз. открытыя. Вмѣсто **у** послѣ предшествующей мягкой согласной существуетъ и звукъ **ü**, т.-е. верхняя гласная передняго ряда лабіализованная. По условіямъ русской орѳографіи **о** съ предшествующей старой мягкой согласной изображается обыкновенно буквою **е**, такъ какъ оно образовалось изъ этого звука, и въ большинствѣ случаевъ такое его происхожденіе легко опредѣляется изъ современнаго языка; напр. шелъ, землею и т. д. Послѣ **ц**, которое отвердѣло, пишется **о**, ср. купцомъ, тоже послѣ **ж** и **ш** въ тв. ж. р.: душою. Надо замѣтить, что въ положеніи передъ мягкимъ звукомъ вм. такого **о** слышится **ӧ** (**ӧ**—гласная средняя передняго лабіализованнаго ряда, ср. нѣм. **ö**), такова гласная въ тетя, ср. это слово съ тетка.

Къ гласнымъ средняго нелабіализованнаго ряда принадлежитъ русское **ы**, являющееся гласной узкой, притомъ верхней.

Къ гласнымъ передняго нелабіализованнаго ряда (иначе небнаго ряда) относятся средняя гласная **е**. широкое и узкое, и верхняя гласная **і** (узкое).

Гласная **е** изображается въ русскомъ письмѣ буквами **ѣ**, **э** и **е**, при чемъ буквами **ѣ** и **е** изображается не только звукъ **е** съ предшествующей смягченной согласной, но и сочетаніе **je**; послѣднее мы находимъ въ началѣ слова (ѣда, есть) и въ серединѣ слова, послѣ гласной (въ этомъ положеніи извѣстно только **е**, напр. дѣлаетъ). Сохраненіе буквы **ѣ** является въ настоящее время ненормальнымъ, такъ какъ въ самомъ литературномъ русскомъ языкѣ **ѣ** совпало вполнѣ съ старымъ **е**; удерживая букву **е** и въ значеніи знака для сочетанія **е**, мы должны сохранить и букву **э**. Гласный звукъ **е**, какъ бы онъ ни обозначался, насколько онъ сохраняется какъ **е**, является въ русскомъ языкѣ широкимъ тамъ, гдѣ за нимъ не слѣдуетъ смягченнаго, мягкаго звука, узкое же **е** мы находимъ тамъ, гдѣ слѣдуютъ за нимъ смягченныя согласныя, ср., напримѣръ, лечь, вѣра, вѣрить, это, эти.

Что касается звука **і**, то онъ обозначается буквами **и** и **і**, изъ которыхъ вторая, какъ болѣе рѣдкая, легко можетъ быть устранена, а о происхожденіи различія между написаніями **и** и **і** я уже говорилъ въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи правописанія. Далѣе подлежитъ окончательному устраненію буква **ѵ**, оставшаяся въ нѣкоторыхъ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго, а въ самомъ греческомъ языкѣ буква, послужившая прототипомъ славянской изицы, нѣкогда обозначала звукъ **и**, измѣнившійся далѣе въ **ü** (къ этому классу гласныхъ принадлежитъ франц. **и**, нѣм. **ü**), и, наконецъ, въ **і**.

Указанныя выше гласныя существуютъ въ русскомъ литературномъ произношеніи въ слогахъ подъ удареніемъ, что же касается слоговъ безъ ударенія, то здѣсь мы находимъ по закону такъ называемаго аканія слѣдующіе гласные звуки.

Въ слогѣ передъ удареніемъ орографическое **о** обозначаетъ гласную, совпадающую съ гласной, обозначаемой буквой **а**, напр. вадá, насú, акнó, ср. валú, алмáзы; это то же **а**, что и подъ удареніемъ. Гласная, обозначаемая буквами **е**, **ѣ**, **я** въ слогѣ передъ удареніемъ, принадлежитъ къ классу звуковъ, обозначаемыхъ буквами **и**, **і** (т.-е. буквы **е**, **ѣ**, **я** въ слогѣ передъ удареніемъ обозначаютъ всѣ одну и ту же гласную, въ которой совпали въ результатѣ нѣкогда различныя гласныя): этотъ звукъ въ произношеніи большинства не отличается отъ обычнаго **и** не подъ удареніемъ, хотя можно слышать вмѣсто этого и гласную, которую можно было бы опредѣлить какъ закрытое **е**. Ср. напр. систрá, плитý (=плету) бидá, висы, тинú (=тяни), питú (=пяти) и т. д. Въ положеніи послѣ **ж**, **ш**, въ слогъ передъ удареніемъ, въ связи съ тѣмъ, что эти согласныя, бывшія нѣкогда мягкими, впослѣдствіи отвердѣли (см. ниже), мы имѣемъ вмѣсто орографическихъ **е** и **а** (**я** не пишется, какъ извѣстно, послѣ буквъ, обозначающихъ твердыя согласныя) гласную не передняго, а задняго ряда, но не обычное **а**, а звукъ болѣе верхній по степени поднятія языка; обозначимъ его условно буквою **э**; напр. жэрá, шэлú (=шали), жэнá и т. п.

Что касается прочихъ слоговъ безъ ударенія, то здѣсь гласныя являются не полными по отношенію къ образованію голоса, т.-е. такъ называемыми редуцированными, при чемъ въ слогѣ, за которымъ слѣдуетъ еще слогъ съ редуцированной гласной, онѣ могутъ становиться очень короткими и даже исчезать при быстромъ темпѣ рѣчи. Относительно качества гласныхъ звуковъ нужно замѣтить слѣдующее, орографическія **о**, **а** совпали въ гласной средняго ряда средней же по положенію языка, обозначать ее будемъ условно буквою **ъ**, при чемъ при точной передачѣ звуковъ рѣчи мы уже должны воздержаться отъ употребленія этой буквы тамъ, гдѣ она является только графическимъ знакомъ. Напр. съпагú (=сапоги), въдúной (=водяной), óкнъ (=окна), балóтъ (=болото). Орографическія **е**, **ѣ**,

и, я являются при указанныхъ выше условіяхъ обозначеніемъ гласной передняго ряда верхней, которую мы можемъ писать условно буквою ь (ср. аналогичное примѣненіе знака **ъ**). Напр., сьрида́ (=середа), бьгатня (=бѣготня). пьсарь (=писаря). тьжэло́ (=тяжело), по́льм (=полемъ). вы́ськ (=высѣкъ). Послѣ **ж** и **ш** является вм. орографич. **е** и **я** звукъ, обозначаемый нами буквою **ъ**; напр., жъних и́ (=женихи́). шълисти́т (=шелеститъ).

Что касается гласныхъ, обозначаемыхъ буквами **и** (**i**), **ы**, **у** и **ю**, то гласная **и** въ слогахъ безъ ударенія совпадаетъ съ гласною изъ стараго **е** (см. выше), именно въ слогѣ передъ ударе́ніемъ это **и** безъ напряженія языка, а въ прочихъ слогахъ безъ ударенія это гласная, которую мы пишемъ ь (напр. ньрава́ль (пировали). Послѣ **ж**, **ш** буква **и** обозначаетъ уже верхній звукъ не передняго, а средняго ряда, какъ безъ ударенія, такъ и подъ ударе́ніемъ, причемъ въ слогахъ безъ ударенія, кромѣ слога безъ ударенія непосредственно передъ ударе́ніемъ, это гласная редуцированная; обозначимъ ее буквой **ы** съ точкой внизу: напр. ежыкъ (=ежикъ). шыраки́ (=широки). Ср. подъ ударе́ніемъ жыль ь (=жили), шыли́ (=шили) *), а также передъ ударе́ніемъ жывы́ (=живи), шыпи́ (=шипи). Буква **ы** въ слогахъ безъ ударенія обозначаетъ редуцированную гласную того же средняго ряда; можемъ обозначить ее буквою **ы** съ точкою наверху (напр. вы́хади́ (=выходи). По степени поднятія языка она верхняя, но отъ гласной, обозначаемой нами **ы**, она, кажется, все же отличается (см. примѣчаніе). Буква **ю**, обозначающая сама по себѣ звукъ буквы **у**, но только послѣ мягкой согласной, въ положеніи въ слогѣ безъ ударенія послѣ предшествующей гласной обозначаетъ въ литературномъ произношеніи звукъ **ü** (латинская буква). Напр. въ стараюсь мы слышимъ не **у**, а звукъ **ü**, который можно бы передать по-русски буквою **ў**.

Различіе между гласными и согласными звуками, какъ мы видѣли, не имѣетъ ничего общаго съ различіемъ звуковъ слоговыхъ и неслоговыхъ; такъ, сами по себѣ и гласныя могутъ быть неслоговыми и согласныя слоговыми, хотя дѣйствительно обыкновенно въ языкахъ слоговыми звуками бываютъ гласныя, а изъ согласныхъ промежуточныя между гласными и шумными согласными сонорныя согласныя. Слоговымъ мы называемъ вообще такой звукъ, который произносится самостоятельнымъ напоромъ воздуха, и которому подчинены по силѣ другой или другіе звуки, вмѣстѣ съ нимъ произносимые.

Въ русскомъ языкѣ слоговыя согласныя вообще неизвѣстны, а изъ гласныхъ въ неслоговомъ употребленіи извѣстно **i**, обозначаемое буквой **й**, впрочемъ это **i** неслоговое встрѣчается только въ сочетаніи съ предшествующей гласной, образуя съ ней такъ называемый дифтонгъ; ср. русскіе дифтонги **ай**, **эй**, **ой**, **уй**. Что касается буквъ **я**, **ю**, **е**, которыя обозначаютъ, какъ мы видѣли, въ началѣ словъ и послѣ гласной **j+а**, **у**, **э**, то м. б. вмѣсто согласнаго **j** слышится въ литературномъ произношеніи и **i̯**, т.-е. **i** неслоговое.

Ударе́ніемъ слова мы называемъ вообще выдѣленіе слога въ рядѣ слоговъ, составляющихъ данное слово, или по силѣ выдыхаемаго воздуха, или по высотѣ тона или по тому и другому признаку вмѣстѣ.

---

*) Быть можетъ, правильнѣе опредѣлить гласную, обозначаемую буквою **и** послѣ **ж** и **ш**, подъ ударе́ніемъ напряженную, передъ твердымъ звукомъ и тамъ, гдѣ она редуцирована, какъ гласную среднезадняго ряда, иначе это, можетъ быть, гласная переднесредняго ряда, а между 3 основными рядами гласныхъ есть ряды промежуточные

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ удареніе выдыхательное, экспираторное, во второмъ—музыкальное, тоническое, въ третьемъ—смѣшанное, или выдыхательномузыкальное, или музыкальновыдыхательное, смотря по тому, какой изъ этихъ двухъ элементовъ является преобладающимъ. Въ русскомъ языкѣ удареніе чистовыдыхательное, экспираторное.

Относительно длительности гласныхъ нужно замѣтить, что подъ удареніемъ всѣ гласныя являются въ литературномъ произношеніи болѣе долгими, чѣмъ въ слогѣ передъ удареніемъ, а въ прочихъ слогахъ, гдѣ онѣ редуцированы, онѣ имѣютъ меньшую длительность, чѣмъ обычныя краткія гласныя.

Примѣчаніе. При полной утратѣ гласной при ускоренномъ темпѣ рѣчи въ слогѣ безъ ударенія слоговое свойство и въ русскомъ языкѣ передается согласной, ср. ябрт = я братъ, онгрт = онъ говоритъ.

ФОНЕТИКА.

1. Гласныя ъ и ь.

Въ общеславянскомъ языкѣ существовали нѣкогда двѣ гласныя, которыя занимали особое положеніе на ряду съ другими гласными, здѣсь существовавшими,—это звуки, которые мы условно будемъ называть «**еръ**» и «**ерь**», изображая ихъ соотвѣтственными буквами кирилловскаго алфавита. Говорить «твердый знакъ», «мягкій знакъ» было бы ошибочно по той причинѣ, что въ общеславянскую эпоху и позже въ общерусскомъ языкѣ (т.-е. русскомъ языкѣ въ тотъ періодъ, который предшествовалъ распаденію его на отдѣльныя нарѣчія) это были дѣйствительно гласные звуки: существовали они въ древнѣйшій періодъ жизни и въ прочихъ славянскихъ языкахъ, въ старославянской письменности они изображались особыми буквами, утратившими въ позднѣйшей русской письменности свое значеніе знаковъ, выражающихъ опредѣленныя гласныя (вслѣдствіе исчезновенія самихъ этихъ гласныхъ), и ставшими только письменными знаками твердости и мягкости согласныхъ.

Гласныя **ъ** и **ь** въ общеславянскомъ языкѣ были гласными болѣе краткими сравнительно съ обычными краткими гласными (напр. **е** и **о**), т.-е. были такъ называемыми ирраціональными гласными. По качеству звукъ **ъ** былъ, надо думать, близокъ къ **о**, а звукъ **ь** близокъ къ **е**; отличались они отъ нихъ большею закрытостью звука. такъ **ъ** было такимъ **о**. которое приближалось къ **u** (латинская буква). а **ь** было такимъ **е**, которое было близко къ **i**.

При извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ эти гласныя были менѣе ирраціональными, чѣмъ въ другихъ случаяхъ.

Именно. 1), по крайней мѣрѣ, въ діалектахъ общеславянскаго языка въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ и 2) въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ **ъ** или **ь**, эти гласныя были менѣе ирраціональными. Условно мы можемъ назвать такіе **ъ** и **ь** сильными **ъ** и **ь**, но только условно и именно по тому, что понятіе силы относится къ другой категоріи сравнительно съ тѣми признаками, которые отличали оба вида ирраціональныхъ гласныхъ общеславянскаго языка другъ отъ друга. Сильные **ъ** и **ь** въ русскомъ языкѣ перешли въ гласныя полнаго образованія (**ъ** въ **о**, а **ь** въ **е**); тѣ **ъ** и **ь**, которые въ общеславянскомъ языкѣ не были сильными и слоговыми, а были слабыми (болѣе ирраціональными и неслоговыми), въ результатѣ исчезли. Что касается старославянскаго языка той эпохи, къ которой относятся наши тексты, а, какъ мы видѣли на стр. 5, наши памятники моложе эпохи Первоучителей, то здѣсь, по свидѣтельству памятниковъ, **ъ** и **ь**, сильные переходили въ извѣстныхъ діалектахъ въ **о** и **е**, ср. въ Мариинскомъ Ев. написанія **вонъ—вънъ, шєлъ—шьлъ, любовь—любъвь, вєсь—**

вьсь и т. п. Съ другой стороны, наши памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что **ъ** и **ь** слабые, вообще сохранявшіеся въ эпоху возникновенія славянской письменности (вторая половина IX в.), съ теченіемъ времени при извѣстныхъ условіяхъ уже исчезли, ср. въ старославянскихъ памятникахъ **всє** вмѣсто **вьсє, псати** вм. **пьсати** и т. д.

Въ современной русской орѳографіи знаки **ъ** и **ь** сохраняются только въ качествѣ письменныхъ знаковъ, при чемъ внутри словъ между согласными **ъ** уже нигдѣ не пишется, а **ь** частью сохраняется и здѣсь въ качествѣ знака мягкости предшествующей согласной (ср. дочка, ручка, но маменька, тетенька и т. д.).

Примѣры. 1) старославянское **сънъ**, русское сонъ (**ъ** въ настоящее время только письменный знакъ), но родительный единственнаго старослав. **сънѧ**, русск. сна; старослав. **съпати** (а слово **сънъ** изъ * **съпнъ**, утрата **п** передъ **н** произошла еще въ общеславянскую эпоху), рус. спать; старослав. **бъдръ**, русск. бодръ; старослав. **дъскѫ** (винит. ед.), русск. доску и далѣе по аналогіи имен. ед. доска, хотя здѣсь **ъ** фонетически долженъ былъ исчезнуть, т.-е. фонетическая форма, такимъ образомъ, цка изъ тска; старослав. суффиксъ—**ъкъ**, русск.—**окъ**, ср. ледокъ, сынокъ, ледка, сынка и т. д., старосл. суффиксъ—**ъка**, русск.—**ка**, ср. полка, водка, лодка, но полокъ, водокъ, лодокъ. 2) старослав. **вьсь**, русск. весь, **ь** здѣсь въ настоящее время только письменный знакъ, обозначающій мягкость предшествующей согласной; родит. ед. всего съ фонетической утратой **ь**; старослав. **дьнь**, русск. день, но напр. дня; старослав. суффиксъ—**ьць**, русск. **ецъ**, наприм., старослав. **отьць**, русск. отецъ, ср. далѣе купецъ, писецъ, но родит. ед. отца, купца, писца, съ фонетической утратой **ь**; старослав. — **ька**, русск. — **ка**, наприм. дочка, ручка, ножка, но правильно въ род. мн. дочекъ, ручекъ, ножекъ, гдѣ русское—**екъ** изъ—**ькъ**.

Является вопросъ, въ какую эпоху жизни русскаго яз. произошелъ переходъ **ъ** и **ь** въ гласныя **о** и **е**. На это можно отвѣтить такъ въ XI в. сильные **ъ** и **ь**, повидимому, еще не совпали вполнѣ съ гласными **о** и **е**, иначе въ церковнославянскихъ текстахъ, писанныхъ въ Россіи въ XI в., мы нашли бы больше случаевъ замѣны буквъ **ъ** и **ь** буквами **о** и **е**, согласно съ русскимъ произношеніемъ соотвѣтственныхъ словъ. Слабыхъ **ъ** и **ь**, повидимому, въ XI в. уже не существовало, по крайней мѣрѣ, въ начальномъ слогѣ слова. За это говоритъ такой памятникъ, какъ Мстиславова грамота 1128 — 1132 г., гдѣ въ начальныхъ слогахъ, за исключеніемъ двухъ случаевъ, послѣдовательно опускаются **ъ** и **ь**, строго сохраняемые въ прочихъ слогахъ. Итакъ, вполнѣ процессъ измѣненія и утраты **ъ** и **ь** закончился только въ XII в.

Вслѣдствіе того, что въ русскомъ языкѣ церковнославянскимъ словамъ съ старыми сильными **ъ** и **ь** соотвѣтствуютъ слова съ гласными **о** и **е**, и въ условномъ церковномъ произношеніи знаки **ъ** и **ь** церковныхъ текстовъ тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ являются гласныя **о** и **е**, читаются, какъ **о** и **е**, иначе они не произносятся.

Старые церковнославянскіе памятники, писанные въ Россіи, представляютъ случаи неправильнаго употребленія буквъ **ъ** и **ь**, объясняющіеся изъ сказаннаго раньше. Правда, въ памятникахъ XI в. еще можно видѣть въ буквахъ **о** и **е** вмѣсто **ъ** и **ь** отраженіе свойствъ оригиналовъ, а старослав. языкъ въ своихъ діалектахъ, какъ мы видѣли выше, зналъ переходъ сильныхъ **ъ** и **ь** въ **о** и **е**, но въ XII — XIII вв. мы находимъ уже несомнѣнное отраженіе живого произношенія. Далѣе, то обстоятельство, что **ъ** и **ь** въ однихъ случаяхъ замѣнялись буквами **о** и **е** согласно съ живымъ произношеніемъ, а въ другихъ случаяхъ не имѣли въ этомъ послѣднемъ никакого соотвѣтствія (ср. сънъ и русское сонъ), повело къ смѣшенію буквъ **ъ** и **ь** съ **о** и **е**.

Срав. бѣгъмь, довѣльно, нѣгѣть и т. д., изъ рукописи XII в., ср. берьго (берегъ) въ грамотѣ Мстисл. Дав., 1228 г.

То обстоятельство, что въ словахъ типа сонъ—сна, день—дня и т. п. **о** и **е** являются въ одной или однѣхъ формахъ, отсутствуя въ другихъ, дало поводъ говорить о бѣглыхъ гласныхъ **о** и **е** въ русскомъ языкѣ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ, въ сна, дня нѣтъ исчезновенія **о** и **е**; здѣсь исчезли **ъ** и **ь**, перешедшіе при другихъ условіяхъ въ **о** и **е**. Однако, въ извѣстныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣйствительно исчезновеніе старыхъ **о** и **е** подъ вліяніемъ аналогіи со стороны словъ, имѣвшихъ нѣкогда **ъ** и **ь**. Срав. ровъ (гдѣ **о** старое), рва (въ старину рова), урокъ, народное сѣверное урка, литератур. урока; ледъ (**е** старое) — льда, старое леда, камень (старое **е**),—камня; шесть сѣверное шти изъ шести, литературное шести.

Мы видѣли, что въ зависимости отъ различій въ фонетическихъ условіяхъ находится исчезновеніе **ъ** и **ь** въ однихъ случаяхъ и переходъ ихъ въ гласные **о** и **е** въ другихъ случаяхъ; понятно, далѣе, что подъ вліяніемъ аналогіи со стороны однихъ случаевъ, связанныхъ по закону ассоціаціи, на другіе появился рядъ новообразованій. Напримѣръ, при именительномъ честь изъ чьсть родительный единственнаго долженъ былъ фонетически являться въ видѣ чести, и далѣе, чти изъ чьсти (ср. древнерусское чти); въ современномъ языкѣ мы находимъ нефонетическое чести, глаголъ чтить изъ чьстить является при нефонетическомъ честить: оба дублета сохранились съ различнымъ значеніемъ. При именительномъ тесть изъ тьсть форма родительнаго фонетическаго происхожденія была въ древнерусскомъ языкѣ тести, цти, сти, и съ новымъ окончаніемъ род. ед. тестя, цьтя; современное тестя—новообразованіе: въ бѣлорусскомъ сохраняется **цця**, **сця**. Далѣе, слова соборъ, собираю, при сборъ, сбираю (съ фонетической утратой въ приставкѣ **съ** звука **ъ**) появились подъ вліяніемъ собрать (изъ събьрать): вошелъ, сошелъ изъ въшьлъ, съшьлъ подъ вліяніемъ вошла, сошла, изъ въшьла, съшьла. Изъ Смольньскъ, Смольньска должно было получиться Смольнескъ, Смоленьска; въ настоящее время мы имѣемъ Смоленскъ, Смоленска, съ отвердѣніемъ **н** передъ **с**, а въ старое время была и фонетическая форма им. ед. Смоленьскъ. Изъ жьрьць, жьньць, жьрьца, жьньца правильно получилось жрецъ, жерца, жнецъ, женца; въ настоящее время мы имѣемъ новообразованія жреца, жнеца.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ **ъ** и **ь** были старыми звуками, получившимися въ общеславянскомъ яз. фонетическимъ путемъ изъ другихъ болѣе древнихъ звуковъ, въ русскомъ языкѣ (и въ другихъ славянскихъ языкахъ) мы находимъ **ъ** и **ь** болѣе новаго происхожденія, явившіеся между согласными по аналогіи тѣхъ случаевъ, гдѣ **ъ** и **ь** были старыми. Гласныя **о** и **е** изъ такихъ **ъ** и **ь** мы находимъ, напр., въ слѣдующихъ словахъ: уголь (старослав. **жгль**), огонь (старосл. **огнь**), молитовъ (въ древн. памятникахъ - молитвъ), остеръ (старослав. **остръ**), земель (ср. старослав. им. ед. **ꙁємлѧ**), капель (ср. старослав. им. ед. **капля**).

2. Сочетанія ъ и ь съ слоговыми плавными.

Общерусскій языкъ получилъ изъ языка общеславянскаго сочетанія **ъ** и **ь** неслоговыхъ съ послѣдующими слоговыми плавными. Въ старославянскомъ языкѣ эти общеславянскія сочетанія получили перестановку гласной и плавной, при чемъ въ діалектахъ старославянскаго языка сохранялось, повидимому, слоговое свойство плавныхъ; такъ слѣдуетъ думать на основаніи того факта, что въ памятникахъ, знающихъ измѣненіе силь-

ныхъ ирраціональныхъ гласныхъ въ гласныя **о** и **е** такому измѣненію не подвергались **ъ** и **ь** въ составѣ указанныхъ сочетаній: ср. вонъ съ **о** изъ **ъ** при вънъ, шедъ съ **е** изъ **ь** при шьдъ, но прьвъ, пръвъ: влькъ влъкъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно далѣе, что вм. **ь** въ составѣ разсматриваемыхъ сочетаній писался **ъ**, какъ и обратно вм. **ъ** писалось **ь**. Здѣсь мы имѣемъ частью графическое явленіе, а частью отраженіе на письмѣ явленія самого языка, напр., **влькъ** при **влькъ** случай этого послѣдняго ряда.

Сочетанія **рь, ръ, ль, лъ** старослав. яз. указаннаго происхожденія нельзя смѣшивать съ тѣми группами **рь, ръ, ль, лъ**, гдѣ такой порядокъ звуковъ былъ старый, и гдѣ **ь** и **ъ** не отличались отъ **ь** и **ъ** въ другихъ случаяхъ (а въ сочетаніяхъ **рь, ръ, ль, лъ**, съ перестановкой **ь** и **ъ** были неслоговыми, слоговое же свойство принадлежало плавнымъ). Ср., напр., **крьвь**, русск. бровь, **крьстъ**, русск. крестъ, **пльвати**, русск. плевать, тогда какъ, напр., старослав. **влькъ, влъкъ** соотвѣтствуетъ русск. волкъ.

Итакъ, въ русскомъ яз. общеславянскія сочетанія **ь, ъ** неслоговыя съ послѣдующими плавными слоговыми перешли безъ перестановки. Еще въ общерусскую эпоху слоговое свойство плавныхъ было утрачено, и **ъ** и **ь** перешли въ связи съ этимъ въ слоговыя сильныя **ъ** и **ь**, откуда далѣе **о** и **е**. Нужно замѣтить, что въ русск. яз. старое **l** (латинск. буква) перешло въ твердое **l** передъ всѣми твердыми гласными и согласными, въ связи съ чѣмъ предшествующее **ь** измѣнилось въ **ъ**, за исключеніемъ положенія послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ (**ч, ж, щ** и т. п.).

Примѣры: Старослав. **влькъ, влъкъ**,— русск. волкъ; **млъчати, млъчати**, русск. молчать; **плънъ, плънъ**, русск. полный; **врьхъ**, русск. верхъ; **тръгъ**, русск. торгъ; церковнославянск. **члънъ**, русск. челнъ; **чрънъ**, русск. черный и т. п.

Сочетанія **ръ, рь, лъ, ль** въ старослав. яз., гдѣ это былъ старый порядокъ звуковъ, отличались искони какъ мы видѣли выше, отъ тѣхъ же сочетаній съ перестановкой, но съ теченіемъ времени они стали совпадать съ ними, по крайней мѣрѣ, при извѣстныхъ условіяхъ. Въ русскомъ яз. малорусскіе и бѣлорусскіе говоры тоже указываютъ на то, что въ общерусскую эпоху, повидимому, въ указанныхъ сочиненіяхъ **ъ** и **ь** имѣли не вполнѣ ту судьбу, что въ другихъ случаяхъ, а именно въ положеніи передъ слогомъ съ полной гласной **ъ** и **ь** неслоговыя слабыя перешли въ конечномъ результатѣ въ сильныя, но отличнаго отъ прочихъ сильныхъ **ъ** и **ь** свойства: въ великорусскихъ яз. отсюда **о** и **е**, а въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ **ы, и**, ср. малор. кривавий, дрива, дрижати, слизити, бѣлор. блыха. Правда, въ малор. является и кровавий, слеза, но такіе случаи легко объясняются какъ нефонетическіе подъ вліяніемъ кровь, слезъ. Выпаденіе **ъ** и **ь** мы находимъ въ великорусскомъ въ кстить отъ крьстить и Псковъ при древнер. Плесковъ изъ Пльсковъ. Очень м. б., что сочетанія **рь** и т. д. съ старымъ порядкомъ звуковъ получили въ общерусскомъ яз., по крайней мѣрѣ, передъ слогомъ съ полными гласными, тѣ же слоговыя плавныя, что и сочетанія неслоговыя **ъ** и **ь** съ слоговыми плавными; въ такомъ случаѣ, понятно, мы и не ждали бы выпаденія **ъ** и **ь**. Случай типа кстить, малор., въ старыхъ памятникахъ, кровавий могли бы объясняться аналогіей словъ съ слабыми **ъ** и **ь** не послѣ плавныхъ (кстить — сниться и т. д.); труднѣе подыскать объясненіе для Псковъ.

3. Удлиненіе гласныхъ **о** и **е**.

Появленіе слабыхъ неслоговыхъ **ъ** и **ь** (см. выше) имѣло своимъ послѣдствіемъ удлиненіе въ предшествующемъ слогѣ краткихъ гласныхъ **о** и **е**, а также и **ѳ**, полу-

чившагося изъ **е** при извѣстныхъ условіяхъ. Объясняется это тѣмъ, что гласныя ирраціональныя, образовавшіяся въ общеславянск. яз. изъ полныхъ **і** и **ŭ** (латинскія буквы) краткихъ, становясь неслоговыми слабыми въ словахъ, вызывали нѣкоторое протяженіе предшествующаго слога. Еще въ общерусскую эпоху долгота этихъ гласныхъ исчезла вмѣстѣ съ исчезновеніемъ долготы въ гласныхъ звукахъ вообще, но въ той группѣ говоровъ, которая перешла въ южнорусскіе говоры. долгія **о** и **е** сохранились и распались на дифтонги. Въ галицковолынскихъ памятникахъ, названныхъ такъ Соболевскимъ. подмѣтившимъ это явленіе, такое **е**, распадавшееся на дифтонгъ **іе**. изображалось буквою **ѣ**, обозначавшей тотъ же дифтонгъ **іе**, въ видѣ котораго старое **ѣ** сохранялось въ южнорусскихъ говорахъ. Дифтонги іе, іе́, изъ **е** долгаго, уо, уэ, уи изъ **о** долгаго, юи, юо изъ о долгаго (непосредственно о получалось при извѣстныхъ условіяхъ изъ **е**, см. ниже) мы находимъ въ сѣверномалорусскихъ говорахъ, подъ ударе-ніемъ (безъ ударенія здѣсь **у** изъ **о**, а изъ **іе** — **э** и **е** съ смягченіемъ предшествующей согласной) тогда какъ въ украинскомъ нарѣчіи отсюда **і**, смягчающее предшествующую согласную. Ср. древнія написанія галицковолынскихъ памятниковъ: шѣсть. камѣнь. сѣдмь, но по шести, «на камень».

Примѣры изъ современныхъ говоровъ: украинскія: бібъ—бобъ, лідъ—ледъ. кінь — конь, шість — шесть, сімь—семь, мідъ—медъ; сѣверномалорусскія: ку́онь, куо́нь, куэнь и далѣе кунь; лі́ед, лі́ед — ледъ; мюод, мюид — медъ. Такъ какъ удлиненіе **е**, **ö** и **о** было связано съ наличностью въ слѣдующемъ слогѣ **ъ** или **ь**. то при им. бібъ, мідъ, лідъ, мы, понятно, правильно находимъ бо́бу, ле́ду, меду. Однако и въ области разсматриваемаго явленія мы находимъ новообразованія по аналогіи; такъ, вм. ледокъ, мы находимъ лідокъ, подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей (напр. лідку, ср. рус. ледка изъ ледъка). Съ другой стороны, при отець род. ед. отця, хотя въ род. ед. (старослав. отьца) мы ждали бы украинское **і** изъ удлиненія **о**.

Въ бѣлорусскомъ яз. (въ южныхъ уѣздахъ Гродненской губ., въ южныхъ, а частью и въ сѣверныхъ уѣздахъ Минской губ., въ Гомельскомъ уѣздѣ, даже на сѣверѣ Могилевской губ. и въ Лидскомъ и Свенцянскомъ уѣздахъ Виленской губ.) мы находимъ изъ старыхъ долгихъ **е** и **о** дифтонги подъ удареніемъ: хліе͡п (=хлѣбъ), ліе͡с (=лѣсъ), стоо͡х (=стогъ), плоо͡т (=плотъ) съ **о** узкимъ въ Слонимскомъ уѣздѣ; послѣ твердой согласной вм. **і** въ **іе͡** слышится **ы**. Эти дифтонги, точное опредѣленіе которыхъ пока еще не сдѣлано для многихъ говоровъ, при какихъ-то условіяхъ переходятъ въ долгія гласныя сложной артикуляціи. Шахматовъ видитъ въ бѣлорусскихъ дифтонгахъ черту южнорусскую, внесенную въ бѣлорусскую рѣчь, южнорусскими ея составными элементами.

О южнорусскихъ каміння и т. д. см. ниже въ отдѣлѣ 9.

4. Гласныя **е** и **о** въ такъ называемомъ полногласіи.

Полногласіемъ въ настоящее время въ качествѣ чисто условнаго термина обозначается то явленіе, что въ русск. яз. старославянскимъ сочетаніямъ **ра, ла, рѣ, лѣ** между согласными соотвѣтствуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ сочетанія **оро, оло, ере, ело** и **еле**. Общеславянскій яз. въ этихъ случаяхъ получилъ сочетанія гласныхъ **о** и **е** съ послѣдующею плавною, т.-е. сочетанія типа tort, tert. tolt. telt (латинскія буквы), гдѣ согласная t служитъ символическимъ обозначеніемъ согласной вообще. Слѣдуетъ, однако. замѣтить, что въ старославянскомъ яз. сочетанія типа **ра, ла, рѣ, лѣ** были и другого

происхожденія, не изъ общеславянскихъ группъ указаннаго выше свойства, а изъ старыхъ общеславянскихъ сочетаній (плавная + гласная **а** или **ѣ**): въ этихъ случаяхъ и въ русск. яз. являются соотвѣтственныя группы; ср. старослав. **братъ** и русское братъ, старослав. **плакати** и русское плакать; старослав. **грѣхъ** и русск. грѣхъ, старослав. **клѣть** и русск. клѣть и тому под.

То, что общеславянскій яз. нѣкогда имѣлъ группы tert, tort, tolt, telt, съ гласной передъ плавной, откуда старослав. trat и т. д., русск. torot и т. д. опредѣляется сопоставленіемъ славянскихъ языковъ съ родственными, ср. русск. борода, старослав. брада и нѣм. Bart, гдѣ **а** изъ стараго **о**, русск. голова, старосл. глава и литв. galvà, гдѣ **а** изъ **о**, русск. береза и литовское berzas, нѣм. Birke (гдѣ **і** изъ **е**) и т. д.

Изъ сопоставленія фактовъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ вытекаетъ далѣе, что группы tort, tert, tolt, telt еще въ общеславянскую эпоху подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что гласная **е** въ положеніи передъ **l** + согласная переходила въ **ö** въ положеніи послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ и **j**, такъ же, какъ переходила она въ **ö** и въ другихъ случаяхъ послѣ упомянутыхъ согласныхъ; отличіе разсматриваемаго случая было только въ томъ, что здѣсь **ö** въ положеніи передъ слѣдующимъ **е** было близко къ **о**, болѣе близкимъ, чѣмъ **ö** изъ **е** не передъ **l**. Итакъ, при telt въ общеславянскомъ яз. существовало čolt (č = русскому **ч**, условно обозначаетъ всякую старую смягченную согласную) съ такимъ **ö**, которое было близко къ **о**. Дальнѣйшее измѣненіе сочетаній tort, tert, čort, tolt, telt, čolt состояло въ томъ, что подъ вліяніемъ долготы плавной въ діалектахъ общеславянскаго языка происходило удлиненіе предшествующей краткой гласной. Сами плавныя въ этихъ сочетаніяхъ были получены общеславянскимъ языкомъ изъ балтійскославянскаго языка долгими, а въ самомъ общеславянскомъ языкѣ онѣ были въ этихъ сочетаніяхъ слоговыми. Такимъ образомъ, діалекты общеславянскаго языка, давшіе начало южнославянскимъ и чешскословацкому языку, получили въ результатѣ tart, tȇrt (tert и čort въ ихъ исторіи не отличались другъ отъ друга), talt, tȇlt, откуда съ перестановкой trat, trȇt, tlat, tlȇt (ср. чешскія vrána, slána). Что касается сочетанія čolt, то оно дало частью čolt и далѣе člat, частью čȇlt и далѣе člȇt; послѣднее фонетически передъ мягкою гласною (примѣры см. ниже). Въ діалектахъ общеславянскаго языка, давшихъ начало польскому и лужицкому языкамъ, равно какъ и въ діалектахъ, лежащихъ въ основаніи русскаго языка, не было удлиненія гласныхъ. Польскій и лужицкій языкъ въ результатѣ получили сочетанія съ перестановкой: trot, tlet и т. д. (ср. польскія wrona, słoma), а въ русскомъ языкѣ въ общерусскую эпоху между слоговой плавной и слѣдующей согласной развивался переходный гласный звукъ неполнаго образованія; плавныя съ теченіемъ времени утратили слоговое свойство и гласная неполнаго образованія перешла въ гласную полную, обыкновенно того же качества, что и гласная, предшествующая плавной.

Тамъ, гдѣ было старое сочетаніе типа telt, русскій языкъ въ связи съ измѣненіемъ **l** въ **ł** получилъ оло: **млѣко** — молоко, **тлѣшти** — толочь; послѣ старой смягченія согласной, гдѣ въ общеслав. яз. было **ö**, мы находимъ по-русски ело: **шлѣмъ** — шеломъ, **жлѣбъ** — желобъ (произносящееся, какъ жолобъ, съ **о** подъ удареніемъ изъ **е**); только передъ старою мягкою согласною получилось, повидимому, еле, которое переносилось иногда и въ другія формы того же слова: железа при желоза; железа получилось первоначально въ такой формѣ какъ железѣ, и далѣе было перенесено сочетаніе еле въ им. ед.

Такъ слѣдуетъ понимать исторію русскихъ полногласныхъ сочетаній, о происхожденіи которыхъ было высказано въ разное время много предположеній. Замѣчу кстати, что русскія сочетанія оро и т. д. могутъ быть и старыми сочетаніями оро и т. д., которыя не имѣютъ ничего общаго съ тѣми оро и т. д., которыя получились изъ общеславянск. tort и т. д.: ср., напр., русское беретъ—старославянск. береть, р. половина — церковнославянск. половина и т. п. Въ этихъ случаяхъ всѣ славянскіе языки имѣютъ старыя гласныя по обѣ стороны плавной.

Въ поясненіе тѣхъ примѣровъ, которые приведены ниже, слѣдуетъ замѣтить, что различіе въ мѣстѣ ударенія между óро и орó и аналогичными другими полногласными сочетаніями въ томъ случаѣ, если ударéніе падаетъ на эти сочетанія, объясняется изъ стараго различія въ качествѣ ударенія. Именно, въ общеславянскомъ яз. ударéніе заключало въ себѣ музыкальный элементъ (ср. современное сербское музыкальновыдыхательное ударéніе) и было въ однихъ случаяхъ восходящимъ, въ другихъ нисходящимъ. Сочетанія типа—tort съ восходящимъ ударéніемъ дали русскія полногласныя группы torót, а сочетанія tort съ нисходящимъ ударéніемъ дали русскія группы tórot. Въ сербскомъ языкѣ старое нисходящее ударéніе тамъ, гдѣ оно сохранилось, является въ видѣ сербскаго долгаго нисходящаго ударенія (знакъ ◌̏), а подъ старымъ восходящимъ ударéніемъ долгота сократилась, и въ результатѣ мы находимъ такъ называемое рѣзкое ударéніе (знакъ ◌̀), въ чешскомъ яз., наоборотъ, долгота сохранилась подъ восходящимъ ударéніемъ (знакъ долготы ◌́), сократившись подъ нисходящимъ. Примѣры: русское вóронъ, сербское врȁн, род. ед. врȁна, чешское vran, польское gawron, русское воронá, сербское врана, чешск. vrána, польское wrona; русское зóлото, сербское злȁто, чешское zlato, польское złoto; русское болóто, сербское блато (съ знакомъ рѣзкаго ударенія надъ а), чешское blato, польское błoto; русское берегъ, сербское брȉјег (съ знакомъ рѣзкаго ударенія надъ и) (ије=ȇ), чешское břeh, польское brzeg *); русское берéза, сербское бреза (съ знакомъ рѣзкаго ударенія надъ е), чешское bříze, польское brzoza.

Примѣры для сочетаній telt и čolt: русское молоко — старослав. **млѣко**; русское толочь—старослав. **тлѣшти**; русское волоку—старослав. **влѣкѫ** (русское влеку—заимствованіе изъ церковнослав. яз.; **е** вмѣсто **ѣ** пишется здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ); русское железа при желоза (железа—имѣетъ еле, перенесенное изъ тѣхъ формъ, гдѣ оно могло возникнуть фонетически, т.-е. передъ мягкою гласною, напр. железѣ), ср. церковнославянск. **жлѣза**, чешское žlaza и žleza; русское желобъ, ср. церковнослав. жлѣбъ, сербское жлијеб, и чешское žlcb, žlab; русское шеломъ, церковнославянск. шлѣмъ. (О происхожденіи варіантовъ съ **la** и **le** см. выше.)

Отъ словъ съ русскимъ полногласіемъ слѣдуетъ отличать слова съ церковнославянскимъ порядкомъ звуковъ, вошедшія въ русскій языкъ изъ церковнославянскаго. При этомъ въ части случаевъ мы находимъ и русскую форму съ полногласіемъ.

Если обѣ формы составляютъ принадлежность живого языка, то онѣ обыкновенно различаются по значенію, въ другихъ случаяхъ церковнославянская форма принадлежитъ особому стилю. Ср. храбрый, старое хоробрый; младъ, младой, при молодой; сладкій, но ср. солодъ, а также бѣлорусское солодкій, малорусск. солодкий; голова, но глава книги, глава государства, городской голова; вредъ и вередъ; среда и середа (день не-

*) Въ польскомъ письмѣ rz обозначаетъ звукъ ж или ш (въ концѣ словъ и послѣ глухой согласной), образовавшійся изъ г мягкаго; въ чешскомъ языкѣ ему соотвѣтствуетъ звукъ, передаваемый буквою r съ знакомъ ˇ надъ буквою; въ чешскомъ произношеніи здѣсь слышится еще довольно явственно элементъ г кромѣ шипящаго согласнаго

дѣли), но въ значеніи окружающее насъ общество только среда; брегъ (въ высокомъ стилѣ) и берегъ; плѣнъ при старомъ и народномъ полонъ (это слово служитъ примѣромъ сохраненія русской формы въ народныхъ говорахъ, тогда какъ въ литературномъ яз. русская форма замѣнена церковнославянской); влеку и волоку (первое въ переносномъ смыслѣ за исключеніемъ высокаго стиля, гдѣ оно = волоку); шлемъ при старомъ шеломъ и т. п.

Относительно словъ типа влеку, среда, вредъ, брегъ, предъ слѣдуетъ замѣтить, что пишется здѣсь **е** не **ѣ**, какъ бы то слѣдовало (въ церковнославянскомъ яз. эти слова съ **ѣ**) подъ вліяніемъ написаній ере, еле въ русскихъ полногласныхъ формахъ.

Сочетаніе **ог** + согласная при положеніи въ началѣ слова въ общеславянскомъ языкѣ получало долготу гласной (а плавная **г** и здѣсь была долгая и слоговая) и съ перестановкой отсюда далѣе **га** въ томъ случаѣ, если было восходящее удареніе, ср. русское ратай, чешское rataj, ratej, ср. сербское ра̏тар, ср. литовское árti — пахать съ нисходящимъ удареніемъ, соотвѣтствующимъ славянскому восходящему, и русское орать «пахать», гдѣ сочетаніе **ор** осталось въ общеслав. яз. безъ измѣненія, такъ какъ приходилось передъ гласной, русское лакомый, лакать, сербское ла̏кати, чешское lakati, старославян. **лакати** (есть и **алъкати**, причина проявленія группы **алъ** остается неизвѣстной, русское алкать — заимствованіе изъ церковнославянскаго языка); русское лань, церковнославянск. **лани** и **алъкни**; отъ того же корня съ старою гласною **е** старославянск. **елень**, русское олень. То же самое общеславянское сочетаніе въ положеніи безъ ударенія или подъ удареніемъ нисходящимъ получило перестановку безъ удлиненія въ части діалектовъ общеславянскаго языка, между тѣмъ какъ въ другихъ діалектахъ происходило удлиненіе гласной и затѣмъ перестановка. Въ старославянск. языкѣ были діалекты и одного, и другого типа. Ср. русское локоть, сербское ла̂кат, старославянск. **лакъть**, ср. литовское alkúne локоть, русское ладья—лодка, старославянск. **ладии**, **алъдии** (и въ случаяхъ второго рода въ старославянск. языкѣ мы находимъ почему-то алъ), ср. литовское eldija; русское ровный, старослав. **равьнъ** и **ровьнъ**, сербское ра̂ван, русское роз, старославянск. **раꙁ** (въ Супральской рукописи и **роꙁ**—это діалектическое явленіе старославянскаго языка). Русское раз — подъ удареніемъ — заимствованіе изъ церковнославянскаго, ср. разумъ: безъ ударенія раз—неточное написаніе по акающему произношенію, ср. разсказать и росказни; подробности ниже въ отдѣлѣ объ аканіи.

5. Второе полногласіе.

Этотъ терминъ, введенный Потебней, примѣняется для обозначенія: 1) того явленія, что старославянскимъ сочетаніемъ **рь, ль, ръ, лъ** передъ согласной, получившимся путемъ перестановки изъ общеславянскихъ сочетаній, «гласныя **ъ, ь** неслоговыя + плавная слоговая», соотвѣтствуютъ въ русскихъ древнѣйшихъ памятникахъ сочетанія **ьрь, ъръ, ълъ**, т.-е., сочетанія съ гласною **ь, ъ** по обѣ стороны плавной (ср. русское **оро**—первое полногласіе); 2) этимъ терминомъ обозначаются и тѣ русскія сочетанія полногласнаго типа, которыя получились въ живомъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ вмѣсто ожидаемыхъ сочетаній; «гласная **о** или **е** + плавная» въ соотвѣтствіи съ старославянскими сочетаніями **рь, ръ, ль, лъ** указаннаго выше происхожденія (ср., напр., народное молонья при литературномъ молнія, старославянск. **млъниа**). Оставивъ пока въ сторонѣ написанія старыхъ памятниковъ типа **ъръ**, посмотримъ, какого происхожденія случаи второго полногласія въ живомъ языкѣ.

Сюда принадлежатъ такіе случаи, какъ веревка (ср. старославянск. **врьвь**), дологъ

(ср. русск. долгій, старославянск. **длъгъ**) полонъ (ср. полный, старославянск. **плънъ**). народныя діалектическія: верехъ (род. ед. верха́), горобъ (= горбъ), доложно́ (= должно), зереньс, молонья, Пе́ремь (= Пермь), скатереть, столо́бъ (род. столба́), четвереть и т. д., бѣлорусскія: вяроўка, молоння, малорусскія. веревка, ко́ромъ, толокъ (толкъ) и т. д.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ слоги съ вторымъ полногласіемъ закрытые, т.-е. такіе, за которыми слѣдуетъ слогъ съ исчезнувшей ирраціональной гласной (о молонья см. ниже въ отдѣлѣ объ **и**; здѣсь исчезло при особыхъ условіяхъ именно **и**).

Что касается открытыхъ слоговъ разсматриваемаго типа, т.-е., такихъ слоговъ, съ старыми **ьр**, **ър**, **ьл**, **ъл**, за которыми слѣдовала искони полная гласная, то второе полногласіе мы находимъ въ случаяхъ двухъ различныхъ категорій. Это 1) ясныя новообразованія подъ вліяніемъ второго полногласія въ закрытыхъ слогахъ: ср. при ска́тереть и род. скатерти, при ко́ромь—ко́роми; съ столобомъ подъ вліяніемъ столобъ, до верха подъ вліяніемъ верехъ; съ другой стороны, ср. долоко́нъ подъ вліяніемъ доложна́, доложно; уменьшительныя. холомо́къ, столобо́чекъ, столобцкъ. глаголы бе́зтолочить къ бе́зтолочь; тве́редить, твередѝть (обременять непосильною тяжестью) къ твередь; образованія сравнит. степени: тверя́же, тве́реже предполагаютъ твередъ, 2) мы находимъ второе полногласіе въ открытыхъ слогахъ въ нѣкоторыхъ немногихъ менѣе ясныхъ образованіяхъ, какъ вереха (толстая жердь, Астрах. губ.); полону́шка (сборъ разныхъ сельскихъ произведеній, Новоторжск.), гдѣ это второе полногласіе тоже, повидимому, результатъ извѣстной аналогіи.

Итакъ, выясняется, что случаи второго полногласія имѣетъ фонетическое происхожденіе въ закрытыхъ слогахъ, такихъ слогахъ, которые образовались вслѣдствіе утраты въ слѣдующемъ слогѣ неслоговыхъ **ъ** и **ь**.

Если мы припомнимъ, что было сказано выше объ удлиненіи старыхъ **о** и **е** въ положеніи въ такихъ же закрытыхъ слогахъ, то неизбѣжно является мысль о томъ, что и разсматриваемое явленіе фонетически связано съ судьбою неслоговыхъ **ь** и **ъ** слѣдующаго слога. Можно думать, что старыя общеславянскія сочетанія типа tьrt и т. п. (гдѣ **t** — условное обозначеніе согласной вообще), гдѣ плавная была слоговой и некраткой, сохранявшія слоговое свойство плавной въ общерусскомъ языкѣ, въ слогахъ, за которыми слѣдовали неслоговыя **ъ** и **ь**, получали долготу въ зависимости отъ утраты **ъ** и **ь** слѣдующаго слога. Слѣдовательно, въ общерусскую эпоху были даны здѣсь условія аналогичныя тѣмъ, которыя существовали въ сочетаніяхъ типа tort, откуда русскія сочетанія перваго полногласія. Нѣкоторые старые памятники въ случаяхъ второго полногласія пишутъ въ слогахъ закрытыхъ **оро**, **ере**, **оло**, **еле**, а также ъро, ъло, ьре, ср. молонья, полокъ (= полкъ) въ Лѣтописи; тверъдьмь въ Успенскомъ сб. XII в., чьренцемъ Новгор. Прологъ 1262 г., череньци, Кормчая 1282 г.; въ открытыхъ слогахъ мы находимъ аналогичныя написанія или въ ясныхъ случаяхъ новообразованій (пълъны Успенскій сб. XII в. подъ вліяніемъ им. ед.), перестень Чудовскій сб. XIV в. подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей, напр., перестеня изъ пьрстьня или въ немногихъ не вполнѣ ясныхъ для насъ образованіяхъ (напр., городость).

Въ древнѣйшихъ памятникахъ XI—XIII вв., уже Остром. Ев. (Сб. Святослава) мы находимъ, какъ было сказано выше, написанія съ **ъ** и **ь** по обѣ стороны плавной (**ъръ**, **ьрь**, **ълъ**), и притомъ не только въ слогахъ, за которыми слѣдовали слоги съ полными гласными (вьрьхъ, съмърьти, пьрьстомъ и т. п.). Потебня предположилъ, что эти написанія выражаютъ живое русское произношеніе со вторымъ полногласіемъ. Однако безразличное употребленіе написаній разсматриваемаго типа какъ въ случаяхъ, гдѣ, дѣйствительно, могло быть второе полногласіе, такъ и въ случаяхъ, гдѣ оно, если

и является, такъ только, какъ результатъ вліянія аналогіи, наводитъ на мысль, что въ этихъ написаніяхъ, вслѣдъ за Ягичемъ, мы должны видѣть искусственныя написанія, представлявшія комбинаціи русскаго живого произношенія съ гласной передъ плавной съ церковнославянской графикой, требовавшей **ъ** и **ь** послѣ плавной. Именно, писецъ, написавъ по русскому произношенію, напр., **ър** и заглянувъ въ оригиналъ, исправлялъ свою ошибку и писалъ еще разъ **ъ** послѣ плавной. Этимъ объясняется непослѣдовательность писцовъ въ примѣненіи такихъ написаній, а также и то, что послѣднія преобладаютъ только въ нѣкоторыхъ текстахъ. Однако, съ другой стороны, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что въ условномъ произношеніи церковнославянскихъ текстовъ на Руси, гдѣ церковнославянскій языкъ былъ языкомъ мертвымъ, сохранившимся по традиціи въ церковномъ употребленіи, подобно другимъ условностямъ, существовало и произношеніе церковнославянскихъ написаній **рь**, **лъ** и т. д., съ двумя гласными: передъ и послѣ плавной. Объ этомъ свидѣтельствуютъ старые стихарари, гдѣ нотные знаки стоятъ надъ обѣими буквами **ъ** и **ь** въ сочетаніяхъ типа **ъръ**, **ьрь**.

6. Гласная **е**.

1) Гласная **о** изъ **е** въ началѣ словъ.

Въ русскомъ языкѣ существуетъ извѣстное количество случаевъ, въ которыхъ начальное **о** является не старымъ **о**, а получилось изъ стараго **е**. Изъ сравненія славянскихъ языковъ съ другими родственными языками, мы узнаемъ, что начальное **е** въ общеславянскомъ языкѣ получило **j**, т.-е. **і** неслоговое, откуда дальше **j** (ср. общеславянск. jestь (старослав. **ѥсть, ѥстъ**), съ лат. est, нѣм. ist (гдѣ **і** изъ **е**): въ другихъ случаяхъ **і**, **j** въ началѣ словъ передъ **е** было старымъ, напр., таково **ѥ** въ старосл. **ѥго**, р. его. Далѣе, сопоставленія фактовъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ съ несомнѣнностью указываютъ намъ на то, что въ началѣ словъ сочетаніе **је** обращалось при извѣстныхъ условіяхъ въ **е**, т.-е., что **j** исчезало въ извѣстныхъ случаяхъ *). Условія этой утраты въ различныхъ діалектахъ общеславянскаго языка были неодинаковы. Указанія на общеславянск. **е** такого происхожденія даютъ языки русскій, старославянскій, изъ числа западныхъ славянскихъ языковъ языкъ нижнелужицкій. Въ русскомъ языкѣ мы находимъ **о**, въ старославянскихъ текстахъ русской редакціи и въ Супрасльской рукописи, различающихъ написанія **є** и **ѥ** (т.-е. **е** и іотированное **е**) **є**, въ нижнелужицкомъ языкѣ является **he**, гдѣ **h** обозначаетъ звукъ фрикативный заднеязычнаго класса, существующій, напр., въ русскомъ Бога, а въ южнорусскомъ вообще въ соотвѣтствіи съ сѣверновеликорусскимъ и московскимъ (**г**); это **h**, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Къ случаямъ съ начальнымъ общеславянскимъ діалектическимъ **е** принадлежатъ слѣдующія слова съ русскимъ **о**: озеро, старославянск, **ѥзєро** — въ О. Ев. 4 раза **єзєро**, 1 разъ **ѣзєро** (при **ѥзєро** въ Супр. рукоп.); осень, въ старославянскихъ текстахъ это слово не встрѣчается, въ церковнославянскихъ памятникахъ — **ѥсень**; олень, старославянск. **єлень** при **ѥлень**, нижнелужицкое (hélé́ń) при jélé́ń. Въ словахъ разсматриваемаго типа слогъ, слѣдующій за начальнымъ общеславянск. **је**, откуда далѣе діалектически **е**, заключалъ гласную **е**. Слова типа одинъ, старослав. **ѥдинъ** (въ О. Ев. только одинъ разъ **ѣдинъ**, а въ Супрасльск. рукописи рѣдкіе случаи съ **е**, по-

*) Начальное ју въ общерусскомъ яз. тоже діалектически давало у; ср уже въ древнѣйшихъ памятникахъ оунъ, оуноша, оугъ, старослав. **юнъ**, **юноша**, **югъ** Нѣкоторые южные говоры сохранили ју — малор. **югъ**, юха, бѣлор. **юшка**. М б. сохранялось на югѣ діалектически и начальное је, ср. малорусское ясетр = осётръ.

добно тому, какъ и въ другихъ словахъ съ начальнымъ **ѥ** только въ единичныхъ случаяхъ здѣсь пишется **е**), русское овинъ, ср. бѣлорусск. ёвня, евна, гдѣ между **в** и **н** исчезъ **ь**: малорусск. ожина, ср. р. ежевика, древнерусское олико (О. Ев. всегда **ѥлико** Супр. рук. въ единичныхъ случаяхъ **єлико**, обыкновенно **ѥлико**), имѣютъ въ слѣдующемъ слогѣ гласную и. Малорусское орябина (рябина), о́рябокъ (рябчикъ), ср. нижнелужн. herébina при jerébina — рябина, не имѣетъ соотвѣтствія вполнѣ тожественнаго въ великорусскомъ языкѣ, такъ какъ здѣсь родственныя слова имѣютъ другой фонетическій видъ. Въ этомъ словѣ утрата **j** произошла въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ старымъ **е** носовымъ, откуда русское **а** послѣ мягкой согласной (буква я).

Итакъ, только передъ **и** и **е** слѣдующаго слога фонетически мы имѣемъ въ русскомъ яз. **о** при **ѥ** въ началѣ словъ другихъ славянскихъ языковъ. Понятно, что такія слова, какъ ель, есть, евня (съ старымъ **ь** между **в** и **н**) и др. не должны были получить начальнаго **о**. Съ другой стороны, ясно, что одного, одному при одинъ вызваны вліяніемъ этого послѣдняго, фонетическія формы были бы едного и т. д.; извѣстны они въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ.

Звукъ **о** въ началѣ слова непосредственно изъ **е** мы находимъ въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ Олёна (по акающему произношенію пишется и Алена), ср. литературное Елена (это имя собственное взято изъ греческаго), Ольга, заимствованное изъ скандинавскаго Helga, Остапъ, ср. Евстафій.

2) Измѣненіе **е** въ **о** съ предшествующею смягченною согласною. Такое **о** въ письмѣ пишется частью какъ **е** (ср. несемъ) частью какъ **о** (купцомъ; **ц** — согласная отвердѣвшая).

Въ прежнее время примѣняли для такого **о** знакъ **ё**, который неправильно называютъ знакомъ «**йо**»; **йо** есть сочетаніе двухъ звуковъ, тогда какъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ только **о** въ положеніи послѣ смягченной согласной, частью согласной въ настоящее время твердой изъ старой мягкой.

Въ современномъ литературномъ языкѣ измѣненіе **е** въ **ё** мы находимъ въ слогѣ подъ удареніемъ, если дальше не слѣдуетъ мягкаго звука, ср. несёмъ, но несе́ніе (хотя слогъ подъ удареніемъ, но слѣдующій слогъ мягкій). Что касается слоговъ безъ ударенія, то и въ литературномъ, и въ южновеликорусскомъ языкѣ мы находимъ здѣсь по закону аканья (о котор. см. ниже) гласную **и** или близкую къ **и**, въ сильно акающихъ говорахъ и **а** съ предшествующею смягченною согласною (ср. московское систра, рязанское сястра).

Итакъ, въ акающихъ говорахъ мы и не можемъ ждать примѣровъ для **ё** изъ **е** въ слогѣ безъ ударенія. Вышеуказанныя условія, опредѣляющія появленіе **ё** изъ **е** въ литературномъ и южновеликорусскомъ языкахъ, касаются тѣхъ случаевъ, гдѣ **ё** получалось фонетически. Сверхъ случаевъ этой категоріи, мы находимъ въ рядѣ словъ **ё** въ такомъ положеніи, въ которомъ оно не могло получиться фонетически и появилось вслѣдствіе вліянія аналогіи со стороны родственныхъ образованій, имѣющихъ фонетическое **ё**, ср. напр., идёте, ведёте, вмѣсто идете, ведете, подъ вліяніемъ фонетическихъ идёмъ, ведемъ, тётя подъ вліяніемъ тетка; рублевикъ подъ вліяніемъ рублёвый, землёю, душею (пишется душою) подъ вліяніемъ женою, рукою). Кромѣ **ё** изъ стараго **е** мы находимъ **ё** вмѣсто **е** и изъ стараго **ь**; ср., песъ изъ пьсъ, дёнъ, народную форму род. множ. отъ день. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что и старое **ь** въ ту эпоху, когда онъ еще сохранялся въ русскомъ яз. въ качествѣ особаго звука, подлежалъ измѣненію, аналогичному тому, какому подвергалось старое **е** при наличности извѣстныхъ условій, о чемъ см. ниже.

Случаи, въ которыхъ мы находимъ въ литературномъ языкѣ **е** подъ удареніемъ,

неизмѣненнымъ въ **ё**, несмотря на наличность слѣдующаго твердаго слога, распадаются на нѣсколько категорій. 1) Мы имѣемъ рядъ словъ, въ которыхъ сохраненіе **е**—явленіе мнимое, объясняющееся условіями орѳографіи; именно, въ такихъ случаяхъ, какъ блескъ, мелкій, трескъ—мы имѣемъ старое **ѣ** (ср. польскія blask, mialki, trzask, гдѣ **a** изъ **ѣ**) и пишемъ неправильно **е**; такія слова, какъ предъ, вредъ—церковнославянскія по происхожденію (ср. русскія передъ, вередъ), слѣдовательно, здѣсь было **ѣ**, которое въ церковномъ условномъ произношеніи на Руси звучало нѣкогда какъ **е**: 2) сохраняютъ свое **е** слова, вошедшія изъ церковнославянскаго языка, типа небо, крестъ, пещера, левъ (какъ собственное имя и Левъ), блаженъ и т. д. 3) въ рядѣ случаевъ слѣдующій за **е** слогъ, твердый въ современномъ языкѣ, нѣкогда былъ мягкимъ; ср., слѣдовательно, слова, въ которыхъ за **е** слѣдовала нѣкогда мягкая согласная, отвердѣвшая лишь впослѣдствіи вслѣдствіе того, что она непосредственно пришлась передъ слѣдующей твердой согласной, отъ которой ее отдѣляло неслоговое **ь**, исчезнувшее изъ языка: почтенный (изъ почтеньный), душевный (изъ душевьный), ср. душевенъ, гдѣ **е** изъ **ь**, земскій (изъ земьскій), ср. діалектическое земьскій съ мягкимъ **м**), женскій (изъ женьскій), учебный (изъ учебьный) при нефонетическомъ учёбный, объясняющимся вліяніемъ существ. учеба; ср. далѣе слова типа отецъ, купецъ, дѣлецъ, гдѣ **е** сохранилось правильно, такъ какъ **ц** нѣкогда была мягкою согласною; раннимъ отвердѣніемъ **ж** и **ш** объясняется ё въ случаяхъ ежъ, платежъ, одёжа, несёшь и т. п.; 4) наконецъ, мы имѣемъ рядъ случаевъ, гдѣ **е** сохраняется подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, гдѣ **е** не подлежало измѣненію въ **ё**; ср. отместка подъ вліяніемъ месть: щелка при фонетическомъ щелка подъ вліяніемъ щель; шестъ подъ вліяніемъ шестикъ; слова съ **не**, напр., неслухъ, нехотя, недоросль и т. п. имѣютъ **не** подъ вліяніемъ **не**, въ тѣхъ словахъ, гдѣ оно не подлежало измѣненію въ **нё**.

Въ бѣлорусскомъ языкѣ, знающемъ аканье, мы находимъ **ё**, изъ **е**, какъ и въ южновеликорусскомъ, только подъ удареніемъ, а въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи мы встрѣчаемъ **ё**, изъ **е** и въ слогѣ безъ ударенія: ср. олонецкія жона, племянничокъ, чоловѣкъ, ёго, ёму (а подъ ихъ вліяніемъ и ёнъ вм. онъ), полё, сёстра, озёро (былины, записанныя Гильфердингомъ).

Въ малорусскомъ языкѣ **о** и **е** являются послѣ шипящихъ и **j**, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (объясненіе см. ниже); ср. жовтий, нічого, чорний, человікъ, шовковий, моєго, лёнъ, слёзи, трема и т. п.

Въ старыхъ памятникахъ мы находимъ передачу звука **ё** черезъ **о**, начиная съ XII в.; обыкновенно, **о** пишется только послѣ шипящихъ и **ц**, такъ какъ въ другихъ случаяхъ приходилось бы отмѣчать особыми знаками мягкость предшествующей согласной; ср. попытки такого обозначенія типа дньотъ изъ дънь-тъ; писали иногда даже прямо **ѳ** (напр., озора, моромъ, т.-е. морёмъ и т. п.).

Тотъ путь, которымъ шло въ русскомъ языкѣ появленіе звука **ё** изъ **е** и на мѣстѣ **е** изъ стараго **ь**, можетъ быть нами возстановленъ приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. Уже раньше (см. отдѣлъ о полногласіи) мы видѣли, что въ общеславянскомъ языкѣ послѣ смягченной согласной и **j** гласная **е** измѣнилась передъ твердымъ звукомъ въ **ѳ**, которое было особенно близко къ гласной **о**, въ положеніи передъ плавной **l**+согласная. Русскій языкъ въ эпоху общерусскую получилъ смягченіе согласныхъ въ положеніи передъ мягкими гласными, слѣдовательно, передъ **е** всѣ согласныя были мягкими; поэтому въ общерусскомъ языкѣ звукъ **ѳ** получилъ новую сферу распространенія, и въ результатѣ всякое **е** передъ твердой согласной обратилось здѣсь въ **ё**. Параллельно съ измѣненіемъ **е** шло и измѣненіе **ь**, который при тѣхъ же условіяхъ измѣнился въ

общеславянскую и въ общерусскую эпоху въ звукъ извѣстнаго вида **ü** (къ разряду звуковъ **ü** относится, напр., нѣмецкое **ü**). Въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ не послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ (шипящихъ) въ общерусскомъ яз. **е** было узкимъ (напр., ср. современное **е** узкое въ с е л ѣ). Послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ (**ж**, **ч**, **ш** и т. д.), общерусскій языкъ имѣлъ, повидимому, изъ стараго **е** гласную **ä** (такъ мы условно обозначаемъ **е** склонное къ **а**, т.-е. нижнюю гласную передняго ряда) при томъ условіи, если дальше слѣдовали мягкія гласныя. На это указываютъ сѣверновеликор. діалектическія: жанихъ, жалѣзо, пшаница, жалѣть, малорусскія діалектическія. щапити, часнікъ (= чеснокъ), залізо (= желѣзо). Далѣе, такое же **а** существовало и послѣ **j** въ концѣ слова, ср. листья (изъ листыє), уголья (угольє), малор. весілля, життя́ и т. п. Наконецъ, такое же **ä** существовало въ діалектахъ общерусск. яз. и послѣ всѣхъ согласныхъ въ концѣ слова, такъ какъ передъ старымъ **е** въ результатѣ всѣ согласныя смягчились, ср. сѣверновеликор. дайтя, грузи́тя (2-ое л. мн. ч.), древнія сыновя, татаровя (изъ сынове, татарове им. мн., см. ниже); однако, древнее есмя изъ есме, современныя меня, тебя, себя, образовались, надо думать, изъ есме, мене безъ самостоятельнаго ударенія, такъ какъ гласная **ä** переходила въ сѣверновеликорусскомъ въ **а**, повидимому только безъ ударенія, ср. спитé, ходитé. Итакъ, измѣненіе **е** въ **ä** общерусское (ср. факты малорусскаго яз.) повело въ результатѣ къ появленію **а**; этотъ переходъ совершился довольно рано, вѣроятно, еще въ общерусскую эпоху. Въ памятникахъ уже XI в. мы находимъ написаніе **а**, напр. въ Минеѣ 1095; на спасеннія наше, Лаврентьевская лѣтопись: чалядью.

Остается еще разъяснить одинъ вопросъ: къ какой эпохѣ относится измѣненіе **е** въ **ö**, т.-е. не имѣемъ ли мы достаточныхъ основаній возводить начало этого явленія къ общеславянскому яз. Раньше мы видѣли, что **е** послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ переходило въ **ö** въ общеславянскомъ яз. (см. въ отдѣлѣ о полногласіи), т.-е. что сочетанія **je**, **če**, **že**, вѣроятно, звучали какъ **jö**, **čö**, **žö**., коль скоро дальше не слѣдовало мягкаго звука. Тотъ фактъ, что это явленіе общеславянское, особенно ясно выступаетъ изъ анализа судьбы старыхъ сочетаній типа čolt, гдѣ, какъ мы видѣли, въ зависимости отъ слѣдующаго **l** само **ö** было особаго рода. Далѣе, довольно обычные русскіе въ древнихъ памятникахъ **шо**, **жо** въ концѣ слова вмѣсто этимологическихъ **ше**, **же** (напр., княжо-княже, шедъшо-шедше (им. мн.), ащо) указываютъ тоже на старое **ö**, ибо послѣ согласныхъ, получившихъ смягченіе въ самомъ общерусскомъ языкѣ, не старыхъ мягкихъ, какими были шипящія и **j**, получалось въ общерусскомъ **ä**, откуда далѣе **а**. Такія формы, какъ уголья, гдѣ **ья** изъ **ије**, могли бы найти себѣ объясненіе въ томъ предположеніи, что здѣсь былъ не **j**, послѣ котораго мы ждали бы **ö**, а неслоговое **і**.

Въ малорусскомъ языкѣ гласная **ö** изъ **е** и то **ö**, которое непосредственно изъ **ü**, т.-е. стараго **ь**, вмѣстѣ съ **е** перешло въ гласную средняго ряда, откуда далѣе **е** не смягчающее предшествующей согласной; поэтому мы находимъ здѣсь, напр., бэрэг въ соотвѣтствіи съ великорусскимъ берегъ; понятно, слѣдовательно, что здѣсь мы находимъ то же **э** (а въ слогѣ безъ ударенія въ діалектахъ и **и**) въ соотвѣтствіи съ великорусск. **ё**: нэсэмо, мэтэмо и т. п. Въ положеніи послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ и **j** переходъ **ö** въ **о** совершился, очевидно, раньше еще въ общерусскую эпоху. Вотъ почему мы въ малорусскомъ языкѣ находимъ **о** въ положеніи послѣ этихъ согласныхъ (примѣры см. выше). Съ другой стороны, тамъ, гдѣ согласная не могла отвердѣть, поддерживаемая аналогіей со стороны родственныхъ образованій, мы тоже въ результатѣ находимъ **о**: ср. лóнъ (съ мягкимъ **л**) подъ вліяніемъ л'ну.

Относительно великорусскаго и бѣлорусскаго языка слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь звукъ **ö** (изъ **ö** и **ü**), перешедшій далѣе въ **о**, распространился дальше своей первоначальной сферы. Именно, въ мягкомъ концѣ слова фонетически старое **е** перешло въ очень открытое **е**, которое можемъ условно обозначить написаніемъ **ä**, откуда далѣе **а**: ср. колья, деревья (изъ колье, деревье). Ср. далѣе образованія типа дубье, копье и т. п., твое и т. п., гдѣ **о** съ предшествующею мягкостью объясняется вліяніемъ со стороны образованій средняго рода на **е**—окно, гдѣ передъ **о** согласная твердая. Сѣверновеликорусскія спите, хотите, бѣлорусскія стоіце, сядзіце также объяснялись бы нефонетическимъ распространеніемъ звука **ö**—**о**.

По поводу такихъ образованій, какъ листья, колья, получившихся изъ старыхъ листіе, коліе съ собирательнымъ значеніемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ числѣ формъ им. мн. ч. муж. рода въ русскомъ яз. на **а** (ороографич. **а** и **я**) мы находимъ 1) случаи только что разсмотрѣннаго типа, 2) собирательныя формы ж. р. типа братья, зятья, господа; такое слово, какъ, напр. братья (братіе) въ старомъ языкѣ является еще въ формѣ ед. ч., ср. напр., въ Поученіи Владимира Мономаха отъ братья моея; 3) старая форма им. вин. двойственнаго числа на **а**: городá, рогá, глазá и т. п. Собирательныя слова листья, братья стали склоняться какъ форма мн. ч. словъ м. р. листъ, братъ подъ вліяніемъ того, что и въ самомъ муж. р. появились образованія им. мн. на **а**, гдѣ это **а** изъ **е**: ср. людья изъ людіе, гостья изъ гостіе (старый им. мн. ч. у именъ м. р. съ основами на **і** типа путь, люди кончался нѣкогда въ общеславянскомъ яз. именно на **іе**, такое образованіе сохранилось еще въ старославянскомъ яз., а въ русскомъ яз. эти слова перешли въ классъ основъ типа конь, т.-е. мягкихъ основъ класса рабъ, старыя основы на і ж. р. типа ночь, кость, въ русск. яз. уцѣлѣли): дворяня, татаровя изъ дворяне, татарове, и подъ вліяніемъ того, что въ другихъ падежахъ согласная передъ окончаніемъ не была мягкой, появились дальше новообразованія: бояра, мѣщана, съ теченіемъ времени образованія на неударяемое **а** исчезли, замѣнившись образованіями на **ья́** (сыновья́ вм. сы́новя, ср. старосл. **сыновѣ**, но **а** подъ ударéніемъ сохранилось и переносилось даже въ образованія ж. р.: зеленя́, озимя́, податя́. Образованія типа людья, гостья, у старыхъ основъ на **і** замѣнились им. мн. на—**и** (люди, гости) вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ основами класса конь.

7. Исторія **ѣ**.

Въ современномъ литературномъ языкѣ буква **ѣ** имѣетъ значеніе письменнаго знака, обозначающаго ту же гласную, которая обозначается въ другихъ случаяхъ буквою **е**; слѣдовательно, въ произношеніи **ѣ** отъ **е** не отличается. Звукъ **е** всякаго происхожденія имѣетъ въ русскомъ языкѣ два оттѣнка въ произношеніи; въ положеніи передъ мягкимъ звукомъ гласная **е** звучитъ узко: въ положеніи передъ твердой согласной **е** звучитъ широко; ср., напримѣръ, вѣра—вѣрить; день съ узкимъ **е**, отецъ съ широкимъ **е**; въ положеніи безъ ударенія звукъ **е**, какъ бы онъ ни изображался, въ литературномъ языкѣ и южновеликорусскихъ говорахъ подлежитъ закону аканія.

Что касается старославянскаго языка, то въ глаголической азбукѣ нѣтъ особаго знака для **ѣ**, а одинъ и тотъ же знакъ обозначалъ и кирилловское **ѣ**, и кирилловское **ѧ**, т.-е. въ діалектахъ глаголическихъ текстовъ **ѣ** произносилось какъ сочетаніе **ѧ** или во всякомъ случаѣ близко къ нему. Въ кирилловскихъ текстахъ, гдѣ существовали особыя буквы для **ѣ** и для **ѧ**, написаніемъ **ѣ** обозначалось сочетаніе

звуковъ, отличавшееся отъ сочетанія ja, изображавшагося буквою ѧ; произносилось оно въ различныхъ діалектахъ различно.

Сопоставленіе между собою славянскихъ языковъ заставляетъ насъ думать, что въ общеславянскомъ языкѣ то сочетаніе звуковъ, изъ котораго получилось въ старославянскомъ ѣ, звучало какъ сочетаніе гласныхъ ie одного слога. Въ польскомъ языкѣ, старое ѣ дало a послѣ мягкой согласной въ положеніи передъ твердой зубной въ широкомъ смыслѣ этого термина, иначе e съ смягченіемъ предшествующей согласной: ср. польскія—wiara—р. вѣра, и wierzyć—р. вѣрить (буква i въ польскомъ письмѣ передъ гласной обозначаетъ смягченіе предшествующей согласной, а rz обозначаетъ звукъ ж (или ш послѣ глухой согласной и въ концѣ слова), развившійся изъ мягкаго r).

Въ бѣлорусскомъ языкѣ ѣ вообще совпало съ e, но въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги изъ старыхъ e и o долгихъ (см. выше) и на мѣстѣ стараго ѣ мы находимъ дифтонги въ слогѣ подъ удареніемъ, ср., напр., въ Слонимскомъ уѣздѣ на вазіе, на дварыс и т. д.

Въ малорусскомъ языкѣ изъ стараго ѣ находимъ, въ украинскомъ нарѣчіи i, въ сѣверномалорусскихъ говорахъ подъ удареніемъ сочетаніе ie, ié, дифтонгическія сочетанія, которыя явились здѣсь и изъ e (см. выше о протяженіи e и o).

Такимъ образомъ, общерусскій языкъ нѣкогда получилъ ѣ въ видѣ сочетанія ie одного слога.

Въ старыхъ текстахъ галицковолынскихъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ отразились особенности южнорусскихъ говоровъ, лежащихъ въ основаніи малорусскаго языка, написаніе ѣ, обозначавшее ie, примѣнялось и для обозначенія ie изъ долгаго e (см. выше); что же касается написаній буквы e вмѣсто ѣ, напр., куръ вспе вм. вспѣ, то они въ церковныхъ текстахъ (3-ье л. аор. отъ глагола вспѣти) этого происхожденія не отражаютъ живого произношенія, а являются отраженіемъ условнаго церковнаго произношенія, въ которомъ ѣ произносилось какъ e.

Далѣе, объясняется и тотъ фактъ, почему въ рукописяхъ XI—XII вв. мы находимъ e вмѣсто ѣ въ памятникахъ, написанныхъ тщательно, обыкновенно, только въ церковныхъ словахъ, не провѣрявшихся на живомъ произношеніи, а тамъ, гдѣ была такая провѣрка, писалось ѣ, звучавшее въ древнѣйшую эпоху въ живомъ языкѣ ie. Въ памятникахъ менѣе тщательныхъ мы находимъ полное смѣшеніе ѣ и e. Въ памятникахъ новгородскихъ гдѣ графика больше считалась съ живымъ языкомъ, мы находимъ, между прочимъ, такія черты: пишутъ и вм. ѣ и вм. e въ слогѣ передъ мягкой согласной или гласной, въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ слогѣ за удареніемъ передъ твердою согласной; здѣсь же извѣстно и e вмѣсто ѣ, т.-е. мы видимъ попытку написаніемъ ѣ обозначить особый оттѣнокъ произношенія звука e.

Въ окончаніи основы того прошедшаго вр., которое называется имперфектомъ и которое нѣкогда существовало въ русскомъ яз., мы находимъ въ древнерусскомъ яз.—яа, напр., бяаше, идяаше, бяаху и далѣе со стяженіемъ бяше, идяше. Старославянскій яз. сохранилъ здѣсь общеславянск. сочетаніе ѣa, напр., бѣаше, идѣаше и т. д. Русскія формы объясняются ассимиляціей звукового сочетанія ѣ слѣдующему a.

Въ сѣверновеликорусскомъ яз. мы находимъ измѣненіе стараго ѣ въ закрытое e и далѣе въ и при различныхъ условіяхъ въ положеніи: передъ всякою согласною и въ концѣ слова ср. лисъ, вслидъ, хлибъ, рипа, ихать (=ѣхать) въ западной части Олонецкой губерніи; зарéзаў, сгорéло, невéста съ e закрытымъ, напр., въ Петрозаводскѣ, мнé, дворé; въ другихъ говорахъ мы находимъ и изъ ѣ передъ мягкимъ слогомъ: невисилъ, но невѣста, хотитъ, но хотѣлъ. Эта особенность сѣверорусскихъ го-

воровъ отразилась въ древнѣйшихъ памятникахъ; въ памятникахъ, напр., новгородскаго говора ѣ пишется частью только на мѣстѣ е закрытаго (е передъ мягкимъ звукомъ) переходящаго въ и, а также являются и написанія типа тило, жени (=женѣ).

Есть, впрочемъ, случаи, въ которыхъ ѣ перешло въ и еще въ общерусскую эпоху при условіяхъ, еще не вполнѣ выясненныхъ; ср. дитя, дитина при дѣти, сипигирь, сидитъ вмѣсто сѣдитъ. Можно думать, что переходило ѣ въ общерусскомъ яз. въ и безъ ударенія передъ слогомъ съ слѣдующимъ мягкимъ гласнымъ.

Гласная ё на мѣстѣ стараго ѣ въ такихъ случаяхъ, какъ гнезда (пишемъ гнѣзда), и здѣсь ѣ старое, ср. польское gniazdo, ведра (пишемъ е вмѣсто ѣ, ср. польское wiadro), объясняется вліяніемъ аналогіи со стороны случаевъ село—села; звезда—звезды (пишемъ звѣзда—звѣзды, и здѣсь ѣ старое) объясняется вліяніемъ со стороны жена—жены. Что касается слова седла (пишемъ сѣдла), то здѣсь не было ѣ (ср. древн. седьло, польское siodło, гдѣ о изъ е передъ твердою зубною), цвелъ (пишемъ цвѣлъ) правильно, такъ какъ образовалось изъ формы съ ь, ср. славянское цвьлъ.

Что касается употребленія буквы ѣ въ современной орѳографіи, то мы пишемъ букву ѣ во многихъ случаяхъ непослѣдовательно, именно, мы во многихъ случаяхъ сохраняемъ старое ѣ, но въ другихъ случаяхъ мы пишемъ е тамъ, гдѣ было старое ѣ; сюда принадлежатъ песокъ, мелкій, блескъ; далѣе, мы пишемъ неправильно слова, заимствованныя изъ церковнославянскаго языка: вредъ, брегъ, среда, гдѣ церковнославянск. рѣ = русскому ере. Обратно мы пишемъ рѣдька вмѣсто редька, ср. польское rzodkiew; змѣй вмѣсто змей (ср. слав. змии, а о русскомъ е такого происхожденія см. ниже); Алексѣй, Сергѣй подъ вліяніемъ Матвѣй, Елисѣй, Варфоломѣй, гдѣ славянское ѣ имѣетъ этимологическое основаніе, такъ какъ передаетъ извѣстный звукъ греческаго яз., откуда пришли эти слова. Въ виду того, что мы не пишемъ или пишемъ букву ѣ неправильно во многихъ случаяхъ, въ виду того, что сохраненіе буквы ѣ не оправдывается литературнымъ языкомъ, въ которомъ совпали ѣ и е, мы должны были бы отказаться отъ ея употребленія совершенно.

8. Носовыя гласныя.

Въ языкѣ старославянскомъ общеславянскія носовыя гласныя существовали какъ носовыя гласныя и обозначались особыми буквами юсами: большимъ ѫ и малымъ ѧ; большой юсъ обозначалъ о носовое, малый е носовое. Тѣ же носовыя гласныя, являясь въ сочетаніи съ іотомъ, обозначались особыми написаніями іотированными, юсами большимъ ѭ и малымъ ѩ. Въ церковнославянскихъ текстахъ въ условномъ церковномъ произношеніи носовыя гласныя не сохраняются, а буква юсъ большой читается, какъ у, буква юсъ малый какъ а, послѣ смягченной согласной, напр., рѫка—рука, пѧть—пять. Читаютъ такъ (читали такъ на Руси и въ древнее время) *) потому, что въ соотвѣтственныхъ словахъ въ живомъ русскомъ языкѣ существуютъ именно гласныя у и а.

То обстоятельство, что въ церковнославянскихъ текстахъ юсы большой и малый обозначали носовыя гласныя, долго оставалось неизвѣстно ученымъ, такъ какъ въ пра-

*) Замѣчу кстати, что на славянскомъ югѣ въ настоящее время церковное произношеніе то же, что и въ Россіи, что объясняется вліяніемъ русской церкви (въ Кіевѣ получали высшее духовное образованіе южные славяне послѣ турецкаго завоеванія) и книгъ церковныхъ русской печати, такъ какъ послѣ паденія своей независимости южные славяне, нѣкоторое время получавшіе книги изъ Венеціи, стали получать ихъ изъ Россіи.

вославной церкви у славянъ въ условномъ произношеніи не сохранилось носовыхъ гласныхъ.

Востоковъ первый обратилъ вниманіе и указалъ на то, что въ польскомъ языкѣ церковнославянскимъ юсамъ соотвѣтствуютъ носовыя гласныя. **о** носовое (пишется въ польскомъ письмѣ буквой **ą**) и **е** носовое (пишется **ę**), ср. польское **dąb**—**дѫбъ**, польское **ręka**—**рѫка**, польское **piąty**—**пѧтын** и польское **pięć**—**пѧть**. Вообще въ польскомъ языкѣ **ѫ** соотвѣтствуютъ **ą** и **ę**, а **ѧ** тѣ же **ą** и **ę**, но съ предшествующею смягченною согласною. Различіе между **ą** и **ę**, какъ замѣстителями носового **о**, и между тѣми же **ą** и **ę** съ предшествующею мягкою согласною, какъ замѣстителями носового **е**, объясняется изъ старыхъ количественныхъ отношеній въ польскомъ яз.: гдѣ носовая гласная была здѣсь нѣкогда долгою, тамъ получалось **ą**, гдѣ она была краткою, тамъ въ результатѣ находимъ **ę**. Востоковъ обратилъ вниманіе на польскія носовыя гласныя въ ихъ соотвѣтствіи съ церковнославянскими юсами и понялъ, что подъ этими особыми знаками славянской письменности должно скрываться обозначеніе гласной носовой.

Сравнительноисторическое изслѣдованіе славянскихъ языковъ показываетъ, что въ общеславянскомъ языкѣ существовали носовыя гласныя—**о** носовое и **е** носовое (**ǫ** и **ę**), но что въ дальнѣйшемъ существованіи большинство славянскихъ языковъ утратило носовыя. Далѣе установлено, что въ общеславянскомъ языкѣ носовыя гласныя получились изъ сочетаній гласной съ послѣдующей носовой согласной, если эта послѣдняя приходилась передъ другой согласной или въ концѣ слова. Такъ объясняется тотъ фактъ, что старославянскимъ носовымъ гласнымъ въ другихъ образованіяхъ, родственныхъ даннымъ образованіямъ, соотвѣтствуютъ сочетанія гласная + носовая согласная тамъ именно, гдѣ за носовою согласною приходится уже гласная; ср. старославянское **въꙁѧти** и **въꙁьмѫ**; **пѧто** и **опонѧ**. Въ элементарныхъ грамматикахъ совершенно ошибочно говорятъ въ данномъ случаѣ о разложеніи юсовъ. Въ русскомъ языкѣ чередованіе типа возьму—взять, распну—распять, гдѣ съ русскимъ **а** въ положеніи послѣ мягкой согласной чередуется согласная **м** или **н** (воз-ьм-у, вз-я-ть, рас-пн-у, рас-пя-ть), объясняются, понятно, тѣмъ, что **ь** въ русскомъ языкѣ подлежалъ фонетической утратѣ передъ слогомъ съ полной гласной.

Итакъ, русскій языкъ изъ стараго **о** носового имѣетъ **у** (рука—**рѫка**, руку—**рѫкѫ**, несу—**несѫ**, дѣлаю—**дѣлаѭ**, волю—**волѭ**, несутъ—**несѫть**, **несѧть**); изъ стараго **е** носового гласную **а**, которой предшествуетъ смягченная согласная (пять—**пѧть**, хвалятъ—**хвалѧть**, **хвалѧть**). Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что буквы **ю** и **я** обозначаютъ въ положеніи послѣ буквы, выражающей согласный звукъ, гласныя **у** и **а** съ предшествующимъ смягченіемъ согласной, а иначе сочетанія **j** съ послѣдующими **у** и **а**. Относительно перехода **ę** въ **а** съ предшествующею мягкостью надо замѣтить, что его надо понимать, какъ конечный результатъ общерусскаго измѣненія **ę** въ звукъ **ä** носовое, ср. измѣненіе **е** неносового въ **ä** послѣ новыхъ смягченныхъ согласныхъ въ концѣ слова, о которомъ говорилось въ отдѣлѣ 6.

Возникаетъ теперь вопросъ, когда же въ русскомъ языкѣ носовыя гласныя прекратили свое существованіе, какъ носовыя гласныя, и перешли въ гласныя неносовыя? Данныя, имѣющіяся у насъ, свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о томъ, что въ XI вѣкѣ носовыхъ гласныхъ уже не было. Въ древнѣйшихъ текстахъ славянской письменности, переписанныхъ на Руси, находимъ смѣшеніе юсовъ съ буквами **оу**, **ю**, **а**, **я** (буквами **оу** передавался звукъ **у**), понятное только при томъ предположеніи, что въ эту эпоху (половина XI вѣка) въ живомъ языкѣ уже не существовало носового элемента въ старыхъ носовыхъ гласныхъ; ср. въ Остр. Ев. **водоу**, **вѣроу**, вмѣсто **водѫ**,

вѣрѫ, **сѣдящѫ** дат. единств. вмѣсто **сѣдящоу**; **морѧ** род. ед. вмѣсто **морѧ**. Но въ предшествующее этому время русскій языкъ сохранялъ еще носовыя гласныя, о чемъ свидѣтельствуетъ сопоставленіе русскихъ словъ, заимствованныхъ изъ скандинавскихъ языковъ, съ скандинавскими. Когда славяне столкнулись съ скандинавами (варягами), то въ общерусскій яз. вошло нѣкоторое количество словъ изъ языка этихъ послѣднихъ непосредственно или черезъ уста грековъ. Въ данномъ случаѣ для насъ важны такія слова, какъ варягъ (скандинавск. varingi), судъ—названіе пристани въ Константинополѣ (скандинавск. sund — морской проливъ), ябетьникъ (ср. древневерхненѣмецк. ambaht-ambahti—служба, откуда современное amt), которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ эпоху заимствованія восточные славяне имѣли носовыя гласныя, которыми они и передавали въ данномъ случаѣ чужеземное сочетаніе гласная + носовая согласная передъ другою согласною. Слѣдовательно, напр., судъ непосредственно изъ **сѫдъ**, которымъ передавали иностран. sund, варягъ, изъ **варѧгъ** и т. п. Относительно конца X вѣка можно сказать, что тогда въ языкѣ восточныхъ славянъ гласныхъ носовыхъ уже не было, такъ какъ греческій императоръ Константинъ Багрянородный, передавая въ своемъ сочиненіи славянскія названія днѣпровскихъ пороговъ, даетъ ихъ въ такой формѣ, которая свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ эту эпоху въ языкѣ восточныхъ славянъ носовыхъ гласныхъ, перешедшихъ въ гласныя неносовыя, чистыя.

Существованіе въ общеслав. языкѣ носовыхъ **о** и **е**—фактъ настолько очевидный, что онъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и является прочно установленнымъ положеніемъ, принимаемымъ всѣми учеными, но сопоставленіе славянскихъ языковъ между собою показываетъ намъ, что въ общеславянскомъ языкѣ была кромѣ названныхъ носовыхъ гласныхъ еще третья носовая гласная. Именно, въ извѣстныхъ категоріяхъ случаевъ старослав. **ѧ** въ русскомъ языкѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, соотвѣтствовало **ѣ**, и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ мы также находимъ здѣсь гласныя, которыя указываютъ непосредственно на старое **ѣ**. Нѣкоторые ученые считаютъ и въ этихъ случаяхъ болѣе древнимъ то носовое **е**, которое является въ старославянскомъ языкѣ въ видѣ **ѧ**, однако, такое мнѣніе не можетъ быть удержано; противъ него говорятъ какъ факты другихъ славянскихъ языковъ, такъ и исторія самой общеславянской носовой гласной въ случаяхъ этого рода. Соображенія послѣдней категоріи я здѣсь не могу разсматривать, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, и для этого нужны спеціальныя свѣдѣнія, которыхъ я не могу предполагать въ данномъ случаѣ. Какъ бы то ни было, мы должны принять, что общеславянскій языкъ имѣлъ еще третью носовую гласную; слѣдуя Фортунатову, я опредѣляю ее какъ **іе** носовое (т.-е., носовое **ѣ**), которое въ русскомъ языкѣ совпало съ **ѣ** неносовымъ, а въ старославянскомъ языкѣ стало обычнымъ **е** носовымъ (**ѧ**).

Старославянское **ѧ** указаннаго особаго происхожденія, которому соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ **ѣ**, мы находимъ въ тѣхъ категоріяхъ случаевъ (грамматическихъ окончаніяхъ), гдѣ этому **ѧ** въ положеніи послѣ мягкой согласной или **j** соотвѣтствуетъ въ другихъ словахъ даннаго типа послѣ твердой согласной—гласная **ы** (ср. вин. мн. **коня**, но **рабы**; род. ед., им. мн. и вн. мн. **земля**, **зимы**, но **жены**; им. ед. прич. **дѣлавъ**, но **несы**), ср. древнерусскія ключѣ, землѣ, встрѣчающіяся въ XI вѣкѣ, но особенно часто въ болѣе позднихъ памятникахъ XII—XIV вв. Что касается формы вин. мн., именъ м. р. съ мягкими основами типа конь, змѣй, то эта форма въ современномъ языкѣ оканчивается на **и**, поскольку у именъ, обозначающихъ существа одушевленныя, не замѣнена род. пад. (ср. коней, но лучи, чаи и т. д.); эта форма на **и** не есть, конечно, старая форма на **ѣ**, извѣстная изъ древнерусскаго языка, а представляетъ со-

бою по происхожденію форму им. мн. (въ именахъ м. р. съ твердыми основами обратно форма на **ы** въ им. и вин. мн. (столы) принадлежала въ старину только вин. мн., а им. мн. здѣсь оканчивался на **и**). Полное совпаденіе им. и вин. мн. въ словахъ м. р. по окончанію получилось въ результатѣ смѣшенія этихъ падежей подъ вліяніемъ того, что въ ед. ч., поскольку это были слова, обозначающія предметы неодушевленные, вин. и им. совпадали въ одной формѣ на **ъ** съ общеславянской эпохи. Современному лучи вин. м. аналогичны и мѣстоименія мои, твои, свои. Въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ современное добрые изъ добрыѣ соотвѣтствуетъ старослав. **добрыѩ** и является старымъ образованіемъ вин. мн., получившимъ употребленіе и значеніе им. мн., а старый им. мн. былъ добрии. Что касается добрыя, которое со времени Ломоносова узаконено для женскаго и средняго родовъ, то эта форма фиктивная, не существующая въ языкѣ и являющаяся эквивалентомъ церковнославянск. **добрыѩ**, замѣнявшагося нѣкогда русскимъ добрыѣ и узаконеннаго южнославянскими учеными, прибывшими въ Москву, исправляя церковныя книги, они уничтожали въ нихъ слѣды живого русскаго языка. Живой русскій языкъ знаетъ въ им. и вин. мн. только добрые для всѣхъ родовъ и добрыи тоже для всѣхъ родовъ (въ Москвѣ преобладаетъ добрыи), а эта послѣдняя форма есть новообразованіе изъ стараго вин. добрыѣ подъ вліяніемъ имен. добрии.

Что касается бѣлорусскаго языка, то здѣсь сохранились кое-гдѣ старыя образованія именъ существительныхъ на **ѣ** въ значеніи им. мн. (пнѣ, дожжѣ, женцѣ). Въ малорусскомъ языкѣ им. мн. коні (въ неодушевленныхъ именахъ им. мн. и въ значеніи вин. мн.) есть старая форма вин. мн. на **ѣ**.

Форма род. ед. им. и вин. мн. женск. род. на **ѣ** въ русскомъ литературномъ языкѣ вытѣснена соотвѣтственною формою твердыхъ основъ: земли по аналогіи рабы: эти формы встрѣчаются уже въ XI в.; старыя формы сохранялись до XIV в. и сохраняются и донынѣ въ малорусскихъ украинскихъ формахъ на **і** (землі). Однако, обратно формы на **ѣ** переносились и въ твердыя основы; и до сихъ поръ они существуютъ въ народныхъ говорахъ: у кумѣ, у сестрѣ, отъ сестрѣ и т. п.; ср. поговорку: «у голодной кумѣ, все хлѣбъ на умѣ».

Въ мѣстоименіяхъ великорусское её, одноё, самоё, всеё (между прочимъ, въ значеніи вин. ед.) являются старыми формами род. ед. на **ѣ** съ нефонетическимъ **ё** (ср. старославянск. **ѥѩ**). Въ сложномъ склоненіи род. ед. доброй представляетъ нефонетическ. измѣненіе род. ед. доброѣ, извѣстнаго изъ стараго языка, подъ вліяніемъ дат. ед. доброй.

Что касается образованій её и т. д. съ **ё**, то здѣсь **ё** нефонетическаго происхожденія такъ какъ **е** изъ **ѣ** не переходило само по себѣ въ **ё**, а появилось оно подъ вліяніемъ формъ мое, твое.

Что касается причастій, то старые именительные на **ѣ** не сохранились, такъ какъ рано были вытѣснены новообразованіями. Именно, русскій языкъ въ соотвѣтствіи съ старославянскими причастіями на—**ы**, род. ед.—**жшта** (**несы**, **несжшта**)—**ѩ**. род. ед.—**ѩжшта** (**дѣлаѩ**, **дѣлаѩжшта**) и—**а**, род. ед.—**ашта** (**хваля**, **хваляшта** у глаголовъ 2-го спряженія) получилъ причастія на **а** послѣ твердой и послѣ мягкой согласной (мога, ида: любя, хваля, дѣлая), а подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ рано появились и идя, неся.

Форма на **а**, встрѣчающаяся часто въ XIV в., теперь исчезла (ср. остатокъ въ такой поговоркѣ: «кто кого смога, такъ тотъ того въ рога») и остались только формы на **я** въ качествѣ дѣепричастій.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что подъ вліяніемъ двухъ другихъ категорій причастій и причастія типа несы были замѣнены причастіями на носовую гласную, можно думать, на основаніи указаній другихъ славянскихъ языковъ, еще въ общеславянскомъ языкѣ, эта носовая была не то **е** носовое, которое существовало въ другихъ случаяхъ, а вѣроятно, открытое **е** носовое съ предшествующей вполнѣ твердою согласною, откуда русское **а**; это же окончаніе, имѣя поддержку въ причастіи типа х в а л я, распространилось и на причастіе типа дѣлая.

9. Гласныя **и** и **ы**.

Гласныя **и** и **ы** общеславянскаго языка сами по себѣ сохранялись въ русскомъ литературномъ языкѣ и (великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ) какъ **и** и какъ **ы**. Только малорусскіе говоры, за исключеніемъ нѣкоторыхъ окраинныхъ говоровъ, смѣшали **ы** и **и** въ одномъ гласномъ. въ восточноукраинскихъ говорахъ это **и** (какъ малороссы пишутъ его въ отличіе отъ **і**, смягчающаго предшествующую согласную). гласная промежуточнаго переднесредняго ряда, въ галицкихъ говорахъ это **ы**. Въ діалектахъ сѣверномалорусскихъ мы находимъ изъ **и** гласную, смягчающую предшествующую согласную (нѣкоторые подляшскіе говоры). Въ нѣкоторыхъ угрорусскихъ говорахъ **ы** является какъ **ы**, а **и** сохраняется, но безъ смягченія предшествующей согласной.

Относительно сочетаній **кы, гы, хы** нужно замѣтить, что они рано перешли въ **ки, ги, хи** въ говорахъ, давшихъ начало малорусскому и бѣлорусскому языку (несомнѣнныя данныя памятниковъ XII в.); можетъ быть, это явленіе въ южнорусскихъ говорахъ старше по времени происхожденія, чѣмъ въ великорусскихъ, гдѣ мы ниже находимъ эту черту. Въ пользу этого говоритъ то, что переходъ **кы, гы, хы** въ **ки, ги, хи** совершенъ въ южнорусскомъ, очевидно, до отвердѣнія согласныхъ передъ **и**, такъ какъ малорусскіе говоры Венгріи (угрорусскіе говоры), различающіе до сихъ поръ **и** и **ы**, которыя вообще совпали въ малорусскомъ языкѣ, имѣютъ послѣ **к, г, х** именно **и** (сами **к, г, х**, понятно, средненебныя, но не мягкія), ср. ноги; такій. Появленіе здѣсь вмѣсто сочетаній **к, г, х** средненебныхъ съ слѣдующимъ **и** діалектическихъ **кы, гы, хы** надо ставить въ связь съ измѣненіемъ предшествовавшихъ средненебныхъ въ задненебныя **к, г, х**. Въ великорусскихъ діалектахъ **кы, гы, хы** сохранялись, судя по даннымъ памятниковъ еще въ XV — XVI вв. (ср. въ московской грамотѣ 1447—1453 г. посельскымъ). Какъ смотрѣть на написанія **кы, гы, хы** въ западнорусскихъ памятникахъ, остается не вполнѣ яснымъ. Съ древняго времени мы здѣсь находимъ **ки, ги, хи** (такъ въ спискѣ **А** грамоты 1229, вѣроятно, писанномъ въ Смоленскѣ, мы читаемъ: Роускии, Рискии и т. д.). Можетъ быть написанія съ **кы, гы, хы** книжнаго происхожденія.

Итакъ, мы видимъ, что несмотря на кажущуюся тожественность разсматриваемаго перехода **кы, гы, хы** въ **ки, ги, хи** въ южнорусскомъ и великорусскомъ, тѣмъ не менѣе эта звуковая черта вѣроятно, возникла и тамъ, и здѣсь независимо другъ отъ друга и въ разные моменты.

Само явленіе объясняется стремленіемъ сблизить по мѣсту образованія сосѣдніе звуки (**кы**—задненебное **к**+гласная средняго ряда **ы**, **ки**—средненебное смягченное **к**+гласная передняго ряда **и**). Что касается діалектическихъ великорусскихъ отыскывать при отыскивать, отпихывать при отпихивать, то наличность здѣсь задненебныхъ **к** и **х** объясняется вліяніемъ родственныхъ образованій отыскать, пихать, отпихнуть.

Сопоставленіе славянскихъ языковъ между собою показываетъ, что гласныя **ы** и **и** (въ латинской транскрипціи **ы** обозначается буквою **у**), бывшія нѣкогда въ общесла-

вянскомъ языкѣ вообще долгими, за исключеніемъ **и** въ началѣ слова въ особыхъ случаяхъ (именно тамъ, гдѣ оно изъ стараго **jь**, какъ, напримѣръ, въ словѣ иго (ср. лат. jugum здѣсь **jь** изъ **jъ**, а **ъ** изъ стараго **u** краткаго (латинск. буквы), въ положеніи передъ слѣдующимъ **j**, были краткими гласными; здѣсь они произошли частью изъ сокращенія **i** и **ы**, частью изъ **ь** и **ъ** въ положеніи передъ **j**; ср. общеслав. bijǫ, (р. бью), myjǫ (р. мою), неопредѣл. biti, myti. и общеславянск. sinijь (р. синій), dobrъjь (р. добрый). которыя образовались изъ соединенія формы им. ед. sinъ, dobrъ—съ мѣстоименіемъ **jь** (старосл. **и**). Эти общеславянскія **и** и **ы** краткія, отличавшіяся отъ обычныхъ **и** и **ы**, вѣроятно, и качествомъ звука, въ русскомъ языкѣ имѣли слѣдующую исторію: тамъ, гдѣ они были въ слогѣ, за которымъ слѣдовало слабое **ъ** или **ь**, они перешли въ великорусскомъ языкѣ въ гласныя **е** и **о**, при другихъ условіяхъ онѣ исчезали. Въ бѣлорусскомъ языкѣ мы находимъ **и** и **ы**, но діалектически, въ дифт. **ый**, **э**, являющееся и въ южновеликорусскихъ говорахъ, главнымъ образомъ, пограничныхъ съ бѣлорусскими въ нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаніяхъ: въ бѣлорусскомъ въ им. ед. м. р., напримѣръ, зылатэй, въ род. ед. ж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій: тэй, аднэй въ бѣлорусскомъ и южновеликорусскомъ, тамъ же и въ им. мн. прилагательныхъ, напримѣръ, злэя и т. п. Въ малорусскомъ языкѣ мы находимъ **и** и **ы**.

Примѣры. великорусск. мою при мыть, крою при крыть, малорусск. мыю, крыю, бѣлорусск. мыю, крыю, великорусс. пей при пить, бѣлорусск., малорусск. пій; великорусск. воробей, соловей, змѣй (**ѣ** пишемъ ошибочно), малорусск. соловій. Великорусск. колея, веретея, швея и т. п. объясняются какъ результатъ вліянія такихъ образованій какъ, колейный, швейный, швейки. гдѣ исчезъ **ь**.

Утрата **ы** и **и**: листья, платье, деревья, свиньи, свинья.

Въ окончаніи им ед. м. р. прилагательныхъ окончаніе — **ой** въ литературномъ и южновеликорусскомъ произношеніи выступаетъ по закону аканія только подъ ударе́ніемъ, тогда какъ сѣверновеликорусскіе говоры имѣютъ его, понятно, и безъ ударенія. Современная ороографія, пишущая злой, но добрый, слѣдуетъ въ написаніи—**ый** церковнославянской традиціи. Равнымъ образомъ окончаніе—**ій** является такимъ же пережиткомъ. Ожидаемое нами въ положеніи подъ ударе́ніемъ—**ей** въ мягкихъ основахъ является, напр., въ чей, третей.

Малорусскія каміння = каменье, зілля = зелье, збіжжя = збожье = «зерновой хлѣбъ» показываютъ, что утрата гласныхъ **ы** и **и** вызываетъ тѣ же послѣдствія для предшествующаго слога съ **о** и **е**, какъ и утрата **ъ** и **ь**.

10. Гласная **а**.

Гласная **а**, бывшая нѣкогда въ общеславянскомъ языкѣ долгою, сократилась въ русскомъ языкѣ тамъ, гдѣ она была получена, какъ долгая, вмѣстѣ съ сокращеніемъ другихъ долгихъ гласныхъ, полученныхъ изъ общеславянскаго языка. Діалектически **а** переходило въ **е** закрытое, повидимому, еще въ общерусскую эпоху въ положеніи между двумя смягченными согласными, откуда современное сѣверновеликорусское **е**, извѣстное и по старымъ псковскимъ памятникамъ XIV—XV вв. ср. петь, грезь, печель, хозеинъ; и въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ мы находимъ такое же **е** (грезь, пуправлеютъ). Нѣкоторые говоры знаютъ **е** изъ **а** и передъ твердымъ слогомъ, но лишь въ слогѣ безъ ударенія: сѣверновеликорусск. взелá. Чередованіе въ сѣверновеликорусск. нарѣчіи петь (= пять) и пятый, потерели и потеряла повело къ появленію нефонетическимъ путемъ **а** подъ ударе́ніемъ вмѣсто **е**: развяртывать, расплятывать, помялышко.

11. Аканье.

Явленіе, которое существуетъ въ литературномъ языкѣ, въ московскомъ говорѣ, вообще въ нарѣчіи южновеликорусскомъ и языкѣ бѣлорусскомъ и извѣстно подъ терминомъ аканья, охватываетъ рядъ фактовъ и состоитъ вообще въ томъ, что гласныя въ слогахъ безъ ударенія измѣнились извѣстнымъ образомъ сравнительно съ тѣми же гласными подъ удареніемъ. Терминъ—аканье можетъ быть нами удержанъ, какъ терминъ условный. Создался онъ вслѣдствіе того, что при сравненіи московскаго и южновеликорусскаго произношенія съ сѣверновеликорусскимъ особенно бросалось въ глаза, что во многихъ случаяхъ сѣверному **о** безъ ударенія соотвѣтствуетъ **а**—вада—сѣверновеликорусское вода. Въ противоположность аканью, акающему говору—сѣверновеликорусское произношеніе называется оканьемъ и сами говоры окающими. При ближайшемъ наблюденіи, однако, стало ясно, что частое появленіе **а** вмѣсто **о** въ слогѣ безъ ударенія въ Москвѣ и другихъ акающихъ говорахъ является только однимъ изъ многихъ фактовъ, однородныхъ аканью въ широкомъ смыслѣ этого термина по той именно причинѣ, что всѣ они вызваны дѣйствіемъ одного и того же основного фактора, поэтому терминъ аканье нами можетъ быть удержанъ для обозначенія совокупности фонетическихъ явленій этого рода только въ условномъ значеніи.

Ударепіе слова вообще состоитъ въ томъ, что изъ ряда слоговъ, составляющихъ данное слово, выдѣляется одинъ или по высотѣ тона, или по силѣ голоса, или, наконецъ, въ томъ и другомъ отношеніи, ударепіе, основанное на выдѣленіи слога по силѣ выдыхаемаго воздуха, называется ударепіемъ выдыхательнымъ или экспираторнымъ, ударепіе, основанное на высотѣ тона, называется музыкальнымъ или тоническимъ; ударепіе смѣшанное называется выдыхательномузыкальнымъ или музыкальновыдыхательнымъ, смотря по преобладанію въ немъ того или другого элемента. Въ русскомъ языкѣ ударепіе выдыхательное иначе экспираторное, а при наличности этого ударенія рядъ слоговъ, составляющихъ данное слово, обыкновенно, не представляетъ вполнѣ однороднаго ряда по отношенію къ силѣ экспираціи, помимо выдѣленія слога наиболѣе сильнаго, именно здѣсь различаются слоги болѣе слабые и слоги менѣе слабые въ различной градаціи. Слогъ передъ ударепіемъ является въ акающемъ произношеніи болѣе сильнымъ сравнительно съ другими неударяемыми слогами.

Въ то же время гласная этого слога является менѣе длительною сравнительно съ гласной подъ ударепіемъ, но болѣе длительной сравнительно съ гласными въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ. Подъ ударепіемъ гласныя имѣютъ, однако, ту же степень длительности, что и въ слогѣ передъ ударепіемъ, если за ними слѣдуетъ долгая (иначе двойная) взрывная согласная, ср., напр., порука и поручикъ, гдѣ передъ долгимъ **ч**, существующая въ живомъ языкѣ, гласная **у** имѣетъ меньшую степень длительности сравнительно съ **у** въ словѣ порука.

Говоря объ аканіи, надо помнить, что въ разныхъ говорахъ это явленіе извѣстно въ разныхъ варіантахъ, т.-е. не всѣ говоры, принадлежащіе къ акающимъ, вполнѣ совпадаютъ другъ съ другомъ по отношенію къ качеству гласныхъ въ слогахъ безъ ударенія. Что касается московскаго говора, лежащаго въ основаніи литературнаго языка, то здѣсь мы находимъ явленія, описанныя выше въ отдѣлѣ, посвященномъ обзору звуковъ русскаго языка.

Наличность аканья въ русскомъ литературномъ языкѣ повела къ тому, что въ орѳографіи получился рядъ недоразумѣній. Правда, во многихъ случаяхъ мы легко опредѣляемъ, какую букву мы должны писать для гласной слога безъ ударенія согласно правиламъ этимологическаго письма (ср. элементарный пріемъ: «измѣнить слово

такъ, чтобы слогъ съ «сомнительной» гласной пришелся подъ удареніемъ; сравнивая, напр., существующее въ живомъ произношеніи слово вада съ словомъ воду, мы узнаемъ, что и въ первомъ случаѣ слѣдуетъ писать вода), но не всегда это возможно, и мы пишемъ **а**, напр., въ словѣ калачъ, которое имѣло нѣкогда **о**; въ сербскомъ, польскомъ языкѣ и въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи мы имѣемъ здѣсь **о**, ср. сѣверновеликорусское колачъ, равнымъ образомъ въ барсукъ въ литературномъ языкѣ пишутъ **а**, но нѣкогда здѣсь было **о** (борсукъ), ср. польское borsuk, или, напр., крапива, старое кропива. Надо замѣтить, что благодаря вліянію литературнаго нарѣчія и акающихъ говоровъ на живые окающіе говоры въ нѣкоторыхъ случаяхъ произношеніе **а** распространилось и на сѣверъ, ср., напр., ракита, старая форма рокита.

Приставка **раз** заимствована изъ церковнославянскаго яз. въ такихъ словахъ, какъ ра́зумъ (русская форма этой приставки **роз**, о чемъ мы говорили выше [см. отдѣлъ 4]); въ акающемъ произношеніи различаются въ своихъ словахъ подъ удареніемъ **роз**, безъ ударенія **раз**, ро́спускъ—распи́ска; на ороографію, требующую и въ своихъ словахъ **раз** при положеніи безъ ударенія, оказало вліяніе акающее произношеніе, въ связи съ такими словами, какъ ра́зумъ.

Вліяніе аканья сказалось, однако, не только на внѣшней сторонѣ языка, на ороографіи. О случаяхъ типа ракита, гдѣ мы имѣемъ перенесеніе акающаго произношенія въ отдѣльномъ словѣ и въ говоры безъ аканія, я уже говорилъ. Замѣтимъ далѣе новообразованія по аналогіи, явившіяся на почвѣ акающаго произношенія въ самихъ акающихъ говорахъ; именно, подъ вліяніемъ такихъ случаевъ, какъ акно́—о́кна, вада́—во́ды, возникли и пальто́—по́льта, кайма́—ко́ймы. Равнымъ образомъ, такіе случаи, какъ пло́тить, до́рить, при платить, дарить, гдѣ **а** старое, возникли подъ вліяніемъ чередованія, напр., во́дить, вади́ть.

Гласная **а** въ положеніи послѣ согласной смягченной и j совпала, какъ мы видѣли, въ слогѣ безъ ударенія съ гласною **е**, обозначаемою буквами **е** и **ѣ**.

Отсюда объясняется рядъ недоразумѣній нашей ороографіи, аналогичныхъ случаямъ типа калачъ; ср. написаніе тетива вмѣсто требуемаго этимологіей тятива (церковнославянск. **тѧтива**); далѣе, слово десна, дёсны, гдѣ то же старое **я** (ср. старый род. мн. дяснъ), подчинилось вліянію аналогіи словъ типа весна—вёсны и здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ въ написаніи десна—фактъ недоразумѣнія ороографическаго, тогда какъ десны новообразованіе самого языка. Случаи типа запрягу—запрёгъ (сѣверномалор.— запрюогъ), трясу—трёсъ (украинск. трісь) вызваны, понятно, вліяніемъ аналогіи лягу—лёгъ, гдѣ старое чередованіе **я** въ настоящемъ времени и **е** въ причастіи.

По отношенію къ аканью обыкновенно различаютъ говоры сильно акающіе и говоры умѣренно акающіе; говоръ Москвы и литературный причисляютъ къ умѣренно акающимъ, въ большинствѣ южновеликорусскихъ находятъ то аканье, которое называютъ сильнымъ. Эти послѣдніе говоры опредѣляются какъ сильно акающіе по тому признаку, что гласная **а** является въ слогѣ безъ ударенія частью и тамъ, гдѣ умѣренно акающіе говоры имѣютъ гласную **и** или болѣе или менѣе близкую на мѣстѣ стараго **е** (ѣ), ср. тяпло́, бяру́, нясу́, и т. п. Между такъ называемыми сильно акающими говорами существуютъ извѣстныя различія по отношенію къ самому аканью, и, надо сказать, до сихъ поръ у насъ нѣтъ еще вполнѣ точнаго описанія фонетической стороны дѣла. Свѣдѣнія, частью весьма отрывочныя, бывшія въ распоряженіи изслѣдователей въ половинѣ 90-хъ годовъ, можно найти въ книгѣ ак. Соболевскаго: «Опытъ русской діалектологіи» Спб. 1896 г., а болѣе позднія и болѣе точныя въ статьѣ ак.

Шахматова «Русское и словенское аканье» («Русскій Филологическій Вѣстникъ» 1902 г.) и въ его литографированномъ курсѣ лекцій.

Насколько можно судить по записямъ, мы имѣемъ южновеликорусскіе говоры, которые довольно правильно имѣютъ передъ ударяемымъ слогомъ съ гласной **а** гласныя **ы; и** (въ соотвѣтствіи съ орѳографич. **о, а; я, ѣ, е**), тогда какъ передъ другими гласными (не **а**) слога съ удареніемъ въ предшествующемъ слогѣ является **а**. Ср. въ ельнинскихъ говорахъ Смоленской губ. тываръ, дыста́ть, скыта́, зызваў, устраша́ить, систра́, дила́, рика́, привиза́ть, но ряку́, пряду́ть, дялоу́, въ жиздринскихъ говорахъ Калужской губ., двыра́, бида́, лисами, но нясо́къ, дялоу́, варо́ны, вади́цы. Вмѣсто **ы** является частью редуцированная гласная. Что касается гласной **а** (гласная **а** живого произношенія имѣется здѣсь въ виду, не буква **а**) и послѣ твердыхъ согласныхъ (старое **о, а**) и послѣ мягкихъ согласныхъ (орѳографическія **я, ѣ, е**) передъ слогомъ съ ударяемой гласной не **а**, то такое **а** мы найдемъ во многихъ южновеликорусскихъ говорахъ, частью, впрочемъ, **а** зашло и въ то положеніе, гдѣ слѣдующая гласная **а**: напр., ряку́ и ряка́, стяну́ и стяна́. Въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губерніи **а** послѣ мягкой согласной выдерживается передъ удареніемъ только въ томъ случаѣ, если дальше идетъ **а** бяда, тябя́, но биду́, тибе́. Въ южнорязанскихъ и сосѣднихъ тамбовскихъ говорахъ въ слогѣ передъ удареніемъ извѣстно только **а**: вада́, вадѣ́, вясна́, сяло́, нясу́ и т. д. Въ Касимовскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тульской губ. (напр., Крапивенскомъ, Веневскомъ) передъ слогомъ съ удареніемъ выдерживается **а** послѣ мягкой согласной только передъ твердымъ звукомъ, иначе здѣсь является **е** (**и**): вядро, ряка, но тилѣги, ленива и т. п. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр., въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губ., мы находимъ тотъ типъ аканья, гдѣ является **а** и въ слогахъ не передъ удареніемъ тамъ, гдѣ другіе говоры имѣютъ редуцированныя гласныя, ср. дясяти́, яравой, осянь, камя́нь и только въ концѣ слова вм. стараго **ѣ** здѣсь слышится **и**: на горохи. Кромѣ отмѣченныхъ есть и другіе типы аканья, но на подробномъ ихъ описаніи я не останавливаюсь вслѣдствіе скудости нашихъ свѣдѣній.

Третій слогъ отъ ударяемаго имѣетъ въ акающихъ народныхъ говорахъ редуцированную гласную, которая послѣ смягченной согласной склонна къ переходу въ **и**, послѣ твердыхъ рѣже является вмѣсто нея **ы**: гърява́ть, нъчявать (здѣсь буквою **ъ** обозначена такая редуцированная гласная), стърика́—стырика́ и т. д.

Въ большинствѣ южновеликорусскихъ говоровъ вмѣсто редуцированной гласной въ конечномъ открытомъ слогѣ является **а**: ба́ба, бума́га; въ ельнинскихъ, напр., говорахъ въ закрытомъ слогѣ послѣ ударенія редуцированная гласная, а въ открытомъ слогѣ **а**: сердца, сѣна, освятитя и т. д.

Измѣненіе **о** въ **ы** въ слогѣ безъ ударенія передъ неслоговымъ **и** или болѣе старымъ сочетаніемъ **ю** объясняется закрытымъ характеромъ **о**, получившимся, между прочимъ, при данныхъ условіяхъ: ср. очень распространенное—**уй** вм. **ой—ою** въ твор. сд. женскаго рода тёткуй и т. д.

Въ третьемъ слогѣ отъ ударенія редуцированная гласная изъ **е, я, ѣ** переходитъ въ **и** послѣ мягкой начальной согласной, ср. южновеликор. изъ ряда говоровъ: чижало́, синыко́съ, мисоѣдъ, виковать и т. д.

Послѣ губной въ началѣ слова редуцированная гласная перешла въ рядѣ говоровъ въ **у**: музыля́, пулцыса́, путаму́, рѣже такой переходъ, передъ губными: кумыра, (т. е. комара), спосубъ и т. д. Такой же переходъ мы имѣемъ и подъ вліяніемъ слѣдующаго неударяемаго **у**: го́луву, гусуда́рь, булува́тца и т. д.

Другое явленіе—это выпаденіе редуцированной гласной, наблюдаемое въ разныхъ говорахъ, преимущественно послѣ **р, л** (полсануть, сарфаны), между согласной и плавной. зы врата́, крыввай, крындашъ, между нѣкоторыми другими согласными, составляющими обычныя вообще въ языкѣ группы. пугвица, луквица. тыща. На нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ я не останавливаюсь, между прочимъ, потому, что не всѣ они достаточно обслѣдованы.

Какъ мы видѣли выше во 2-мъ отдѣлѣ введенія, аканье—это такая особенность южновеликорускаго произношенія. которая существуетъ и въ смѣшанныхъ говорахъ. напр.. въ Москвѣ, заходитъ даже дальше въ область сѣверновеликорусскаго нарѣчія. такъ что нѣкоторые сѣверноруссніе говоры сохраняютъ **о** безъ ударенія только непосредственно передъ слогомъ съ ударепемъ.

Что касается бѣлорусскаго языка, то здѣсь мы находимъ также извѣстныя различія между говорами по отношенію къ аканью, но на обзоръ ихъ я уже не останавливаюсь въ этомъ курсѣ, отсылая за потробностями къ обшимъ трудамъ по бѣлорусскому языку проф. Карскаго.

Какъ мы видѣли, аканье не принадлежитъ къ числу явленій, обнимающихъ всѣ говоры русскаго языка; это явленіе въ своихъ началахъ относится къ эпохѣ отдѣльной жизни говоровъ, давшихъ южновеликорусское нарѣчіе. Въ бѣлорусскомъ яз. мы тоже находимъ аканье и, можно думать, что оно занесено сюда тѣми великорусскими элементами, которые спаяли въ одно цѣлое пестрый составъ населенія Западной Россіи.

Можно думать, что аканье состояло первоначально въ измѣненіи гласныхъ, кромѣ гласныхъ **у, и, ы** въ гласныя неполнаго образованія при положеніи этихъ гласныхъ въ слогѣ безъ ударенія. Затѣмъ, въ отдѣльномъ существованіи отдѣльныхъ говоровъ эти гласныя переходили частью въ гласныя полнаго образованія (**а, и, ы**). Генезисъ этого явленія, однако, не вполнѣ еще разъясненъ, такъ какъ первоначальныя отношенія сильно видоизмѣнены позднѣйшими процессами.

Наиболѣе древній примѣръ аканья въ письменныхъ памятникахъ встрѣчается въ Евангеліи. писанномъ въ Москвѣ въ 1339 г. съ галицковолынскаго оригинала, здѣсь находимъ написанія такого типа: «есть дивьна, кака ты глаголеши» (дивьно, како).

12. Согласныя.

Сопоставленіе русскаго языка съ другими славянскими языками показываетъ, что мягкость согласной *), извѣстной въ русскомъ языкѣ и какъ твердая, передъ мягкими гласными и согласными, развилась на почвѣ самого русскаго языка въ общерусскую эпоху. Съ другой стороны, согласныя **ч, ж, ш, ц, щ,** а также **з** и **с**, гдѣ онѣ были продуктомъ смягченія **г** и **х** (см. ниже) были получены только какъ мягкія, ихъ отвердѣніе, если оно извѣстно, относится опять къ явленіямъ самого русскаго языка и притомъ не очень древнимъ (см. ниже).

Итакъ, для того, чтобы разъяснить происхожденіе согласныхъ этого послѣдняго типа, мы должны обратиться къ обзору фактовъ общеславянскаго языка.

I. Смягченіе согласныхъ (старое).

Первымъ источникомъ смягченія согласныхъ въ общеславянскомъ яз. было положеніе согласной передъ мягкой гласной. Это смягченіе касалось только нижеуказанныхъ согласныхъ.

*) См. о мягкости согласныхъ выше въ отдѣлѣ, посвященномъ описанію звуковъ русскаго языка.

1) Въ общеславянскомъ языкѣ согласныя **к, г, х** подверглись смягченію и перешли въ **ч, ж, ш** въ положеніи передъ мягкими гласными, которыми въ эту эпоху были здѣсь **е, и, ę**, (т.-е. **е** носовое, откуда старослав. **ѧ**, а русское **а** съ предшествующей мягкой согласной, изображаемое буквою **я**), **ē**, т.-е. **е** долгое, откуда далѣе **ѣ**, но послѣ мягкой согласной **ē** переходило въ зависимости отъ этого условія въ **а**; отсюда объясняются слѣдующіе случаи чередованія **к, г, х** и **ч, ж, ш** въ зависимости отъ качества гласной въ русскомъ языкѣ: рука—ручка (**рѫка, рѫчька**), ручекъ (**рѫчькъ**); теку—течешь, течетъ; лукъ—излучина; легко—легчайшій (ср. добрѣйшій), здѣсь **а** еще въ общеслав. яз. изъ **ē**; нога, ножка, ножекъ (изъ ножька, ножькъ), ножище; стерегу—стережешь, стережетъ; бѣгу—бѣжишь, бѣжитъ; много—множайшій; ухо—ушко (изъ ушько); страхъ—страшный (изъ страшьный, ср. страшенъ изъ страшьнъ), страшить, устрашеніе; слухъ—слышать, слышишь ср. горѣть, горишь, слѣдовательно, въ «слышать» гласная **а** изъ **ē** еще въ общеславянск. языкѣ; тихъ—тишайшій; примѣрами для смягченія задненебныхъ передъ **ę** (русское **а** съ предшествующей мягкой согласной) могутъ служить древнерусск. спросиша, даша при спросихъ, дахъ (форма аориста, исчезнувшая какъ форма времени въ русскомъ языкѣ); ср. далѣе старослав. **отрокъ—отроѵѧ**.

2) Въ другую, болѣе позднюю эпоху жизни общеславянскаго языка, когда тамъ появились новыя мягкія гласныя, именно **ѣ** изъ стараго дифтонга *), а также **и** при извѣстныхъ условіяхъ, то смягченіе согласныхъ задненебныхъ вызывало ихъ переходъ въ **ц, дз**, откуда далѣе **з** (въ старославянскомъ языкѣ діалектически **дз** сохранилось—буква **ѕ** «зѣло»), и **с**. Ср. старославянскія **рѫка — рѫцѣ; боѕѣ, боꙁѣ, боѕи, боꙁи** при **богъ, доѵхъ—доѵсѣ, доѵси** и т. п., **пьци, пьцѣте, жьꙁи** и т. п. Въ русскомъ языкѣ уже древнѣйшіе памятники (Святославовъ Сб. 1073 г.: золобѣ женьскѣ, въ чловѣчьскѣи души) знаютъ въ случаяхъ этого типа задненебныя согласныя, явившіяся нефонетически подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, гдѣ задненебныя согласныя сохранялись по фонетическимъ условіямъ; современный великорусскій языкъ въ большинствѣ говоровъ утратилъ старыя формы (въ московскихъ грамотахъ еще въ XVII в. мы находимъ, напр., въ Боровьсцѣ) и имѣетъ новообразованія подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ задненебныя согласныя сохранились, ср. рукѣ, ногѣ, духѣ, пеки—пеките (само **и** въ пеките вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ формахъ типа пиши—пишите было **и** и въ ед., и во мн. числѣ). Нѣкоторые южновеликорусскіе говоры, а также бѣлорусскій и малорусскій яз. сохранили въ склоненіи еще старыя формы: въ руцѣ, укр. въ руці; при дорозѣ, укр. при дорозі, но на рѣчкѣ—на річкі. Что касается повелительнаго наклоненія, то здѣсь мы находимъ великорусскіе: пеки, пеките, помоги, помогите, въ малорусскомъ печі—печімо—печіте результатъ вліянія тѣхъ формъ настоящаго времени, гдѣ было **ч, ж** и т. д. Бѣлорусское поможи объясняется также, аналогичныя формы встрѣчаются и въ великорусскихъ памятникахъ.

Что касается русскихъ ноги, руки, мухи, то здѣсь мы имѣемъ **ги, ки, хи** изъ **кы, гы, хы** (см. въ отдѣлѣ о гласныхъ п. 9). Русск. боги, волки, духи не старыя формы им. мн., а, какъ показываютъ слова типа **столы** и т. п., старыя образованія вин. мн. (въ старосл. им. мн. такихъ именъ оканчивался на **и**, вин. мн. на—**ы**).

3) Далѣе, въ общеславянскомъ языкѣ согласныя **к** и **г** въ извѣстныхъ случаяхъ подверглись смягченію въ **ц** и **дз, з** подъ вліяніемъ предшествующей мягкой гласной;

---

*) Старый общеславянскій дифтонгъ **oi**, въ которомъ совпали индоевроп. oi и ai, перешелъ въ **ѣ**, откуда частью **и**; ср. старосл. **лѣкъ**, латинское **laevus**; старослав.—**ѣ** въ мѣстн. ед. м.р. и—**и** въ им. мн. м.р. изъ стараго **oi**; различная его судьба объясняетси различнымъ его качествомъ; знающіе греч. яз. обратятъ вниманіе на различіе въ греч. οἶκοι—„до́ма“ (по происхожденію мѣстн. пад. ед. ч.) и οἶκοι—„дома́“.

ср. суффиксы ьць, ьце, ьца—ица (старослав. **отьць**—русск. отецъ, старослав. **срьдьце** русск. сердце, старослав. **мышьца**, старослав. **дѣвица**, р. дѣвица, мышица, водица и т. д.). При отьць зват. ф. въ старослав. языкѣ была отьче, при сердце ср. сердечко, гдѣ **ч** изъ **к** въ общеславянск. языкѣ по закону перваго смягченія задненебныхъ согласныхъ; далѣе ср. кратные глаголы старослав. **тѣцѧти** (при **тѣкати** ср. русск. растекаться), **лѣнѕѧти**, ср. русск. подвизаться, заимствованное изъ церковнославянск. и свое двигать и т. п. Наконецъ, сюда относятся нѣкоторыя отдѣльныя образованія: старосл. **лице**, русск. лицо, ср. ликъ, старосл. **кънѧзь**. руск. князь, ср. русск. княгиня (гдѣ **ги** изъ **гы**). Русскій языкъ въ глаголахъ имѣетъ задненебныя согласныя, да и въ именахъ съ суффиксами—икъ—ика, ькъ, ька, ько (старикъ, земляника, конекъ, ручка, сердечко) въ русскомъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ являются задненебныя (польза заимствовано изъ церковнослав. яз., свое слово польга, сохранившееся въ діалектахъ). Разсматриваемое общесл. явленіе происходило, очевидно, подъ вліяніемъ предшествующей мягкой гласной, ноне и при всѣхъ условіяхъ, при какихъ именно, пока остается неяснымъ.

4) Задненебныя согласныя въ положеніи передъ **в**+**ѣ** новаго происхожденія (см. п. 2) смягчились въ діалектахъ общеславянскаго яз. въ «свистящія» Въ общерусскомъ яз. были діалекты, получившіе эти послѣднія, но были также діалекты, сохранившіе задненебныя согласныя. Такъ объясняется великор. цвѣтъ, бѣлорусское—цвѣтъ, квѣтъ, малорус. квіт, а также далѣе квѣтъ и кветъ Олонецк., квятокъ Тульской, Воронежской губ.; великорусская форма тьвѣтъ получилась непосредственно изъ квѣтъ (объ измѣненіи мягкаго **к** въ **т** см. ниже); великор. звѣзда, малор. дзвізда при звізда и великор. Олонецкое гвязда (съ измѣненіемъ въ **а**, діалектическое явленіе).

5) Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ задненебнымъ согласнымъ предшествовала согласная **с**, тамъ въ эпоху перваго смягченія задненебныхъ согласныхъ получились въ общеслав. яз. извѣстныя группы, откуда старослав. группы **шт** изъ **ск** и **жд** изъ **зг**, въ русскомъ яз. **щ** и долгое (двойное) **ж** (пишется **зж**), ср. русск. мозжить при мозгъ (слав. **можднти**); дощечка и доска (старослв. **дъштица** и **дъска**).

Группы **сц, ст** и **зд,** получившіяся изъ **ск** и **зг**, по закону второго смягченія задненебныхъ согласныхъ, въ русскомъ яз. въ окончаніяхъ были вытѣснены сочетаніями **ск** и **зг** тѣмъ же путемъ, какимъ происходило вытѣсненіе **ц** и **з**; ср. современныя доскѣ, мозгѣ (ср. еще въ XVII в. въ грамотѣ въ Боровьсцѣ, теперь Боровскѣ); ср. старосл. **дъсцѣ, дрѧздѣ** (им. **дрѧзга** «лѣсъ»); ср. старыя рязаньстии, рустии и т. п.

О діалектическихъ явленіяхъ въ области фактовъ, разсматриваемыхъ въ п. 5, см. выше стр. 14. Замѣчу кстати, что написаніе **жг** новгородскихъ памятниковъ, по очень вѣроятному предположенію Шахматова, надо читать какъ **жj**; писцамъ не было чуждо употребленіе буквы **г** для поредачи звука **j**, ср. Генварь, Геремея, Гюрий и др.

Вторымъ источникомъ общеславянскаго смягченія согласныхъ было измѣненіе старыхъ группъ согласная+**j**. Такъ какъ въ результатѣ **j** въ большинствѣ случаевъ, какъ таковой, исчезъ то наличность его въ прежнее время обнаруживается сопоставленіемъ фактовъ славянскихъ языковъ съ фактами языковъ родственныхъ.

а) Группы задненебныхъ согласныхъ+**j** дали въ результатѣ тѣ же **ч** (изъ **к j**), **ж** (изъ **г j**) и **ш** (изъ **х j**), которыя получались и по первому смягченію задненебныхъ. Ср. русск. плачу—плачешь,—плакать (глаголы этого типа отличаются отъ глаголовъ типа несу—нести звукомъ **j**, слѣдовавшимъ нѣкогда за согласною въ окончаніи глагольной основы), сушу, ср. сухой, но сушишь, сушить имѣютъ **ш** изъ **х** передъ мягкой гласной; (глаголы этого класса, т.-е. глаголы русскаго 2-го спряженія по счету элементарной грамматики имѣли нѣкогда **j** въ 1-мъ л. ед. ч., въ прочихъ формахъ

лица основа оканчивалась на **į**, а 3-ье л. мн. оканчивалось на **ęt**ь); существительныя мужескаго рода класса конь имѣли нѣкогда звукъ **j**, и въ этомъ ихъ отличіе отъ основъ класса рабъ (наличностью **j** объясняется общеславянское **ь** въ имен. изъ **ъ**); такимъ образомъ понятны случаи въ родѣ плачъ (ср. плакать), сторожъ (ср. стерегу); въ словахъ типа плачъ, сторожъ пишется **ъ** по аналогіи другихъ словъ муж. рода; **ж** въ современномъ языкѣ твердое, а **ч** мягкое: существит. женск. рода сѣча (ср. сѣку), стража (ср. стерегу), душа (ср. духъ) имѣли также нѣкогда **j** послѣ согласной.

Въ случаяхъ этого рода, гдѣ общеславянскій языкъ имѣлъ **ч, ж, ш**, изъ **kj, čj, xj**, старославянскій яз. подобно другимъ славянскимъ яз. имѣетъ тоже **ч, ж, ш** (ср. **плачѫ, слышѫ, доуша, стража** и т. п.).

б) Зубныя согласныя фрикативныя **с** и **з** въ соединеніи съ **j** дали въ общесл. яз. **ш** и **ж**. Ср. русск. пишу, пишешь, писать, старослав. **пишѫ, пишеши, писати**; вяжу, вяжешь, вязать, старосл. **важѫ, важеши, вазати**; паша (ср. пасти), ноша (ср. нести) и т. п.

в) Зубныя согласныя взрывныя **т** и **д** въ соединеніи съ **j** дали въ общеславянскомъ языкѣ извѣстныя сочетанія звуковъ, откуда русск. **ч** и **ж**, старосл. **шт** *) и **жд**. Языки западнославянскіе имѣютъ въ этомъ случаѣ «свистящіе» звуки (ср. польское chcę «хочу», widzę «вижу»).

Итакъ, тѣмъ русскимъ **ч** и **ж**, которыя не изъ смягченія **к** и **г** и не изъ **kj** и **gj**, а получились изъ **tj** и **dj**, въ старосл. яз. соотвѣтствуютъ уже не **ч** и **ж**, а **шт** и **жд**. Ср. русское хочу, старосл. **хоштѫ**, при хотѣть; русск. вижу, старосл. **вижда**, при видѣть, свѣча, старосл. **свѣшта** при свѣтъ, русск. межа, церковносл. **мєжда**. Въ русскомъ языкѣ мы находимъ, однако, рядъ словъ съ **щ** вмѣсто ожидаемаго **ч** и съ **жд** вмѣсто ожидаемаго **ж**, заимствованныхъ, понятно, изъ церковнославянскаго языка, ср. одежда, при одежа, осуждать, но, напр., осужать; вождь, но вожакъ; пища вмѣсто пича, ср. питать; причастія на **щій** (дѣлающій и т. п.), неизвѣстныя народному языку. Прилагательныя типа ходячій, горячій, горючій, гремучій, сидячій и т. п. являются русскими формами старыхъ причастій, утратившихъ связь съ глаголомъ, а причастіями вообще мы, какъ извѣстно, называемъ такія отглагольныя прилагательныя, которыя имѣютъ общія съ глаголомъ словообразовательныя формы залога и вида. Причастія, сохранившія связь съ глаголомъ въ русскомъ яз., утратили формы склоненія въ дѣйств. залогѣ и стали дѣепричастіями, ср. хваля (им. ед. м. р., ср. старосл. **хвала**), взявъ (им. ед. м. р.), взявши (обыкновенно эту форму объясняютъ какъ им. ед. ж. р.).

Въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ мы находимъ при **жч** разсматриваемаго происхожденія сочетаніе **дж**, вызванное вліяніемъ тѣхъ формъ данныхъ словъ, гдѣ являтся **д**, ср. ходжу, виджу. Въ великорусскихъ говорахъ мы находимъ **жд** аналогичнаго происхожденія (урождай, обиждать).

г) Старая группа **к т** передъ мягкою гласною въ общеславянскомъ яз. измѣнилась извѣстнымъ образомъ и въ результатѣ совпала съ продуктомъ измѣненія стараго **tj**, поэтому въ русск. яз. мы найдемъ **ч** при старосл. **шт**, въ такихъ случаяхъ, какъ печь при пеку, старосл. **пєштн**, мочь при могу, старосл. **мошти**.

д) Отъ того **щ**, которое является въ словахъ, заимствованныхъ изъ церковнослав. яз. вмѣсто ожидаемаго русскаго **ч**, надо отличать то **щ**, которое является и въ рус-

---

*) Въ церковномъ произношеніи вм. старославянскаго **шт** (въ современномъ болгарскомъ тоже **шт**) мы имѣемъ **щ**.

скомъ и въ старославянск. языкахъ одинаково, и получилось въ конечномъ результатѣ изъ группъ **ск** (см. стр. 69) и **скј**, **стј**.

Именно, старыя группы **ск** и **ст** въ соединеніи съ **ј** дали въ общеславянск. яз. такія сочетанія звуковъ, которыя перешли въ старосл. яз. въ видѣ **шт**, въ литературный русск. яз. въ видѣ **щ**; ищу — искать (**иштѫ—искати**), льшу — льстить, (**льштѫ**), русск. возвѣщу — возвѣстить (**въꙁвѣштѫ**).

Старыя группы **зг** и **зд** въ соединеніи съ **ј** дали въ общесл. яз. такія сочетанія звуковъ, которыя перешли въ старославянск. языкѣ въ **жд**, въ литературномъ русск. языкѣ являются въ видѣ **жж**, дожжя (пишется дождя по церковнославянск. ороографіи), въ им. ед., понятно, дощь (пишется дождь) по общему закону объ измѣненіи звонкихъ согласныхъ въ глухія въ концѣ слова, пригвожжу (пишется пригвозжу — пригвоздить). Долгія (двойныя) **ш** и **ж** такого происхожденія, мягкія въ литературномъ языкѣ, въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ отвердѣли.

Въ говорахъ (частью и въ литературномъ произношеніи) вм. **шч** существуетъ **шш**, кое-гдѣ отвердѣвшее и перешедшее въ простое **ш**, ср. обоянское: плошать; мещовское: яшикъ. Что касается **жж**, то въ говорахъ является и **ждж**, въ нѣкоторыхъ діалектахъ вм. долгаго **ж** (иначе двойного **ж**) существуетъ **ж** твердое. Можно думать, что общерусскими являются именно группы **шч** и **ждж**, которые затѣмъ въ отдѣльныхъ говорахъ подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ.

ж) Носовая губная **н** и плавныя **р** и **л** въ соединеніи съ **ј** въ общеславянск. яз. дали въ результатѣ мягкія **н**, **р**, **л**, ср. русск. гоню, орю (орать), мелю (молоть) и т. п.

з) Губныя **п**, **б**, **в** и губная носовая **м** въ соединеніи съ **ј** въ общеслав. яз. дали группы «губная согласная + **л** мягкое», въ 1-мъ слогѣ слова во всѣхъ діалектахъ, иначе въ однихъ діалектахъ общеслав. яз. мы находимъ тѣ же группы, а въ другихъ однѣ губныя мягкія согласныя. Въ русскомъ яз. мы находимъ всюду губную + **л**, тогда какъ въ старосл. яз. были діалекты обоихъ типовъ, а въ западнослав. языкахъ отразились діалекты безъ л, ср. люблю — любить, куплю — купить, ловлю — ловить, кормлю — кормить; земля, купля, ловля и т. п., ср. въ старославянск. яз. **ꙁемли** и **ꙁем͡и**, польскія ziemia, lubię «люблю» (въ польскомъ письмѣ буква i передъ гласной обозначаетъ мягкость предшествующей согласной, слѣдовательно, mia = р. мя; ę обозначаетъ е носовое). Въ 1-мъ слогѣ слова мы вездѣ найдемъ губную + **л**, ср. русск. плюю, старослав. **плюѭ** (здѣсь нѣкогда въ общеславянск. яз. была въ началѣ слова согласн. **п** + **ј**).

Разсмотрѣвъ тѣ условія, при которыхъ въ общеславянск. яз. получились смягченныя согласныя, перешедшія въ русскій языкъ, мы обратимся теперь къ исторіи общеславянскихъ согласныхъ въ предѣлахъ самого русскаго языка. Однако я скажу теперь же объ одномъ явленіи русскаго языка, въ которомъ отразилась діалектическая особенность самого общеславянск. яз., имѣя въ виду то обстоятельство, что выше неоднократно говорилось какъ разъ о діалектическихъ особенностяхъ общеславянск. языка. Это именно отсутствіе въ русскомъ яз. зубной взрывной передъ твердымъ **л** суффикса. Западнославянскіе яз. въ отличіе отъ южнославянскихъ и русскаго языка имѣютъ въ этихъ случаяхъ **д** въ положеніи передъ **л**: мыло (слав. **мыло**, польское mydło), рало (старослав. **рало**, польское radło), велъ (ср. веду), плелъ (ср. плету) ср. старослав. **велъ**, польское wiódł, гдѣ ó, произносящееся какъ **у**, изъ **е**, старослав. **плелъ**, польское plótł; что касается русск. сѣдло, то здѣсь между **д** и **л** утрачена ирраціональная гласная **ь** (о написаніи **ѣ** см. стр. 58).

Далѣе нужно сдѣлать предупрежденіе, что въ русск. паду — пасть, плету — плести и т. п. мы находимъ отраженіе явленія не самого русскаго языка, а эпохъ гораздо болѣе раннихъ. Дѣло въ томъ, что еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ **т** передъ зубными взрывными измѣнилось въ аффрикату **ц**, откуда общеславянск. яз. получилъ **с**, слѣдовательно, русское **с** въ приведенныхъ примѣрахъ не измѣненіе **т** въ самомъ русскомъ языкѣ (а **д** въ паду должно было измѣниться въ **т**, какъ скоро попадало въ положеніе передъ глухой согласной суффикса), а отраженіе процессовъ болѣе древнихъ.

II. Твердость и мягкость согласныхъ въ исторіи русскаго языка.

Мы уже видѣли раньше (см. выше), что русскій языкъ получилъ рядъ согласныхъ мягкихъ и что далѣе, въ общерусскую эпоху, смягчились и старыя твердыя согласныя въ положеніи передъ мягкими звуками. Малорусскій яз. измѣнилъ группы. мягкія согласныя + **и** и **е** такимъ образомъ, что въ результатѣ получились твердыя согласныя, при чемъ тамъ, гдѣ было старое **и** получилась группа согласная твердая и гласная близкая къ **и** въ однихъ говорахъ, **ы** въ другихъ говорахъ (Галиція, Подолія, Волынь), такимъ образомъ великорусской гласной **е**, т.-е. **э**, смягчающему предшествующую согласную, соотвѣтствуетъ малорусское **э**.

Отъ случаевъ смягченія согласной, вызваннаго вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго, какъ напр. въ любви, вбить, слѣдуетъ отличать по отношенію къ происхожденію тѣ случаи, гдѣ смягченіе согласной вызвано было нѣкогда слѣдовавшимъ за ней **ь**, это смягченіе происходило безотносительно къ качеству слѣдующей согласной, но сохранилось далеко не вездѣ, вслѣдствіе позднѣйшаго отвердѣнія мягкой согласной передъ слѣдующей твердой зубной согласной; ср. темный, равный съ твердыми **м** и **в** (изъ тьмьный, равьный; ср. теменъ, равенъ изъ тьмьнъ, равьнъ), но ср. напр. тьма, борьба и т. п., гдѣ слѣдующая согласная не зубная. Уже въ памятникахъ XII — XIII вв. мы находимъ написанія темъныи, равъныи, указывающія на отвердѣніе **м** и **в**. Согласная **н** отвердѣла во многихъ говорахъ: сонца, полотенца, но, напр., въ Рязанской губ. соньца, палатеньца и т. д., петрозаводское деревеньской и т. д.

Въ бѣлорусскомъ языкѣ смягченіе **т** и **д** повело къ измѣненію ихъ въ мягкія **ц** и **дз**, что легко объясняется физіологически: при сильномъ смягченіи согласныхъ фрикативный шумъ, образующійся при значительномъ суженіи прохода между органами рѣчи, легко переходитъ въ фрикативную согласную мѣста образованія, соотвѣтствующаго мѣсту образованія предшествующей согласной. Ср. бѣлор. цѣсто, церпѣць, дзѣци, дзѣдъ, дзерево и т. п.; далѣе напр., дзвѣ, гдѣ **дз** передъ мягкимъ **в**. Это явленіе носитъ условное названіе дзеканья. Въ сѣверновеликорусскихъ (Мологскій и Пошехонскій уѣзды Ярославской губ., Тверской уѣздъ) и въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ тоже отмѣчено дзеканье, но это явленіе, понятно, не стоитъ въ связи съ бѣлорусскимъ явленіемъ, а очень понятный съ физіологической точки зрѣнія самостоятельный процессъ.

Согласная **ч**, являющаяся слитной согласной (**тш**), въ литературномъ языкѣ и въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ сохраняетъ свою мягкость. Согласныя же **ж** и **ш** въ литературномъ яз. и въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ — твердыя, мягкими онѣ сохранились въ немногихъ сѣверновеликорусскихъ и небольшой части южновеликорусскихъ говоровъ (напр. въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губ.). Согласная **ц** является теперь вполнѣ твердой. Только въ калужскомъ говорѣ Тихонопуст.

волости отмѣчено мягкое **ц**. Судьбу древняго **ц** раздѣлило и новое **ц** съ долгою первою частью (менѣе точно сказать что **ц** здѣсь состоитъ изъ слитнаго сочетанія двойного **т** съ слѣдующимъ **с**) въ окончаніи 3-го лица глаголовъ возвратной формы: беретца, деретца; мы находимъ далѣе діалектически и такія образованія, какъ деруса, вмѣсто деруся. Въ малорусскомъ яз. **ш, ж** и **ч**, сохранили свою мягкость въ угрорусскихъ, горскихъ, галицкихъ и сѣверномалорусскихъ говорахъ, въ горскихъ говорахъ они мягки даже передъ **е, и**, но наряду съ этимъ извѣстно и отвердѣніе этихъ согласныхъ, при чемъ мягкость является въ нѣкоторыхъ изъ говоровъ этого рода только въ особыхъ случаяхъ; напр., ср. украинскія бижать, лежать, сушать, ускочать подъ вліяніемъ носять, водять. Согласное **ц** отвердѣла передъ **е, и**. въ прочихъ случаяхъ она сохраняетъ мягкость въ большинствѣ говоровъ. Въ бѣлорусскомъ яз. **ш, ж, ч** и **ц** вообще отвердѣли.

Долгое, иначе двойное **жж** (пишется, какъ мы видѣли, обыкновенно **зж**), о происхожденіи котораго мы говорили выше, произносится въ литературномъ языкѣ и въ части великорусскихъ говоровъ мягко. Діалектически сохраняется и **ждж**. Что касается звуковъ, которые пишутся какъ **щ**, то это частью **шш**, частью **шч**; въ литературномъ яз. **шш** (**щ**) мягко, въ великорусскихъ говорахъ частью твердо. Отвердѣніе этихъ звуковъ отмѣчено и въ сѣверновеликорусскихъ и въ южновеликорусскихъ говорахъ.

Довольно распространено въ великорусскихъ говорахъ смягченіе **к** при предыдущей мягкой согласной; его знаютъ многіе южновеликорусскіе и нѣкоторые сѣверновеликорусскіе говоры: ср. батькя, чыйкю, лягонькя, сѣверновеликорусскія (Вологодской губ.) матушкя, заморьськей; здѣсь же извѣстно и мягкое **х** того же происхожденія: верьхю.

При московскомъ перьвый, четверьгъ, черьнаго и т. д. мы находимъ во многихъ южновеликорусскихъ говорахъ тѣ же слова съ твердымъ **р**. Передъ нѣкогда бывшимъ **ь** въ серединѣ слова **р** отвердѣло, если слѣдовала зубная: морской, но въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ мѣстами слышится здѣсь **р** мягкое. Далѣе, **р** отвердѣло въ многихъ великорусскихъ говорахъ передъ **и**, если ему предшествуетъ согласная: ср. крыкъ, скрыпъ, грыбъ и т. д. Отвердѣніе **р** вообще мы находимъ въ бѣлорусскомъ яз. (мора= моря) и сѣверозападныхъ малорусскихъ говорахъ; на востокѣ бѣлорусской области сохранилось мягкое **р**.

Губныя отвердѣли передъ **і** изъ **іе** въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ: біда, съ твердыми **б** и **п**, но, въ угрорусскихъ и карпатскихъ говорахъ здѣсь сохраняется мягкость согласной. Въ бѣлорусскихъ говорахъ губныя передъ согласной тверды: землю и т. д. Что касается положенія передъ **j**, то здѣсь губныя твердыя: бъю, пъю, въю и т. д.

Передъ гласною задняго ряда губная, если была смягченная, переходила въ малорусскомъ яз. въ губную + **j**, который послѣ **м** давалъ **н** мягкое, а послѣ другихъ согласныхъ **л** мягкое (въ говорахъ и **н**): ср. мнясо, но угрорусское мьясо, камняний, мня = имя; ловлять, люблять и т. д. Отмѣченное мьясо и другіе аналогичные случаи (ставю, любять) м. б. новаго происхожденія (ставю и т. п. легко объясняются вліяніемъ ставишь и т. п.). Указываютъ для этихъ случаевъ и отвердѣніе губной въ діалектахъ.

Въ великорусскихъ говорахъ мы находимъ измѣненіе **к** и **г** мягкихъ въ **т** и **д**: телья — келья, тинуть — кинуть, здинуть — сгинуть. Ср. далѣе Левтей — Левкій, Авдотья — Евдокія.

Согласная + **j**, послѣ выпаденія между ними **и** краткаго въ южнорусскихъ говорахъ перешла въ мягкую согласную + **j**, откуда дальше двойная мягкая согласная, за

исключеніемъ того случая, если согласная отвердѣла; ср. малорусскія життя, браття, зілля, коріння, суддя и т. д. Въ позднѣйшее время наступило упрощеніе такой двойной (точнѣе долгой) согласной, извѣстное въ различныхъ говорахъ. Въ бѣлорусскихъ говорахъ мы находимъ то же измѣненіе согласныхъ за исключеніемъ отвердѣвшихъ (р и губныхъ): ср. пшичій, песьсе мясо, ружжо и т. д.

III. Измѣненія согласныхъ, вызванныя исчезновеніемъ ъ и ь.

Если вслѣдствіе исчезновенія **ъ** или **ь** предшествовавшая имъ глухая согласная приходила въ непосредственное соприкосновеніе со слѣдующей звонкой, то она становилась сама звонкой, зборъ, збирать (пишемъ сборъ, сбирать), свадьба (ср. сватъ), гдѣ (къдѣ). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что современная орографія во многихъ случаяхъ, слѣдуя этимологическому принципу, сохраняетъ написанія, не соотвѣтствующія живому произношенію, хотя въ такомъ случаѣ какъ свадьба она, наоборотъ, отступаетъ отъ этимологическаго принципа, ср. еще приставку **без—**, которая пишется всегда съ **з**, между тѣмъ какъ **из, низ, воз, раз** пишутся согласно съ произношеніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ черезъ **с**.

Обратно, звонкія согласныя переходили въ глухія передъ глухими, отъ которыхъ онѣ нѣкогда были отдѣлены **ъ** или **ь**. Ср. ношки, лошки (ножки, ложки), рѣтко (рѣдко), пчела (изъ бъчела) и т. п. Въ восточной части малорусскихъ говоровъ сохраняется въ этихъ случаяхъ звонкая согласная.

Кромѣ этого общаго явленія въ области ассимиляціи согласныхъ мы находимъ рядъ случаевъ, въ которыхъ группа согласныхъ или одинъ ея элементъ подверглись измѣненію и въ своемъ составѣ или качествѣ звука. Такъ, согласная **к** старое или изъ **г**, по вышеуказанному закону ассимиляціи, перешла въ великорусскомъ въ **х** передъ слѣдующимъ **к**; хъ кому — къ кому, мяхкій — мягкій (изъ мягъкій). Согласная **к** передъ **т** перешла тоже въ **х**: хто, хтебѣ, хтому, дехтя и т. д. Есть, однако, и сѣверновеликорусскіе, и южновеликорусскіе говоры, сохраняющіе **к** и **г**. Параллельно съ этимъ въ тогда, мы имѣемъ фрикативный звукъ **г**, ср. обычн. московское произношеніе. Въ сѣверныхъ говорахъ извѣстно и товда, гдѣ **в** изъ **г**. Согласная слитная **ч** передъ **т** перешла въ **ш** (што, хотя въ образованномъ обществѣ извѣстно и произношеніе что подъ вліяніемъ написанія что). Примѣры для упрощенія группъ согласныхъ: мущина изъ мужьщина, а **щ** здѣсь изъ **ск**, ср. мужьскъ; сонце (пишется солнце), ср. слав. **слъньце**; серце (пишется сердце), ср. **срьдьце**; въ концѣ слова исчезло **л** послѣ согласной, ср. умеръ изъ умерлъ (ср. умерла); пекъ изъ пеклъ (ср. пекла) и т. п.

Слитная согласная **ч** съ долгою первою частью получилась, напр., въ ветчина: здѣсь **тч** т.-е. **ч** съ первою долгою частью изъ **тш** (ветчина изъ ветъшина, ср. ветхій изъ ветъхій).

IV. Исторія отдѣльныхъ согласныхъ звуковъ.

1. Древнѣйшей сѣвернорусской особенностью является мѣна звуковъ **ц** и **ч**, такъ называемое цоканье и чоканье. Это явленіе состоитъ въ томъ, что вмѣсто этимологическаго **ц** мы находимъ **ч** и обратно вмѣсто **ч—ц** (чѣпь, црево). Понимать его надо такимъ образомъ: звуки **ц** и **ч** въ сѣвернорусскомъ произношеніи совпали въ одномъ среднемъ между ними звукѣ, откуда вновь развивались **ц** и **ч**, но уже по новымъ условіямъ, безъ отношенія къ старому этимологическому распредѣленію. Разсматриваемое явленіе можно прослѣдить по письменнымъ памятникамъ, начиная съ XI в., а налич-

ность цоканья—одна изъ характернѣйшихъ примѣтъ, позволяющихъ опредѣлить мѣсто происхожденія данной рукописи. Ср. въ новгородскихъ Минеяхъ XI в.: троичю, чѣло, отьчю, рече, роуцька и т. д. Находится оно въ памятникахъ собственно новгородскихъ, видимъ мы его и на Сѣв. Двинѣ въ XIV—XV в., въ Вологдѣ и Суздальской землѣ. Знаютъ его даже смоленскіе и полоцкіе акты, и это служитъ однимъ изъ указаній на діалектическій составъ современной бѣлорусской территоріи, знающей цоканье въ сѣверовосточной части. Какъ мы уже говорили раньше, здѣсь нѣкогда жили сѣверноруссы (ср. стр. 10—11).

Широко распространенное цоканье въ современныхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ является здѣсь, однако, на ряду и съ отсутствіемъ его въ извѣстныхъ мѣстахъ. М. б. это объясняется вліяніемъ другой вѣтви великоруссовъ—южной, потомкомъ среднеруссовъ, которые смѣшались въ извѣстныхъ пунктахъ съ сѣверными своими родичами. Съ другой стороны, ср. цоканье въ акающемъ говорѣ Касимовскаго уѣзда, куда оно зашло съ сѣвера.

Литературному языку цоканье чуждо, но такое слово, какъ цапля вм. чапля (сравн. южновелик. чапля) является заимствованіемъ изъ сѣверновеликорусскаго. Ср. фамилію Чаплинъ при Цаплинъ.

2. Во многихъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ мы находимъ вмѣсто твердаго **л** неслоговое **у**; является этотъ переходъ только тамъ, гдѣ **л** заканчиваетъ слогъ, ср. Архангельское ходиў, стрѣўка, вологодское быў, ярославское воўк и т. д. Что касается южновеликорусскихъ говоровъ, то мы находимъ это явленіе въ Воронежской губ., гдѣ оно можетъ объясняться малорусскимъ вліяніемъ. Въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губ., Будде отмѣтимъ три слова: фершаў, ходиў, посѣяў. Въ виду этого обстоятельства, вопросъ объ этомъ явленіи въ южновеликорусской области остается открытымъ.

Въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ языкѣ мы тоже находимъ переходъ **л** твердаго въ **у**, но здѣсь это явленіе совершилось независимо отъ великорусскаго его эквивалента; оно ограничено діалектическими формами прошедшаго времени (стараго причастія) на **лъ** и старыми сочетаніями **ъл** и **лъ** внутри словъ, ср. малорусскія. поўний, воўк, даў, ходиу, просиў, бѣлорусскія: поўны, ваўкі, тоўсты, быў, ўзяў; въ другихъ малорусскихъ говорахъ оно захватило всякое **л** твердое. Данныя памятниковъ не старше XV в. (грамоты западнорусскія: Витовда, жывъ = жилъ и т. д.).

Физіологически переходъ **л** твердаго въ **ў** легко объясняется, такъ какъ при образованіи этого согласнаго языкъ нѣсколько выгибается вверхъ въ задней части своей спинки.

Кромѣ указаннаго явленія надо отмѣтить замѣну **л** твердаго среднимъ европейскимъ **l** (французскаго, нѣмецкаго типа) въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ, въ индивидуальномъ, особенно женскомъ, произношеніи. Въ орловскихъ и тульскихъ говорахъ отмѣчена такая же замѣна, но пока не собранъ еще достаточный матеріалъ для сужденія о характерѣ этого явленія. Въ малорусскихъ говорахъ тоже является замѣна **л** черезъ **l**, понятно, вслѣдствіе того, что малорусскій языкъ во многихъ случаяхъ получилъ среднее **l** вм. **л** мягкаго передъ старыми мягкими гласными.

Въ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ мы находимъ **л** твердое вм. **л** мягкаго передъ отвердѣвшей согласной, особенно передъ **н**, ср. кадниковское болной, никольское силной и т. д.

3. Взрывный звукъ **г**, существующій въ литературномъ и сѣверновеликорусскомъ произношеніи, замѣненъ въ южновеликорусскомъ, бѣлорусскомъ и малорусскомъ фрикативнымъ звукомъ **ґ**, существующимъ и въ нѣкоторыхъ немногихъ словахъ въ лите-

ратурномъ яз. (Бога и т. п.), гдѣ онъ слѣдъ церковнаго южнаго произношенія. Звукъ **г** въ малорусскомъ, переходя въ придыханіе **h**, въ говорахъ исчезаетъ: 1) въ концѣ словъ, напр. на нічлі на нічліh, на нічліг; 2) въ серединѣ словъ между двумя гласными. дороа и т. п.

Особо стоитъ звукъ **г** въ род. ед. прилагательныхъ и мѣстоименій, который мы находимъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ: въ Олонецкой, въ Архангельской губ. отмѣчено такое произношеніе. Звукъ **в** въ этомъ окончаніи мы находимъ и въ сѣверновеликорусскихъ и въ южновеликорусскихъ говорахъ, въ другихъ южновеликорусскихъ говорахъ мы находимъ—**ого**. Наконецъ, есть говоръ (Тульской губ.), гдѣ вмѣсто **в** слышится **ў**, т.-е. **у** неслоговое (коуо́) и далѣе съ полнымъ отсутствіемъ согласной: каб. Общерусскій языкъ получилъ въ этомъ окончаніи изъ общеславянскаго яз. звукъ **г**, и отдѣльныя діалектическія явленія представляютъ продукты измѣненія этого общеславянскаго и общерусскаго звука. Это старое **г**, очевидно, до появленія новаго **г** изъ **г** въ діалектахъ общерусскаго языка, переходило въ придыханіе и исчезало. а затѣмъ между гласными вновь развивалось **ў**.

4. Звуку **в** (или образовавшемуся изъ него **ф** передъ глухими и въ концѣ словъ) литературнаго произношенія въ великорусской области соотвѣтствуетъ въ рядѣ говоровъ и на сѣверѣ, и на югѣ передъ согласными и въ концѣ словъ неслоговое **ў**: заўтра, роўно. ўсе, у городи, муужикоў и т. д. Находимъ его и между гласными: кўасу (Московскій уѣздъ). броўи (Одоевскій уѣздъ). Въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ языкѣ мы тоже находимъ **ў** вм. **в**. но является и **в**. М. б. мы имѣемъ здѣсь общерусское **ў**, переходившее затѣмъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ въ **в**.

5. Звукъ **ф**, самъ по себѣ чуждый вообще исконнымъ словамъ славянской рѣчи и являющійся здѣсь только въ заимствованныхъ словахъ (кромѣ, понятно, **ф** изъ **в** въ такихъ случаяхъ, какъ кроф = кровь), переходитъ въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи мѣстами въ **х**: ср. х кораблі = въ кораблѣ, версхка, дѣхка, крох (= кровь)— послѣдніе примѣры показываютъ, что измѣненіе касается не только стараго **ф**, но и **ф** изъ **в**. Замѣчу, что параллельно съ этимъ въ сѣверновеликорусскомъ мы имѣемъ изъ **в** звукъ **г**. **г** воду = въ воду. гнукъ = внукъ и т. п.

Во многихъ южновеликорусскихъ говорахъ вм. этимологическаго **ф** мы находимъ **хв** — хведоръ, параллельно съ этимъ вмѣсто **хв** является **ф** — фостъ = хвостъ. Вслѣдствіе произношенія **в** какъ **ў** во многихъ мѣстахъ здѣсь нѣтъ **ф** изъ **в**.

Въ малорусскомъ діалектически вм. **хв** мы находимъ **ф** — галицкое форост. Болѣе обыченъ здѣсь переходъ **ф** въ **хв** — хведько, хванько, хвартукъ.

6. Шепелявое произношеніе **с** и **з** мягкихъ, извѣстное, какъ мы видѣли на стр. 14, изъ старыхъ псковскихъ текстовъ, какъ кажется, сохраняется мѣстами въ псковскихъ говорахъ и понынѣ. Кромѣ того такое же произношеніе отмѣчено въ Касимовскомъ уѣздѣ, гдѣ оно, конечно, не связано генетически съ соотвѣтствующимъ фактомъ псковского говора. Наконецъ, должно быть отдѣляемо и аналогичное явленіе въ бѣлорусскихъ говорахъ, гдѣ оно, впрочемъ, не очень распространено.

13. Явленія начала и конца слова.

1. Въ южнорусскую эпоху, повидимому, развивался придыхательный приступъ передъ гласными **а**, **о**, **у**, откуда далѣе въ отдѣльныхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ развивалось въ качествѣ отдѣльнаго звука **г**, **j**, **ў**; ср. малорусскія: галицкія воко, воріх; украинскія годин, гочи, joріх, воріх; галицкія ўвухо; угрорусскія: ўогень,

уозеро; нѣжинскія: на юлиці, юсі = всѣ; бѣлорусскія гарэх. гарбуз, восинь, передъ старымъ **о** мы находимъ **в** и въ великорусскомъ: вотчина, восень, вострый, вотъ, а въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ здѣсь **г**, **j**, **ў** — ср. галицкое вострий, украинское гострий, карпатское јострий, бѣлорусск. вострый, гавес = овесъ.

Начальное **и** получаетъ и въ великорусскомъ, и въ малорусскомъ при извѣстныхъ условіяхъ тоже **j** ср. малорусскія ји́скра и ги́скра, бѣлорусское гиншимъ, гиншаго (иншимъ, иншаго). Извѣстно это явленіе и въ южновеликорусскихъ говорахъ. јикра, јиначе и т. п. Что же касается начальнаго придыханія и далѣе **j** и **г** въ такихъ случаяхъ, какъ воронежское јадинъ, јадно, крапивенское голубя, то намъ трудно сказать, насколько это явленіе распространено. Передъ **у** довольно распространено **ў** (**в**) — вумъ, ўутро и т. п.

2. Гласныя **и**, **ы**, **е**, **о** въ открытомъ концѣ слова безъ ударенія переходили въ ирраціональныя гласныя, затѣмъ исчезнувшія. бу́дь, изъ буди, ср. несй, ходи́ть, ср. нести́ (малорусское діалектическое ходить, въ бѣлорусскомъ часто безъ ударенія — ти (ци); тамъ, такъ изъ тамо, тако, малорусск. туд вмѣсто туда. тутъ изъ туто, малорусская форма 2-го л. мн. повел. накл. ть изъ те: идіть и т. д. дочь при діалект. дочи́. Сохраненіе въ говорахъ формъ съ гласными не отпавшими объясняется, какъ нефонетическое явленіе; при неопред. формѣ глагола — ть были неопред. и на — ти: понятно, что въ различныхъ говорахъ (въ бѣлорусскихъ часто) сохранились и формы на — ти безъ ударенія. Далѣе, напр., туто при тут, объясняется вліяніемъ тутось и т. п.

Въ значительной части сѣверновеликорусскихъ говоровъ гласныя **о**, **а** въ открытомъ концѣ слова подверглись болѣе поздней редукціи, причемъ **о** перешло въ **а**, а **о**, **а** послѣ мягкой согласной перешли въ **е**. Примѣръ: (для **а** изъ **о** примѣры преимущественно въ род. ед., такъ какъ въ другихъ случаяхъ было вліяніе аналогіи со стороны другихъ словъ съ ударяемымъ **о**) доброва, въ Костромской, Новгородской, Вятской и др. губ.; петрозаводское бросилсе, бѣломорское толькс, онежское смѣляе, — те безъ ударенія во 2-мъ л. мн. ч. (фонетическая форма, какъ мы видѣли въ отдѣлѣ о судьбѣ звука **е**, — на **тя** безъ ударенія) хва́станте и т. д.

3. Согласныя звонкія въ концѣ слова послѣ отпаденія **ъ** и **ь** перешли въ глухія; въ нѣкоторыхъ говорахъ (сѣверновеликорусск. яранск. и въ украинскихъ малорусск.), звонкія согласныя сохранились. Традиціонная ороографія продолжаетъ писать согласныя звонкія тамъ, гдѣ они въ живой рѣчи звучатъ, какъ глухія, какъ скоро ясно это ихъ происхожденіе: ср. гвоздь — живое гвость, ножъ — живое ношъ, мазь — живое масъ.

4. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ въ русскомъ языкѣ отвердѣніе конечныхъ согласныхъ, бывшихъ нѣкогда мягкими передъ исчезнувшимъ затѣмъ **ь**. Отвердѣніе надо объяснить здѣсь, повидимому, тѣмъ, что мягкость согласныхъ не находила себѣ въ случаяхъ этого рода поддержки со стороны родственныхъ образованій, гдѣ мягкая согласная приходилась передъ сохранившейся мягкой гласной. Сюда принадлежитъ окончаніе — мъ 1-го л. ед. ч. глаголовъ дамъ, ѣмъ (есмь — не существующая въ живомъ языкѣ форма);—мъ въ окончаніи твор. ед. конемъ, стогомъ, гдѣ было старое — мь; сюда же относится и — тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ (только въ 3-мъ л. мн. ч. въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздѣ слышится — ть), въ московскомъ и литературномъ нарѣчіи при — ть въ южновеликорусскомъ нарѣчіи въ соотвѣтствующихъ формахъ: берутъ при южновеликорусск. беруть. Сохраненіе есть и вѣсть (3-ье л. глагола, напр. Богъ вѣсть), вѣроятно,

обусловлено мягкостью предшествующаго **с**. Съ другой стороны ср. к о с т ь, п у т ь, гдѣ мягкость сохранилась подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей. Въ малорусскихъ говорахъ (сѣверныхъ, югозападныхъ украинскихъ и галицкихъ)—**т** въ окончаніи 3-го л. твердое. Губныя, сохранившіяся мягкими, отвердѣли въ части великорусскихъ говоровъ: любовъ, семъ: въ московскомъ нарѣчіи губныя здѣсь мягки.

Всѣ конечныя согласныя отвердѣли въ нѣкоторыхъ угрорусскихъ и галицкихъ говорахъ: ден, пят и т. д.

14. У д а р е н і е.

Удареніе въ общеславянскомъ яз. было подвижнымъ и имѣло нѣкогда музыкальный элементъ въ извѣстномъ его сочетаніи съ экспираторнымъ. Смѣшанный характеръ ударенія мы до сихъ поръ находимъ въ сербскомъ яз., хотя, понятно, нельзя отожествлять его вполнѣ съ общеславянскимъ яз. въ этомъ отношеніи. Русскій языкъ, сохранивъ вообще подвижность ударенія, имѣетъ теперь только экспираторное удареніе, при чемъ въ литературномъ языкѣ въ сложныхъ словахъ на первой половинѣ лежитъ второстепенное удареніе: языковѣдѣніе. Довольно много словъ въ рѣчи не имѣетъ самостоятельнаго ударенія, это такъ называемыя энклитиками (предлоги, частицы); на мѣстоименіяхъ, если на нихъ не падаетъ логическаго ударенія, т.-е. главнымъ образомъ въ томъ ихъ употребленіи, когда они стоятъ при глаголѣ для обозначенія лица, лежитъ лишь весьма слабое удареніе, ср. я говорю, онъ пришелъ въ составѣ обычнаго повѣствовательнаго предложенія и· я говорю? онъ пришелъ? съ сильнымъ удареніемъ на мѣстоименіи.

Отношеніе неударяемыхъ и ударяемыхъ слоговъ по силѣ въ литературномъ языкѣ выражается цифрами 1—2—3—1—1, т.-е. наиболѣе сильный слогъ подъ удареніемъ (3), слогъ ему предшествующій слабѣе его, но сильнѣе всѣхъ прочихъ (слогъ передъ удареніемъ 2, всѣ прочіе 1). Въ малорусскомъ произношеніи отношеніе иное; слогъ передъ удареніемъ довольно слабъ, но слогъ, ему предшествующій получаетъ нѣкоторое усиленіе и второстепенное удареніе; слабое второстепенное удареніе падаетъ и на конечный слогъ, который къ тому же, если не оканчивается на согласную, нѣсколько протягивается.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

Предварительныя замѣчанія 1

Общая часть:

1. Составъ славянскои вѣтви индоевропейской семьи языковъ 3
2. Древнерусскія нарѣчія и современныя намъ нарѣчія великорусскія, бѣлорусскія и малорусскія 8
3. Русскии литературный языкъ 12
4. Важнѣишіе моменты въ исторіи русскаго правописанія 17
5. Важнѣйшіе моменты въ исторіи науки о русскомъ языкѣ 21
6. Измѣненіе звуковои стороны языка 29
7. Звуковои составъ русскаго языка 32

Фонетика:

1. Гласныя **ъ** и **ь** 43
2. Сочетанія **ъ** и **ь** съ слоговыми плавными 45
3. Удлиненіе гласныхъ **о** и **е** 46
4. Гласныя **е** и **о** въ такъ называемомъ полногласіи 47
5. Второе полногласіе 50
6. Гласная **е** 52
7. Исторія **ѣ** 56
8. Носовыя гласныя 58
9. Гласныя **и** и **ы** 62
10. Гласная **а** 63
11. Аканье 64
12. Согласныя 67
    - I. Смягченіе согласныхъ (старое) 67
    - II. Твердость и мягкость согласныхъ въ исторіи русскаго языка 72
    - III. Измѣненія согласныхъ, вызванныя исчезновеніемъ **ъ** и **ь** 74
    - IV. Исторія отдѣльныхъ согласныхъ звуковъ 74
13. Явленія начала и конца слова 76
14. Удареніе 78